

ПАМЯТЬ ЛЬДА

ТОМ 2

МАЛАЗАНСКАЯ КНИГА ПАВШИХ: СКАЗАНИЕ ТРЕТЬЕ

СТИВЕН ЭРИКСОН

Малазанская империя

Стивен Эриксон
Память льда. Том 2

«ЭКСМО»

2001

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)

Эриксон С.

Память льда. Том 2 / С. Эриксон — «Эксмо»,
2001 — (Малазанская империя)

ISBN 978-5-699-87048-6

Разрываемый длительными войнами континент Генабакис стал колыбелью для новой кровавой империи – Паннионского Домина. Армии таинственного Провидца захватывают город за городом, буквально опустошая всё на своём пути. Чтобы противостоять им, объявленное вне закона Войско Дуджека Однорукого вынуждено объединиться с заклятым врагом Малазанской империи. С теми, кто многие годы сражался с малазанцами: с кочевым народом рхиви, Каладаном Брудом, Аномандром Рейком и его народом тисте анди. Ситуацию усложняет то, что кланы древних неупокоенных воинов, т'лан имассов, тоже приходят в движение и грозят серьёзными изменениями в расстановке сил. В этом безумном водовороте сражений, интриг и тайн мало кто знает о природе настоящей угрозы. О том, кого называют Увечным богом. О том, кто некогда был вызван сюда из чуждого, враждебного мира, – и теперь начал собственную игру. Третий роман из величественного эпического полотна «Малазанской Книги Павших» – впервые на русском!

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-699-87048-6

© Эриксон С., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Действующие лица	9
Караван-сарай	9
Капастан	10
Войско Однорукого	11
Войско Бруда	12
Баргасты	13
Послы из Даруджистана	14
Т'лан имассы	15
Паннионский Домин	16
Другие	17
Память льда	18
Книга третья	18
Глава четырнадцатая	18
Глава пятнадцатая	47
Глава шестнадцатая	72
Глава семнадцатая	88
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Стивен Эриксон

Память льда. Том 2

Steven Erikson

Memories of Ice

Copyright © Steven Erikson 2001.

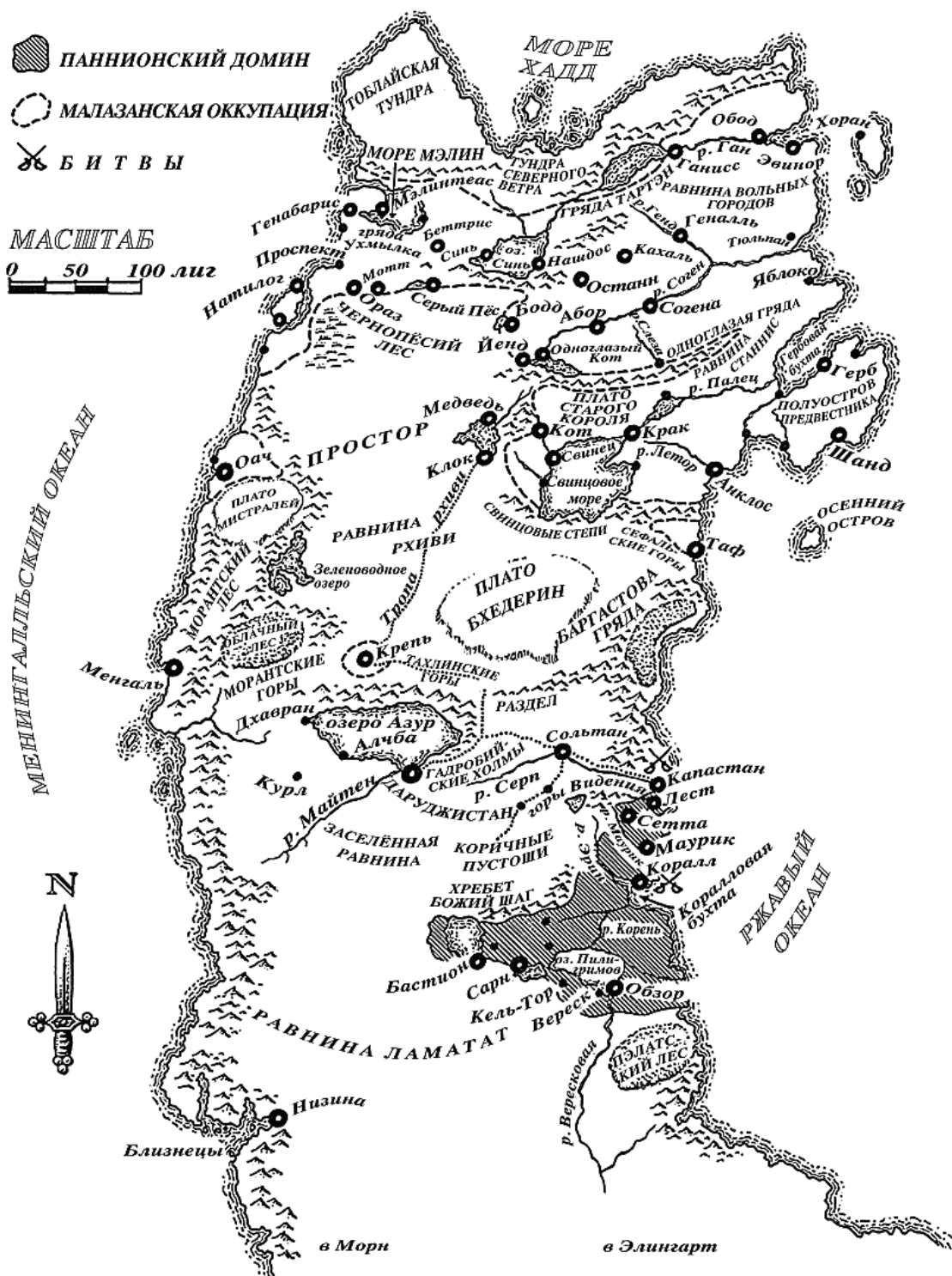
This edition is published by arrangement with Transworld Publishers, a division of The Random House Group Ltd.

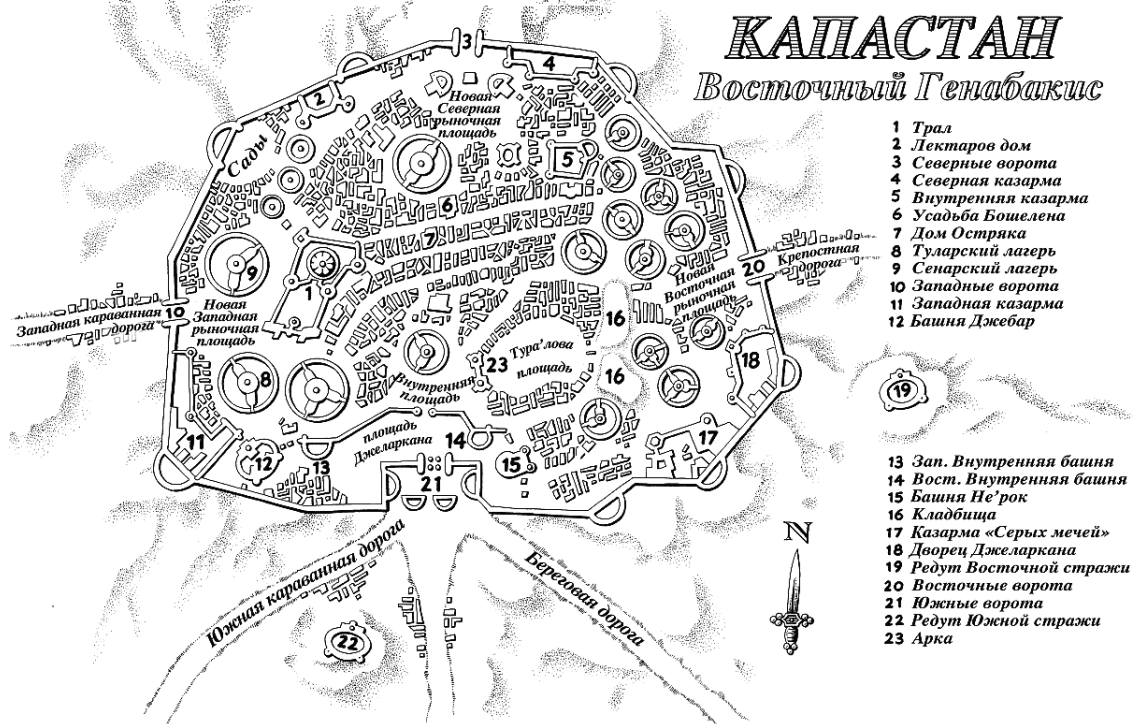
© Лихтенштейн Е., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

ГЕНАБАКИС

Паннионская война ок. 1160 года Сна Огни

Действующие лица

Караван-сарай

Остряк, охранник каравана
Скалла Менакис, охранница каравана
Драсти, охранник каравана
Бук, охранник каравана
Бошелен, путешественник
Корбал Брош, его молчаливый напарник
Эмансипор Риз, слуга
Керули, торговец
Мрамор, чародей

Капастан

Брухалиан, Смертный Меч Фэнерова Устава («Серые мечи»)
Итковиан, Кованый Щит Фэнерова Устава («Серые мечи»)
Карнадас, Дестриант Фэнерова Устава («Серые мечи»)
Вельбара, новобранец («Серые мечи»)
Мастер-сержант Норул («Серые мечи»)
Фаракалиан («Серые мечи»)
Накалиан («Серые мечи»)
Торун («Серые мечи»)
Сидлис («Серые мечи»)
Нильбанас («Серые мечи»)
Джеларкан, князь и правитель Капастана
Арард, князь и правитель Коралла в изгнании
Рат'Фэнер (жрец из Совета Масок)
Рат'Престол Тени (жрец из Совета Масок)
Рат'Королева Грёз (жрица из Совета Масок)
Рат'Худ (жрец из Совета Масок)
Рат'Д'рек (жрец из Совета Масок)
Рат'Трейк (жрец из Совета Масок)
Рат'Огнь (жрица из Совета Масок)
Рат'Тогг (жрец из Совета Масок)
Рат'Фандерея (жрица из Совета Масок)
Рат'Дэссембрей (жрица из Совета Масок)
Рат'Опонн (жрец из Совета Масок)
Рат'Беру (жрец из Совета Масок)

Войско Однорукого

Дуджек Однорукий, командир малазанской армии отступников
Скворец, заместитель командира малазанской армии отступников
Вывих, командир Чёрных морантов
Артантос, знаменосец малазанской армии отступников
Барак, офицер связи
Хареб, капитан-аристократ
Ганос Паран, капитан «Мостожоги»
Мураш, сержант, Седьмой взвод, «Мостожоги»
Хватка, капрал, Седьмой взвод, «Мостожоги»
Дэторан, солдат, Седьмой взвод, «Мостожоги»
Штырь, маг и сапёр, Седьмой взвод, «Мостожоги»
Дымка, солдат, Седьмой взвод, «Мостожоги»
Молоток, целитель, Седьмой взвод, «Мостожоги»
Вал, сапёр, Седьмой взвод, «Мостожоги»
Тротц, солдат, Седьмой взвод, «Мостожоги»
Быстрый Бен, маг, Седьмой взвод, «Мостожоги»
Бестолочь, капрал, «Мостожоги»
Бакланд, сержант, «Мостожоги»
Рантер, сапёр, «Мостожоги»
Грунт, целитель, «Мостожоги»
Перл, маг, «Мостожоги»
Чубук, маг, «Мостожоги»
Пальчик, маг, «Мостожоги»

Войско Бруда

Каладан Бруд, предводитель освободительной армии Генабакиса
Аномандр Рейк, Владыка Лунного Семени
Каллор, Верховный Король, правая рука Бруда
Мхиби, женщина из племён рхиви
Серебряная Лиса, Перерождённая рхиви
Корлат, одиночница, тисте анди
Орфантал, брат Корлат
Хурлокель, всадник в освободительной армии
Карга, старейшая из великих воронов и спутница Аномандра Рейка

Баргасты

Хумбролл Тор, военный вождь клана Белолицы

Хетан, дочь вождя

Кафал, старший сын вождя

Неток, второй сын вождя

Послы из Даруджистана

Колл, посол
Эстрайсиан Д'Арле, советник
Барук, алхимик
Крупп, горожанин
Мурильо, горожанин

Т'лан имассы

Крон, предводитель Кроновых т'лан имассов
Каннинг Тол, вождь клана
Бек Охан, заклинатель костей
Пран Чоль, заклинатель костей
Окрал Лом, заклинатель костей
Бендал Хоум, заклинатель костей
Ай Эстос, заклинатель костей
Олар Этил, первая заклинательница костей и первая одиночница
Тлен, Отверженный, прежде Первый Меч
Килава, отступница, заклинательница костей
Ланас Тог, из Керлумовых т'лан имассов

Паннионский Домин

Провидец, царь-жрец Домина
Ультентха, септарх Коралла
Кульпат, септарх осаждающей армии
Инал, септарх Леста
Анастер, тенескаури, Дитя Мёртвого Семени
Провидомин Кальт

Другие

К'рул, Старший бог
Драконус, Старший бог
Сестра Холодных Ночей, Старшая богиня
Госпожа Зависть, обительница Морна
Гетол, Глашатай
Трич, Первый герой (Тигр Лета)
Ток Младший, Арал Фэйл, малазанский разведчик
Гарат, огромный пёс
Баальджагг, ещё более огромная волчица
Мок, сегулах
Турул, сегулах
Сену, сегулах
Скованный, неизвестный Взошедший (также именуемый Увечным богом)
Ведьма Теннеса
Мунуг, даруджиец-ремесленник
Таламандас, баргастское чучелко
Ормулогун, художник в Войске Однорукого
Гамбл, его критик
Харадас, глава каравана Тригалльской торговой гильдии
Азра Джаэль, морпех из Войска Однорукого
Корешок, из Моттских ополченцев
Хлев, из Моттских ополченцев
Пень, из Моттских ополченцев
Иов Валун, из Моттских ополченцев

Память льда Том 2

Книга третья Капастан

Последним Смертным Мечом Устава Фэнера был Фанальд из Кон-Вора, погибший при Сковывании. Вепрев плащ Дестрианта последним надевал Ипианк из Корелри, который пропал без вести во время Последнего Побега Манаска на Ледовых полях Стратема. Другой человек был готов принять этот титул, но его изгнали из клира, а имя его вычеркнули из всех записей. Известно, однако, что он был родом из Унты; в юности промышлял воровством на зловонных улочках столицы, а также – что отлучение сопровождалось невиданной карой со стороны Устава Фэнера...

Биррин Тунд. Храмовые биографии

Глава четырнадцатая

Если только можете, дорогие мои друзья, старайтесь не оказываться в осаждённом городе.

Убиласт (Безногий)

В таверне, занимавшей весь юго-восточный угол старой Даруджийской улицы, было не больше полудюжины посетителей, почти все – чужеземцы, которые, как и Остряк, оказались теперь в ловушке. Паннионская армия под стенами Капастана уже больше пяти дней ничего не предпринимала. Поговаривали, что за гребнем на севере видели тучи пыли, которые означали... что-то. Но это было уже несколько дней назад, и с тех пор ничего не случилось.

Чего ждал септарх Кульпат, не знал никто, зато догадок было хоть отбавляй. Баржи перевозили всё больше и больше тенескаури через реку, так что уже казалось, будто половина населения империи вступила в крестьянскую армию.

– Их такая прорва, – сказал кто-то колокол назад, – что каждому достанется разве что по кусочку капастанца.

Посмеялся над шуткой один лишь Остряк.

Капитан сидел за столом у входа, опершись спиной на грубо оштукатуренный, укрепленный балками дверной проём, слева от самой двери, лицом к низкому главному залу таверны. По земляному полу под столами кралась мышь, перебегала из тени в тень, скользила среди сапог и ботинок посетителей.

Остряк следил за её странствием из-под полуопущенных век. На кухне ещё можно было раздобыть порядочно еды – так ему, во всяком случае, подсказывал нос. Однако Остряк отлично понимал, что если осада затянется, этому изобилию быстро настанет конец.

Его взгляд метнулся к закопчённым стропилам, где спала, свесив лапы с перекладины, местная кошка. Охотилась она, похоже, только во сне. По крайней мере, сейчас.

Мышь добралась до подножки у стойки и двинулась вдоль неё ко входу в кухню.

Остряк вновь пригубил разведённого вина – воды в кубке было уже явно больше; паннионцы сжали хватку на горле города почти неделю назад. Остальные шесть посетителей

сидели поодиночке за столами или опирались на стойку. Временами они обменивались словом-другим, как правило, бессмысленными комментариями, на которые редко отвечали чем-то большим, чем хмыканьем.

Остряк приметил, что днём и по ночам в таверне собирались два разных типа людей. Сейчас он смотрел на первых – эти чуть ли не жили в общем зале, медленно потягивали вино и эль. Они были чужими в Капастане, не имели приятелей, зато передружились между собой, пусть и объединяло их лишь совместное ничегонеделание. К ночи начнут подходить другие. Крикливые, драчливые, они затаскивали внутрь уличных шлюх и швыряли свои монеты на столы так, будто думать не думали о завтрашнем дне. В них кипела энергия отчаяния, лихой привет, брошенный в лицо Худу. *«Мы – твои, костяной ублюдок, – будто говорили они. – Но не раньше рассвета!»*

Они кипели, текли, словно пенное море среди неподвижных, безразличных камней – молчаливых, одиноких посетителей дневного времени.

Море и камни. Море пускается в пляс перед лицом Худа, лишь только он оказывается поблизости. Камни уже так давно смотрят в глаза этому ублюдку, что им лень даже пошевелиться, не то что плясать. Море громогласно хохочет над собственными шутками. Камни со скрежетом бросят одну фразу, которой хватит, чтобы весь зал замолчал. «Разве что по кусочку капастанца...»

В следующий раз лучше буду держать язык за зубами.

Кошка встрепенулась на балке, потянувшись так, что чёрные полосы волнами побежали по бурому меху. Свесила голову вниз, приподняв уши.

Мышь замерла на пороге кухни.

Остряк тихонько присвистнул.

Кошка посмотрела на него.

Мышь метнулась в кухню и скрылась из виду.

С громким скрипом дверь таверны распахнулась внутрь. Вошёл Бук, встретился взглядом с Остряком, затем устало опустился на стул рядом.

– Ты очень предсказуем, – пробормотал пожилой мужчина и жестом заказал ещё два кубка, как только поймал взгляд кабатчика.

– Ага, – отозвался Остряк. – Я – камень.

– Камень, значит? Скорей уж толстая игуана на камне. А когда придёт большая волна...

– Худ с ним. Ладно, ты меня нашёл, Бук. Что дальше?

– Просто хотел поблагодарить тебя за помощь, Остряк.

– Это что, была ирония, старик? Ещё немного потренируешься и...

– На самом деле я почти серьёзно. Мутная вода, которую ты мне дал выпить, – зелье Керули – оно просто чудеса творит. – На узком лице Бука возникла хитрая улыбка. – Чудеса...

– Рад слышать, что тебе лучше. Есть ещё новости, потрясающие основы мироустройства? Если нет...

Бук откинулся на спинку, чтобы дать кабатчику поставить на стол два кубка, а когда тот заковылял прочь, сказал:

– Я встречался со старейшинами Лагерей. Поначалу они хотели идти прямо к князю...

– Но потом опомнились.

– Пришлось их слегка подтолкнуть.

– Значит, теперь у тебя есть всё, чтобы не дать этому чокнутому евнуху играть в привратника у Худовых врат. Хорошо. Нельзя допустить панику на улицах, когда четверть миллиона паннионцев осаждают город.

Бук прищурился и посмотрел на Остряка.

– Так и думал, что покой тебе больше по душе.

– Ну вот, уже лучше.

– Но мне всё равно нужна твоя помощь.

– Не пойму, в чём, Бук. Если только ты не хочешь, чтобы я дверь высадил и снёс Корбалу Брошу голову с плеч. Но тогда тебе нужно будет отвлечь Бошелена. Поджечь его, например. Мне много времени не нужно. Главное – подобрать момент. Скажем, когда стены пробыют и на улицы хлынут тенескаури. Тогда мы возьмёмся за руки и пойдём к Худу вместе, распевая весёлые песенки.

Бук ухмыльнулся, салютуя кубком.

– Идёт, – сказал он и выпил.

Остряк осушил свою чашу, потянулся за другой.

– Ты знаешь, где меня найти, – буркнул он некоторое время спустя.

– Пока не нахлынет волна.

Кошка прыгнула с балки, метнулась вперёд и зажала лапой таракана. Начала с ним играть.

– Ладно, – прорычал после паузы капитан, – чего ещё сказать хочешь?

Бук небрежно пожал плечами.

– Говорят, Скалла подалась в добровольцы. Ходят слухи, что паннионцы наконец готовы начать первый штурм. В любой момент.

– Первый? Да второй им скорее всего и не понадобится. А «готовы» – они уже несколько дней, как готовы, Бук. Если Скалла решила жизнь свою положить, защищая то, что защитить невозможно, это её личное дело.

– А какая альтернатива? Паннионцы пленных брать не будут, Остряк. Всем нам придётся драться – рано или поздно.

Это ты так думаешь.

– Если только, – продолжил Бук после паузы, вновь поднимая кубок, – ты не собираешься переметнуться. Обрести вдруг веру, по необходимости...

– А какой ещё выход?

Взгляд Бука стал суровым.

– Набьёшь брюхо человечины, Остряк? Чтобы выжить? И на такое пойдёшь, да?

– Мясо есть мясо, – ответил Остряк, не сводя глаз с кошки. Тихий хруст дал ему знать, что игра окончена.

– Однако, – сказал Бук, поднимаясь, – не ожидал, что ты ещё способен меня огоршить. Думал, я тебя знаю...

– Думал.

– Значит, за это отдал жизнь Драсти.

Остряк медленно поднял голову. Бук увидел в его глазах нечто такое, что вдруг отступил на шаг.

– Ты с каким Лагерем сейчас работаешь? – спокойно поинтересовался капитан.

– С Ульдано, – прошептал пожилой мужчина.

– Я к тебе туда загляну. А пока что, Бук, пшёл прочь с глаз моих.

Тени отступили к стенам гарнизона, так что Хетан и её брат, Кафал, остались на солнцепёке. Склонив головы, баргасты сидели на корточках на старой, потёртой подстилке. По телам обоих тёк пот – почерневший от сажи. Между ними стояла широкая, неглубокая жаровня с горящими углями.

По обе стороны от баргастов пробежали солдаты и княжеские посыльные.

Кованный Щит Итковиан разглядывал их со своего места у входа в цитадель. Он не слышал, чтобы баргасты увлекались медитацией, но Хетан и Кафал почти ничего другого не делали с самого возвращения из Пленника. Они постились, ни с кем не говорили, самым

неудобным образом расположились посреди цитадельного двора, в общем, превратились в неприступный остров.

Это не обычный покой смертных. Они странствуют среди духов. Брухалиан требует, чтобы я отыскал к ним подход – любой ценой. Остался ли у Хетан ещё хотя бы один секрет? Дорога к спасению для себя и для брата, а также для костей Духов-Основателей? Неведомая слабость в нашей обороне? Недостаток в расположении паннионцев?

Итковиан вздохнул. Он уже пробовал – безуспешно. Придётся попытаться снова. Он уже приготовился шагнуть вперёд, но вдруг почувствовал чьё-то присутствие рядом и, обернувшись, увидел князя Джеларкана.

Лицо молодого человека осунулось от усталости. Руки с длинными пальцами дрожали, хоть и были сплетены у пояса. Не сводя глаз с мельтешения во дворе, князь сказал:

– Кованый Щит, я должен знать, что намеревается делать Брухалиан. У него есть нечто – то, что вы, солдаты, зовёте бритой костяшкой в дыре – это мне ясно. И вот я вновь пришёл, чтобы добиться аудиенции у человека, который состоит у меня на службе. – Джеларкан даже не пытался скрыть горький сарказм этих слов. – Безуспешно. У Смертного Меча нет на меня времени. Нет времени на князя Капастана.

– Сударь, – ответил Итковиан, – вы можете задать свои вопросы мне, и я сделаю всё возможное, чтобы ответить.

Молодой капанец резко обернулся к Кованому Щиту.

– Брухалиан позволил тебе говорить?

– Да.

– Хорошо. Кроновы т’лан имассы и немёртвые волки с ними. Они истребили септарховых демонов – к’чейнов.

– Да.

– Но в Паннионском Домине есть и другие. Ещё сотни охотников.

– Да.

– Так почему т’лан имассы не идут в саму империю? Удар по территории Провидца может заставить его отозвать Кульпата и снять осаду. Провидцу ничего не останется, кроме как оттянуть их обратно за реку.

– Если бы т’лан имассы были смертной армией, такой выбор воистину был бы очевиден и, как следствие, благоприятен для наших собственных нужд, – ответил Итковиан. – Увы, Крон и его неупокоенные сородичи скованы неземными потребностями, о которых мы почти ничего не знаем. Они поведали нам о каком-то собрании, о беззвучном призыве с неведомой целью. Сейчас он для них важнее всего. Крон и т’лан айи уничтожили к’чейн че’маллей септарха, поскольку сочли их угрозой для своего Соединения.

– Почему? Такого объяснения недостаточно, Кованый Щит.

– С этой оценкой я не могу поспорить, сударь. Похоже, есть и другая причина тому, что Крон не желает уходить на юг. Тайна самого Провидца. Слово «Паннион», похоже, яггутское. Яггuty были смертными врагами т’лан имассов, как вы знаете. По моему личному мнению, Крон ожидает прибытия... союзников. Другие т’лан имассы собираются на будущее Соединение.

– То есть, по-вашему выходит, что Крон опасается Паннионского Провидца...

– Да, поскольку считает, что Провидец – яггут.

Князь долго молчал, затем покачал головой.

– Даже если т’лан имассы решатся выступить против Паннионского Домина, для нас будет слишком поздно.

– Видимо, да.

– Ладно. Теперь – другой вопрос. Почему это их Соединение происходит *здесь*?

Итковиан замаялся, затем медленно кивнул в ответ собственным мыслям.

– Князь Джеларкан, та, что созывает т’лан имассов, приближается к Капастану... вместе с армией.

– Какой армией?

– Войском, которое собирается вести войну против Паннионского Домина. Более того, среди прочего они собираются также снять осаду с Капастана.

– *Что?!*

– Сударь, они в пяти неделях пути отсюда.

– Мы не продержимся...

– Это также известно, князь.

– И что же, призывательница командует этой армией?

– Нет. Войско ведут два военачальника – Каладан Бруд и Дуджек Однорукий.

– Дуджек... *Первый Кулак?!* Малазанец? Нижние божества! Как давно вы об этом узнали?

Кованый Щит откашлялся.

– Впервые мы установили с ними связь уже некоторое время назад, князь. Чародейскими средствами. Которые с тех пор стали... недоступны.

– Да-да, это я хорошо знаю. Дальше!

– То, что с армией идёт и призывательница, нам сообщили лишь недавно: так сказал заклинатель костей из Кроновых т’лан имассов...

– А войско, Итковиан? Я хочу больше знать об этой армии!

– Дуджека и его легионы объявила вне закона императрица Ласиин. Теперь он действует по собственному почину и ведёт около десяти тысяч солдат. Под рукой Каладана Бруда несколько небольших отрядов наёмников, три клана баргастов, народ рхиви и тисте анди – всего тридцать тысяч бойцов.

Глаза князя Джеларкана широко распахнулись. Итковиан видел, как эти сведения пробили внутренние стены капанца, видел, как в его душе одна за другой расцветали и тут же увядали надежды.

– На первый взгляд, – тихо проговорил Кованый Щит, – всё, что я вам сообщил, чрезвычайно важно. Однако вы, как я вижу, уже понимаете, что по сути эти вести лишены всякого смысла. Пять недель, князь. Уповайте на то, что они отомстят, ибо лишь это им останется. И даже тогда, учитывая небольшое число воинов...

– Это твои выводы или Брухалиана?

– Увы, в этом мы согласны.

– Глупцы! – прохрипел молодой князь. – Худом проклятые дураки.

– Ваше Высочество, мы не сможем пять недель сдерживать паннионцев.

– Да знаю я, Худова плешь! Вопрос в другом: зачем вообще пытаться?

Итковиан нахмурился.

– Сударь, таковы условия нашего контракта. Защита города...

– Кретин! Какое мне дело да вашего треклятого контракта? Вы уже сами сказали, что в любом случае проиграете! *Моя* забота – жизнь подданных. Армия идёт с запада? Наверняка. По берегу реки...

– Мы не сможем вырваться, князь. Нас просто уничтожат.

– Сосредоточим все силы на западной стороне. Внезапная вылазка, которая обернётся исходом. Кованый Щит...

– Нас перебьют, – веско заявил Итковиан. – Ваше Высочество, мы об этом думали. *Ничего не выйдет.* Септарх пошлёт кавалерию, всадники окружат нас, заставят остановиться. Затем подоспеют беклиты и тенескаури. Мы лишь сменим удобную для защиты позицию на неудобную. Всё будет кончено в течение одного колокола.

Князь Джеларкан смотрел на Кованого Щита с нескрываемым вызовом, даже больше – с ненавистью.

– Сообщи Брухалиану следующее, – прохрипел он. – В будущем «Серым мечам» не следует думать за князя. Не их дело решать, что ему следует знать, а что – нет. Князю следует докладывать обо всех делах, невзирая на то, важными они вам кажутся или незначительными. Это понятно, Кованый Щит?

– Я передам эти слова в точности, Ваше Высочество.

– Я так понимаю, – продолжил князь, – Совет Масок знает даже меньше, чем я знал колокол тому?

– Вероятнее всего, так и есть. Ваше Высочество, интересы Совета...

– Избавь меня от своих высокоучёных рассуждений, Итковиан. Доброго дня.

Кованый Щит смотрел, как князь шагает прочь к выходу из цитадели походкой слишком жёсткой, чтобы показаться царственной. *Однако по-своему благородной. Примите мои соболезнования, любезный князь, хоть я, конечно, и не осмелюсь высказать их вслух. Я – лишь инструмент воли Смертного Меча. Мои личные желания не имеют значения.* Итковиан подавил волну горького гнева, который вызвали эти мысли, и вновь перевёл взгляд на баргастов, по-прежнему сидевших на подстилках на солнцепёке.

Они вышли из транса. Хетан и Кафал теперь склонились ближе к жаровне, из которой валил в пронизанный солнцем воздух белый дым.

Удивлённый Итковиан помедлил, прежде чем шагнуть вперёд.

Приблизившись, он разглядел, что баргасты положили на угли какой-то предмет. Розоватая по краям, плоская, молочно-белая в центре – свежая лопаточная кость, слишком лёгкая для бхедериней, но тоньше и длиннее, чем у человека. Лопатка оленя, наверное, или антилопы. Баргасты начали ритуал прорицания, используя предмет, который позволял понять, почему их клановые шаманы называются заклинателями костей и поплечниками.

Значит, они не просто воины. Этого и следовало ожидать. Вспомни, как Кафал пел в Пленнике. Он – поплечник, а Хетан – его сестра-заклинательница.

Кованый Щит остановился у самого края подстилки, чуть левее Кафала. На лопатке уже начали появляться трещины. Жир пузырился на толстых краях кости, шипел и вспыхивал, словно огненная мантия.

Простейший способ гадания – чтение трещин как карты, которая позволит охотникам племени найти стада диких бхедеринов. Но Итковиан прекрасно понимал, что в данном случае в дело пошли куда более сложные чары, и трещины представляли собой отнюдь не просто карту земного мира. Кованый Щит молчал, прислушиваясь к тихому бормотанию Хетан и её брата.

Они говорили по-баргастски, этим языком Итковиан владел лишь в малой мере. Тем более странным ему показалось то, что в разговоре, кажется, принимали участие трое – Хетан и Кафал склоняли головы набок или кивали в ответ на слова, которых никто, кроме них, не слышал.

Лопатка уже покрылась сложным лабиринтом трещин, на кости показались синеватые, бежевые и выжженные белые пятна. Скоро она начнёт разваливаться: когда дух животного рухнет под напором огромной силы, текущей через его угасающую жизнь.

Станный разговор закончился. Кафал вновь погрузился в транс, Хетан отодвинулась от жаровни, подняла голову и посмотрела в глаза Итковиану.

– А, волк! Рада тебя видеть. В мире произошли изменения. Удивительные изменения.

– И ты рада этим изменениям, Хетан?

Она улыбнулась.

– А тебе было бы приятно, если так?

Шагну ли я в эту бездну?

– Такая вероятность существует.

Женщина рассмеялась, медленно поднялась на ноги. Поморщилась и потянулась.

– Духи держите меня, как же кости ноют. И мускулы требуют заботливых рук.

– Есть особые упражнения...

– Будто я не знаю, волк. Ты ко мне присоединишься, чтобы их исполнить?

– Какие у тебя вести, Хетан?

Она ухмыльнулась, упёрла руки в бока.

– Клянусь Бездной, – протянула она, – какой же ты неуклюжий. Ложись под меня и выведай все мои тайны, – это тебе поручили? В такую игру тебе лучше не играть. Особенно со мной.

– Вероятно, вы правы, – процедил Итковиан. Он выпрямился и отвернулся.

– Да постой же! – расхохоталась Хетан. – Бежишь, словно кролик? А я тебя волком называла? Пожалуй, следует сменить имя.

– Это ваш выбор, – бросил через плечо Кованый Щит и зашагал прочь.

У него за спиной вновь зазвенел смех Хетан.

– Ха-ха, вот в эту игру и вправду стоит поиграть! Беги, беги, милый мой кролик! Неуловимая моя добыча, ха!

Итковиан вернулся в цитадель, прошёл по коридору, который тянулся вдоль внешней стены города, и оказался перед входом в башню. Под позвякивание доспехов Кованый Щит взобрался по крутым каменным ступеням. Он попытался выбросить из головы образ Хетан, смеющееся лицо, лукавые глаза, ручейки пота, промывающие на лбу дорожки в слое пепла, выразительно, недвусмысленно выдвинутую вперёд грудь. Итковиан презирал себя за это новое рождение давно похороненных желаний. Обеты рассыпались в прах, всякую молитву Фэнеру встречало лишь молчание, будто богу было плевать на жертвы, которые во имя его приносил Кованый Щит.

И быть может, это и есть последняя, самая сокрушительная истина. Богам нет дела до аскетизма, до ограничений, которые налагают на себя люди. Им нет никакого дела до правил поведения, до изощрённой этики храмов и монастырей. Наверное, они и вправду смеются над цепями, в которые мы сами себя заковываем, над нашей бесконечной, ненасытной нуждой находить недостатки в жизненных потребностях. Или даже не смеются, но злятся на нас. Быть может, отказ от радостей жизни и есть самое страшное оскорбление для тех, кому мы поклоняемся и служим.

По винтовой лестнице Итковиан поднялся в оружейную, рассеянно кивнул двум солдатам на посту, а затем взобрался выше – на верхнюю площадку.

Дестриант уже был там. Карнадас внимательно посмотрел на Кованого Щита.

– Вы, сударь, выглядите встревоженным.

– Да, не стану отрицать. Я беседовал с князем Джеларканом, и он остался весьма недоволен. Затем я разговаривал с Хетан. Дестриант, моя вера пошатнулась.

– Вы сомневаетесь в своих обетах.

– Именно так, сударь. Признаюсь, я сомневаюсь в их истинности.

– Кованый Щит, вы верили, что ваши правила поведения существуют, чтобы почитать Фэнера?

Итковиан нахмурился, опершись на мерлон, и уставился на окутанный дымами вражеский лагерь под стенами.

– Ну, да...

– В таком случае, сударь, вы жили в заблуждении.

– Прошу вас объясниться.

– Конечно. Вы испытали потребность сковать себя обетами, нужду испытать собственную душу их строгостью. Иными словами, Итковиан, ваши обеты родились из внутреннего

диалога с самим собой – но не с Фэнером. Эти цепи – лишь ваши, как и ключи, которыми вы можете их отомкнуть, когда потребности в них более не будет.

– Не будет?

– Да. Когда всё, что подразумевает жизнь, перестанет угрожать вашей вере.

– То есть вы подразумеваете, что мои терзания и сомнения касаются не моей веры, но лишь обетов. Что я перестал их различать.

– Верно, Кованый Щит.

– Дестриант, – проговорил Итковиан, не сводя глаз с лагеря паннионцев, – ваши слова ведут к буйству плоти.

Высший жрец расхохотался.

– И с ним, смею надеяться, к улучшению вашего – обычно столь мрачного – настроения!

Губы Итковиана дрогнули.

– Ну, уж тут, сударь, вы уповаете на чудо.

– Я был бы рад...

– Стойте! – Кованый Щит поднял закованную в латную перчатку руку. – Движение в лагере беклитов.

Карнадас подошёл к нему, весёлость испарилась.

– И вон там, – указал Итковиан, – среди урдомов. Скаланди на флангах. Провидомины принимают на себя командование.

– Сначала они возьмут форты, – предсказал Дестриант. – Уничтожат прославленных джидратов Совета Масок. Быть может, те сумеют подарить нам ещё немного времени...

– Найдите моих вестовых, сударь. Предупредите офицеров. И сообщите князю.

– Да, Кованый Щит. Вы останетесь здесь?

Итковиан кивнул.

– Отсюда хороший обзор. Идите, сударь, прошу вас.

Беклиты уже выстроились кольцом вокруг занятых джидратами укреплений. На солнце поблёскивали наконечники копий.

Оставшись в одиночестве, Итковиан прищурился, глядя на приготовления врага.

– Ну, что ж, вот и началось.

На безлюдных переулках Капастана царила тишина, под чистым, безоблачным небом Остряк шёл по улице Калманарка. Он приблизился к изогнутой стене Лагеря Ульден, отпихнул ногой груды мусора, загораживавшую лестницу вниз, а затем изо всех сил впечатал кулак в крепкую дверь, врезанную в основание стены.

Вскоре она со скрипом подалась и отворилась.

Остряк шагнул в узкий коридор, который под острым углом поднимался обратно на уровень улицы, и через двадцать шагов оказался на залитом солнечным светом центральном подворье.

Бук закрыл за товарищем массивную дверь, не без труда вернул на место тяжеленный засов. Затем худой и седой воин обернулся к Остряку.

– Быстро. Что там?

– А ты как думаешь? – проворчал капитан. – Движение пошло. Паннионцы готовятся к бою. Вестовые несутся туда-сюда...

– На какой стене ты был?

– На северной, сразу за Лектаровым домом, только это не важно. А ты как? Я раньше забыл спросить. Выходил этот ублюдок на охоту прошлой ночью?

– Нет. Я же говорил тебе, Лагеря мне помогают. Думаю, он всё ещё пытается понять, почему вернулся несолоно хлебавши позавчера. Это его так взвинтило, что даже Бошелен заметил.

– Скверно. Он начнёт искать причину, Бук.

– Ну да. Я же говорил, что будут риски, верно?

Ага, попытайся сделать так, чтобы безумный убийца не нашёл себе жертв – и сам не понял, почему – в осаждённом городе... Чтоб ты в Бездну провалился, Бук, во что ты меня втянул? Остряк посмотрел вверх по коридору.

– Помогают, говоришь. Как твои новые друзья к этому отнеслись?

Старик пожал плечами.

– Корбал Брош предпочитает забирать для своих экспериментов здоровые органы. Опасность грозит их детям.

– И была бы меньше, если бы они этого не знали.

– Это им известно.

– Дети, говоришь?

– Да, за домом всегда следят как минимум четверо – вроде как уличные беспризорники.

Там и настоящих много, так что дозорные могут затеряться. И за небом они тоже следят... – Бук внезапно замолк, в его глазах блеснула странная хитрость.

Остряк понял, что у Бука есть какой-то секрет.

– За небом? Это ещё зачем?

– Хм, ну, на случай, если Корбал Брош попробует пройти по крышам.

Да в этом городе все крыши широкие и купольные!

– Короче, я хотел сказать, – продолжил Бук, – что за домом следят. К счастью, Бошелен по-прежнему не вылезает из подвала, устроил там что-то вроде лаборатории. Вообще не выходит. А Корбал днём спит. Остряк, то, что я раньше сказал...

Остряк резко поднял руку, чтобы заставить его молчать.

– Слушай!

Оба замерли неподвижно.

Ступнями они ощутили далёкий гром, за городскими стенами нарастал многоголосый рёв.

Бук вдруг побледнел, выругался и спросил:

– Где Скалла? И даже не пытайся врать, что не знаешь.

– На воротах у Портовой дороги. Пять взводов «Серых мечей», рота джидратов, дюжина с лишком лестийских гвардейцев...

– Там громче всего...

Хмурясь, он проворчал:

– Правильно угадала, что оттуда всё и начнётся. Глупая женщина.

Бук шагнул ближе и схватил Остряка за руку.

– Так какого Худа, – прошипел он, – ты тут стоишь? Начался штурм, а Скалла прямо у него на пути!

Остряк высвободился.

– Бездне сказку расскажи, старик! Скалла – взрослая женщина, если ты не заметил. Я ей говорил – *и тебе говорил!* Это не моя война!

– Тенескаури на это плевать, всё одно тебя бросят в котёл!

С кривой ухмылкой Остряк оттолкнул Бука в сторону и оказался у двери. Одним движением правой руки он поднял тяжёлый засов в воздух, а затем выпустил, так что звон металла эхом раскатился по коридору. Капитан распахнул дверь, пригнулся, чтобы выйти к лестнице.

Когда Хозмач поднялся наверх и замер посреди улицы, рёв штурма обрушился на него грохочущей волной. Приглушённый звон оружия, крики, стоны, вой и узнаваемый перестук, слышимый, когда тысячи облачённых в доспехи тел приходят в движение, – за стенами, на парапете, по обе стороны ворот, которые, капитан знал наверняка, вскоре содрогнутся от ударов тарана.

Наконец осада оскалила свои железные клыки. Мучительное ожидание закончилось.

И стены они не удержат. Да и ворота тоже. До заката всё будет кончено. Остряк подумал, что можно напиться, привычный ход мысли его успокоил.

Какое-то движение наверху привлекло его внимание. Остряк задрал голову и увидел, как с запада по дуге летят, рассекая небо, полсотни огненных шаров. Прямо тут и там взвилось пламя – снаряды врезались в строения и мостовые с оглушительным грохотом.

Капитан обернулся и увидел, что с севера приближается второй залп, один из шаров рос быстрее, чем остальные. Став ещё больше, превратившись в ярящееся солнце, огненный шар мчался прямо на Остряка.

С проклятьем тот метнулся обратно по ступеням.

Смолянистый снаряд врезался в улицу, подпрыгнул в мареве пламени и ударился об изогнутую стену Лагеря всего в десяти шагах от лестницы.

Каменное ядро пробило стену, поволокло за собой пламя.

На горящую улицу посыпались обломки.

Покрытый синяками, почти оглохший Остряк с трудом выбрался наверх. Изнутри Лагеря Ульдан слышались крики. Из дыры в стене клубами валил дым. *Плохо оказаться в ловушке огня.* Капитан обернулся на стук распахнувшейся двери. Внизу появился Бук, вытаскивал за собой бесчувственную женщину.

– Как там? – прокричал Остряк.

Бук поднял взгляд.

– Ты ещё здесь? Всё нормально. Огонь почти потушили. Убирайся отсюда – иди и спрячься где-нибудь.

– Хорошая мысль, – проворчал Остряк.

Дым заслонил небо, он вздымался чёрными столбами со всей восточной части Капастана, ветер раскатывал его на запад, словно покрывало. В Даруджийском квартале было видно пламя – среди храмов и многоэтажных домов. Решив, что при обстреле безопаснее всего будет под стенами, Остряк двинулся по улице на восток. *Это просто совпадение, что Скалла тоже там, у ворот на Портовой дороге. Она свой выбор сделала.*

Это не наша война, демон её побереи. Если б я хотел быть солдатом, вступил бы в какую-нибудь Худом проклятую армию. В Бездну их всех...

Сквозь завесу дыма промчалась следующая волна снарядов, выпущенных далёкими катапультами. Остряк ускорил шаг, но огненные шары уже оказались позади, обрушились на город оглушительным барабанным боем. *Если они так будут продолжать, я ведь могу и разозлиться.* В дыму впереди показались бегущие фигуры. Звон оружия стал громче, шёпот, будто волны хлещут каменистый берег. *Ладно. Я только подойду к воротам и вытащу девочку оттуда. Это быстро. И видит Худ, я её изобью до беспомысленности, если будет спорить. Мы найдём отсюда какой-то выход. И точка.*

Остряк подошёл к ряду рыночных прилавков, выходивших на Портовую улицу. Переулки за грязными лотками были узкими, по колено заваленными отбросами. Дальше виднелась в белом дыму улица. Разбрасывая ногами мусор, Остряк выбрался на неё. Слева едва просматривались ворота. Массивные створки были разбиты, под аркой и на площадке перед ней – груды тел. На закопчённых стенах мощных башен по бокам виднелись белёсые шрамы от стрел и снарядов баллист, из амбразур сочился дым. Внутри были слышны крики и звон

мечей. По стенам с обеих сторон от ворот двигались солдаты в форме «Серых мечей», они пытались пробиться на верхние этажи башен.

Справа к Остряку приближался тяжёлый топот сапог. Из дыма вынырнули шесть взводов «Серых мечей», первые два ряда со щитами и мечами, два дальних – со взведёнными арбалетами. Они перебежали открытое пространство перед капитаном и заняли место в арке ворот, за баррикадой из тел.

Порыв ветра разорвал дым над улицей справа – Остряк увидел трупы: стражники-капанцы, лестийская гвардия и паннионские бетаклиты, вплоть до баррикады на перекрёстке в шестидесяти шагах, там виднелась вторая груда мёртвых солдат.

Остряк трусцой побежал к отряду «Серых мечей». Не увидев кого-то с явными офицерскими знаками отличия, он выбрал женщину с арбалетом, ту, что стояла ближе всего.

– Доложи обстановку, солдат.

Женщина покосилась на него, на её лице застыла безучастная, покрытая копотью маска. Остряк с удивлением понял, что она – капанка.

– Мы должны очистить башни снизу доверху. Отряд скоро вернётся с вылазки, мы их пропустим и будем удерживать арку.

Остряк недоумённо уставился на женщину. *Вылазка? Боги, да они ума лишились!*

– Удерживать, говоришь? – Он покосился на ворота. – Как долго?

Та пожала плечами.

– Сюда уже спешат сапёры и рабочие. Через колокол или два будут новые ворота.

– Сколько пробоев? Что потеряли?

– Не знаю, горожанин.

– Хватит болтать, – выкрикнул мужской голос. – И гоните отсюда этого гражданского...

– Движение впереди, сударь! – заорал другой солдат.

На плечи присевшим мечникам легли взведённые арбалеты. Из-за арки кто-то выкрикнул:

– Не стреляйте, лестийцы! Мы входим!

«Серые мечи» и не думали расслабляться. В следующий миг показались первые солдаты из тех, что участвовали в вылазке. Потрёпанные, с ранеными на руках, солдаты закричали, чтобы «Серые мечи» дали им дорогу.

Взводы разделились так, что образовался коридор.

Из первых тридцати гвардейцев каждый нёс раненого товарища. Внимание Остряка привлекли звуки схватки за воротами. Они приближались. Этих солдат с ранеными прикрывал арьергард, и давление на него усиливалось.

– Контратака! – заорал кто-то. – Бойцы-скаланди...

На стене справа от южной привратной башни взвыл рог.

Рёв на поле за воротами усиливался. Брусчатка под сапогами Остряка дрожала. *Скаланди. Они вступают в бой целыми легионами – не меньше, чем по пять тысяч...*

«Серые мечи» строились чуть позади на Портовой улице – мечники, арбалетчики и капанские лучники готовились отступать. За ними собирался ещё больший отряд с баллистами, требушетами и малыми катапультами, в ковшах последних дымились раскалённые камни.

Под аркой показался арьергард. Метательные копья падали среди солдат, скользили по броне и щитам, лишь одно попало в цель – воин завертелся на месте с шипастым древком в горле. За ними следовали скаланди – гибкие, в кожаных рубахах и шлемах, вооружённые копьями и подобранными на поле мечами, у некоторых были сплетённые из прутьев щиты. Паннионцы набрасывались на отступающий строй тяжёлой пехоты лестийцев, умирали один за другим, но на место каждого павшего тут же вставал другой солдат, оглашая город пронзительным боевым кличем.

– Назад! Назад!

Гвардейцы отреагировали на приказ мгновенно, солдаты вышли из боя, развернулись и рванулись прочь по коридору, оставив павших, – тех схватили скаланди, утащили назад. Затем в ворота хлынули паннионцы.

За спинами лестийцев «Серые мечи» сомкнули ряды. Щёлкнули арбалеты. Десятки скаланди упали, извивающиеся тела погасили разгон атакующих. Остряк смотрел, как «Серые мечи» спокойно перезаряжают своё оружие.

Несколько паннионцев из первого ряда добежали до мечников – и быстро погибли.

Перебравшись через тела павших сородичей, вторая волна скаланди устремилась к строю.

И рухнула под новым градом стрел. Проход под аркой ворот наполнился телами. Вскоре появилась следующая группа скаланди, но эти были безоружны. Пока «Серые мечи» перезаряжали арбалеты, скаланди начали оттаскивать мёртвых и раненых назад.

Внезапно с треском распахнулась дверь левой привратной башни. Остряк резко развернулся, руки потянулись к гадробийским саблям. Наружу вывалились шестеро измазанных кровью, кашляющих капанских дружинников. И среди них – Скалла Менакис.

Её рапира была сломана на расстоянии ладони от острия; остаток клинка до самой чаши с крестовиной был густо покрыт человеческой кровью, алой были и рука в перчатке, и прикрывающий предплечье наруч. Что-то липкое и вытянутое болталось на тонком лезвии даги в другой руке так, что на землю капала коричневатая жижа. Дорогой кожаный доспех был изрублен в куски, один из ударов прошёл так глубоко, что рассёк даже стёганку под бронёй. Кусок нагрудника с подкладкой отвалился, открыв её правую грудь, на тонкой, белой коже темнели синяки, оставленные чьей-то пятернёй.

Сначала Скалла его не увидела. Её взгляд был прикован к воротам: там уже убрали последние трупы и внутрь хлынула новая волна скаланди. Первые ряды, как и прежде, рухнули под градом стрел, но выжившие продолжали наступать – обезумевшей, воющей толпой.

Четыре ряда «Серых мечей» вновь разделились, солдаты развернулись и побежали – каждая часть отряда мчалась к ближайшему переулку на своей стороне Портовой улицы, где капанские лучники уже ждали момента, когда в зону обстрела вбегут преследователи-скаланди.

Скалла рывкнула на своих немногочисленных соратников, и маленький отряд начал отступать вдоль стены. Тут-то она и заметила Остряка.

Их взгляды встретились.

– Дуй сюда, вол ленивый! – прошипела Скалла.

Остряк подбежал к ним.

– Худовы яйца! Женщина, что...

– А ты как думаешь? Они на нас навалились, через ворота снизу в башню и по треклятым стенам. – Её голова дёрнулась назад, словно Скалла получила невидимый удар в лицо. В глазах у неё появилось отрешённое спокойствие. – Шли комната за комнатой. Один на один. Провидомин меня нашёл... – Она вновь содрогнулась. – Но ублюдок оставил меня в живых. Так что я его отыскала. Ладно, пошли! – Когда отряд побежал, она не глядя сунула под нос Остряку дагу, так что ему на грудь и лицо брызнули желчь и водянистое дерьмо. – Я его наизнанку вывернула, и Худ меня дери, как же он умолял. – Скалла сплюнула. – Мне не помогло – почему ему должно было помочь? Кретин. Жалкий, зарёванный...

Остряк трусил позади и не сразу понял, о чём она говорит. *Ох, Скалла...*

Та вдруг остановилась, лицо её побелело. Скалла развернулась, с ужасом посмотрела ему в глаза.

– Это ведь должен был быть бой. Война. Этот ублюдок... – Она привалилась к стене. – *О, боги!*

Остальные ушли вперёд – то ли не заметили от усталости, то ли просто уже ничего не чувствовали из-за потрясения.

Остряк придвинулся к Скалле.

– Наизнанку вывернула, говоришь? – тихонько спросил он, но не осмелился прикоснуться к ней.

Скалла кивнула, глаза её были плотно зажмурены, дыхание вырывалось из груди болезненными, хриплыми толчками.

– А мне ни кусочка не оставила, девочка?

Она помотала головой.

– Это зря. Ну да ладно, не один провидомин, так другой сгодится.

Скалла шагнула вперёд, прижалась лицом к его плечу. Остряк обнял её.

– Пойдём-ка отсюда, девочка, – прошептал он. – У меня есть чистая комната, а в ней – ванна, печь и кувшин воды. Близко к северной стене, там безопасно. В самом конце коридора. Вход один. Я снаружи у двери буду стоять, Скалла, столько, сколько нужно. И никто не пройдёт. Это я обещаю. – Остряк почувствовал, как она кивнула. Потянулся вниз, чтобы взять её на руки.

– Я сама могу.

– Можешь, но *хочешь ли*? Вот в чём вопрос, девочка.

После долгой паузы Скалла вновь помотала головой. Остряк легко поднял её.

– Подремли, если захочется, – сказал он. – Ты в безопасности.

Остряк пошёл вдоль стены, женщина свернулась у него на руках, прижалась лицом к тунике, в этом месте грубая ткань уже промокла.

Позади сотнями умирали скаланди, «Серые мечи» и капанская дружина устроили настоящую бойню.

Ему хотелось быть там, с ними. В первом ряду. Чтобы отнимать одну жизнь за другой.

Одного провидомина мало. Даже тысячи не хватит.

Не сейчас.

Остряк почувствовал, как холодеет, будто кровь в жилах превратилась в нечто иное – горькая жидкость текла по венам, наполняла мускулы странной, невыносимой силой. Никогда прежде он не чувствовал ничего подобного, но думать об этом не было смысла. Не существовало даже слов, чтобы это описать.

И вскоре он узнает, что нет слов и для того, чтобы описать, чем он станет и что сделает.

Как и предрекал Брухалиан, бойня, которую устроили к'чейн че'маллям Кроновы т'лан имассы и неупокоенные айи, повергла септарха и его армию в смятение. Порождённые ею замешательство и бездействие дали Кованому Щиту Итковиану несколько дополнительных дней на подготовку к штурму. Но теперь время приуготовлений закончилось, Итковиану предстояло командовать защитниками города.

И ни т'лан имассы, ни т'лан айи не придут на помощь. *Да и спасительная армия союзников не появится в миг, когда в часах останется последняя песчинка.* Капастан остался в одиночестве.

И будет так. Страх, боль и отчаяние.

Когда Дестриант Карнадас ушёл и потекли бесконечным бурным потоком вестовые, он следил со своего места на самой высокой башне Цитадельной стены за первым стройным движением вражеских войск на востоке и юго-востоке, видел, как выкатывали с грохотом осадные орудия. Беклиты и более тяжеловооружённые бетаклиты выстроились напротив Портовых ворот, а за ними и на флангах скопились скаланди. Отдельные ударные отряды провидомингов, торопливые подразделения сапёров – десанди – отвечавших за осадные ору-

дия. И в громадном лагере, который раскинулся вдоль берега реки, ждала своего часа кипящая масса тенескаури.

Итковиан видел штурм внешних укреплений джидратов – редута Восточной стражи, который враги уже отрезали от города; видел, как узкую дверь выбили, как беклиты устремились внутрь, на три шага, на два, на один, затем замерли, а в следующий миг – шаг назад, затем другой – понесли тела. Много тел. Джидраты – элитная гвардия Совета Масок – продемонстрировали дисциплину и решимость. Они выбили нападавших и соорудили на месте двери новую баррикаду.

Беклиты снаружи некоторое время топтались на месте, затем возобновили штурм.

Битва продолжалась всю вторую половину дня, и каждый раз, когда Итковиан отвлекался от других событий, он видел, что джидраты всё ещё держатся. И заставляют врага платить десятками жизней. *Колючий шип в тылу септарха.*

Незадолго до заката наконец выкатили осадные орудия. В стены крепости полетели огромные валуны. Грохот продолжался в умирающем свете дня.

За пределами этой драматической сцены начался штурм городских стен по всем направлениям. Удар с севера был обманным, исполнен он был плохо: сразу стало понятно, что он не важен. Вестовые доложили Кованому Щиту, что такие же незначительные стычки происходят и вдоль западной стены.

Настоящий штурм был направлен против южной и восточной стен, основной удар – по воротам. Башня Итковиана стояла точно между ними, поэтому Кованый Щит своими глазами видел защиту обеих стен. Враги его тоже видели, и много стрел полетело в его сторону, впрочем, лишь считанные из них просвистели рядом. Это был только первый день. В будущем дальность и точность стрельбы улучшится. Вскоре придётся вероятнее всего оставить этот наблюдательный пункт; но пока что – пусть его присутствие бесит нападающих.

Когда беклиты и бетаклиты пошли на стены вместе с десанди, которые несли штурмовые лестницы, Итковиан приказал открыть ответный огонь со стен и привратных башен. Последовала чудовищная бойня. Нападавшие не озаботились построиться черепахой или как-то иначе защититься от обстрела, поэтому умирали в ужасающих количествах.

Но врагов было столько, что они добрались до ворот, подтащили тараны и выбили их. Однако хлынувшие внутрь паннионцы оказались на открытых площадях, превратившихся в огневые мешки, которые поливали стрелами «Серые мечи» и капанские дружинники, укрывшись за баррикадами на боковых улицах, перекрёстках и переулках.

Стратегия Кованого Щита показала себя убийственно эффективной. Последующие контратаки оказались такими успешными, что удалось даже совершить несколько вылазок за ворота, чтобы преследовать бегущих паннионцев. И по крайней мере сегодня ни один отряд не зашёл слишком далеко. Дисциплина пока держалась среди капанцев, лестийцев и коральцев.

Первый день завершился, и он принадлежал защитникам Капастана.

Итковиан стоял на дрожащих ногах, береговой бриз усилился, высушил пот у него на лице, забрасывал холодные щупальца сквозь решётку полузабрала, гладил покрасневшие от дыма глаза. Когда тьма сомкнулась вокруг, он продолжал слушать, как валуны продолжают грохотать о редут Восточной стражи. Затем Итковиан впервые за долгие часы обернулся и посмотрел на город.

Целые кварталы пылали, огонь тянулся к ночному небу, подсвечивая вздувшееся брюхо густой тучи дыма. *Я знал, что увижу. Почему же это меня потрясло? Настолько, что кровь ушла из вен?* Внезапная слабость заставила его привалиться к мерлону за спиной, так что одна рука оказалась прижатой к грубому камню.

Из тени под аркой у входа в башню послышался голос:

– Вам нужно отдохнуть, сударь.

Итковиан прикрыл глаза.

– Вы правы, Дестриант.

– Но отдыха не будет, – продолжил Карнадас. – Собирается вторая половина армии противника. Вероятно, штурм продолжится ночью.

– Я знаю, сударь.

– Брухалиан...

– Да, нужно это сделать. Прошу вас.

– Это становится всё труднее и труднее, – прошептал Карнадас, остановившись рядом с Кованым Щитом. Положил руку на грудь Итковиану. – Болезнь Пути угрожает мне, – добавил он. – Скоро я смогу лишь защищаться от неё.

Усталость покинула Кованого Щита, бодрость вернулась в тело. Он вздохнул.

– Благодарю вас, сударь.

– Смертного Меча только что призвали в Пленник, чтобы дать отчёт о первом дне осады. И увы, мы не получали вестей о том, что сотни огненных шаров сровняли Пленник с землёй. Стоит как стоял. Впрочем, учитывая его нынешних обитателей, мы бы такого конца и не пожелали.

Итковиан отвёл взгляд от улиц города, посмотрел на подсвеченное алым лицо Дестрианта.

– О чём вы, сударь?

– Баргасты, Хетан и Кафал расположились в Главном зале.

– Вот как.

– Перед уходом Брухалиан просил меня поинтересоваться вашими успехами в выяснении средств, которыми Духов-Основателей намереваются уберечь от грядущего пожара.

– Успехов нет, сударь. Более того, у меня скорее всего не будет и возможности продолжить попытки это выяснить.

– Это понятно, сударь. Я передам Смертному Мечу ваши слова, но, пожалуй, без такого явного облегчения.

– Благодарю вас.

Дестриант отошёл, чтобы взглянуть на поле под восточной стеной.

– Нижние боги! Неужели джидраты до сих пор удерживают редут?

– Не уверен, – пробормотал, подходя к нему Итковиан. – По крайней мере, обстрел не прекращается. От форта скорее всего остались уже одни руины – слишком темно, чтобы разглядеть, но полколокола назад я, кажется, слышал, как обрушилась стена.

– Легионы вновь строятся, Кованый Щит.

– Мне нужны новые вестовые, сударь. Последний отряд...

– Знаю, выбился из сил, – перебил Карнадас. – Позвольте вас покинуть, сударь, и я исполню вашу просьбу.

Итковиан слышал, как Дестриант спускается вниз по лестнице, но не отводил взгляда от позиций врага на востоке и юге. Прикрытые заслонками фонари поблёскивали тут и там, судя по всему, подразделения строились квадратами, за плетёными щитами двигались фигуры. Появились небольшие отряды скаланди, осторожно двинулись вперёд.

Топот сапог позади ознаменовал прибытие вестовых. Не оборачиваясь, Итковиан сказал:

– Сообщите капитанам лучников и требушетов, что паннионцы собираются продолжить штурм. Солдат – на стены. Собрать привратные отряды в полном составе, включая сапёров.

Два десятка огненных шаров взвились в небо из-за строя паннионцев. Снаряды с рёвом промчались высоко над головой Итковиана. Взрывы осветили город, бронзовые плиты задрожали под ногами. Кованый Щит обернулся к вестовым.

– Идите.

Карнадас гнал коня медленным галопом через площадь Тура'ла. В угол пьедестала большой арки в пятидесяти шагах слева от него только что угодил снаряд, обломки камня и горячей смолы посыпались на мостовую и на крыши соседних домов. Взметнулось пламя, и Дестриант увидел, как из здания начали выбегать люди. Где-то к северу, на самом краю Храмового квартала, другой доходный дом уже полностью охватил огонь.

Не замедляя хода, Дестриант доехал до дальнего края площади и поскакал по улице Теней, оставив храм Тени по левую руку, а святилище Королевы Грёз по правую, затем вновь повернул налево и оказался на главном проспекте квартала, который называли Даруджийским Копьём. Впереди маячили тёмные камни Пленника, древняя крепость тяжело нависала над низкими доходными домами в даруджийском стиле.

На воротах стояли три взвода джидратов – в полном вооружении, с клинками наголо. Узнав Дестрианта, стражник взмахом руки разрешил ему проехать.

Во дворе Карнадас спешился, передал поводья конюху, а затем отправился к Главному залу, где рассчитывал найти Брухалиана.

Шагая по широкому коридору к двойным дверям, Дестриант увидел впереди другого человека. Тот был облачён в балахон с капюшоном, шёл без стражника-сопровождающего, каких обычно выделяли гостям в Пленнике, однако незнакомец с лёгкой уверенностью приближался ко входу. Карнадас подивился тому, что джидраты его пропустили, а затем широко распахнул глаза, когда незнакомец взмахнул рукой, и тяжёлые створки сами собой распахнулись перед ним.

Из Главного зала донеслись обрывки отчаянного спора, но голоса быстро смолкли, когда незнакомец вошёл.

Карнадас ускорил шаг и подоспел как раз вовремя, чтобы услышать конец возмущённой речи Рат-жреца.

– ... и немедленно!

Дестриант скользнул внутрь следом за незнакомцем. Смертный Меч стоял около центрального камня, а теперь обернулся, чтобы посмотреть на новоприбывшего. Баргасты, Хетан и Кафал сидели на своей подстилке в нескольких шагах справа от Брухалиана. Жрецы и жрицы Совета Масок все как один склонились вперёд – подвижные маски отражали различные гримасы крайнего недовольства – за исключением Рат'Худа: тот даже вскочил, а черты его маски скривились от бешеной ярости.

Незнакомец, будто и не заметив холодного приёма, невозмутимо сложил руки в складках своего серовато-коричневого балахона.

Со своего места Дестриант не мог увидеть его лица, но по движению капюшона понял, что тот разглядывает жрецов в масках – одного за другим.

– Ты не исполнишь мой приказ? – с трудом сдерживаясь, процедил Рат'Худ, а затем злобно огляделся по сторонам. – Где наши джидраты? Почему они не явились на зов, во имя всех богов?!

– Увы, – проговорил по-даруджийски незнакомец, – сейчас они явились на зов своих снов. Так мы сможем избежать нежелательных помех. – Он повернулся к Брухалиану, так что Карнадас, который уже стоял рядом со Смертным Мечом, впервые увидел его лицо. Круглое, до странности гладкое, неприметное, если не считать выражения невозмутимого спокойствия. *Ах да! Торговец, которого спас Итковиан. По имени... Керули.* Взгляд светлых глаз остановился на Брухалиане. – Прошу командира «Серых мечей» простить меня, однако я должен обратиться к Совету Масок. Не будет ли он столь любезен, чтобы уступить мне место?

Смертный Меч склонил голову.

– Милости прошу, сударь.

– Мы на это не согласны! – прошипел Рат'Престол Тени.

Глаза незнакомца стали суровыми, когда он перевёл взгляд на жреца.

– У вас, к сожалению, нет выбора. Я смотрю на всех вас и вижу представительство трагически недостойное.

Карнадас едва не закашлялся, пытаясь сдержать смех, и взял себя в руки только для того, чтобы увидеть, как Брухалиан приподнимает бровь с выражением невинной заинтересованности.

– Клянусь Бездной! – вспыхнула Рат'Огнь. – Да кто ты такой, чтобы выносить такие суждения?

– Мне нет нужды называть своё истинное имя, жрица, но лишь титул, которого я ныне требую.

– Титул?

– Рат'К'рул. Я прибыл, чтобы занять своё место в Совете Масок и сказать вам: есть среди вас тот, кто предаст всех вас.

Она сидела на дощатой кровати, длинные волосы спутались, упали на лицо. Остряк протянул руку и медленно убрал сбившиеся пряди. Скалла судорожно вздохнула.

– Это глупо. Всякое бывает. Нет правил в бою. Это я дура – вышла на провидомина с одной рапирой. Он её на раз-два отнёс в сторону. – Скалла подняла голову. – Не оставайся со мной, Остряк. Я же вижу, что у тебя в глазах. Иди. – Она оглядела комнатку. – Мне просто надо... надо помыться. Ты мне здесь не нужен, и за дверью тоже. Если ты это место займёшь, Остряк, никогда уже не уйдёшь. Давай. Ты – лучший боец, какого я только видела. Убивай там паннионцев – да Худ меня бери, всех их убей!

– Ты уверена...

Скалла хрипло рассмеялась.

– Даже не пытайся.

Он хмыкнул, начал проверять ремешки и застёжки на доспехах. Поправил стёганую подкладку. Опустил забрало шлема. Ослабил тяжёлые сабли в ножнах.

Скалла смотрела на него молча.

Наконец Остряк приготовился.

– Ладно. Ты сама не спеши, девочка. Тебе ещё много достанется, сколько бы ты тут ни провела времени.

– Да, это точно.

Остряк повернулся к двери.

– Отправь их к Худу.

Он кивнул.

– Отправляю.

Тысячи беклитов и скаланди подошли к восточной стене. Несмотря на смертоносный обстрел, они приставили лестницы, полезли наверх, вырвались на парапет. Восточные ворота вновь захватили, и враги теперь широким потоком текли под аркой, чтобы выплеснуться на площадь Нового Восточного рынка.

На юге Главные ворота города пали под нещадным обстрелом из катапульт. Легион бетаклитов ворвался на площадь Джеларкана. Один из пылающих снарядов попал точно в западную казарму Капанталла – здание вспыхнуло так, что весь город окрасился багрово-красным.

Ударные отряды урдомов и провидоминов ворвались в Северные ворота, вышли на улицы Даруджийского квартала, разгромив прежде Лагерь Нильдар и перебив в нём всех и каждого. Враг вошёл в город и наступал со всех сторон.

Итковиану оставалось лишь заключить, что битва идёт не очень хорошо.

В ответ на каждый доклад вестового Кованый Щит отдавал приказы тихим, спокойным голосом.

– Четвёртое крыло на девятую баррикаду – между восточной Портовой и башнями Нэ’рора. Подвезти припасы капанцам в башнях... Седьмое крыло на Западную внутреннюю башню и стену. Мне нужен доклад по башне Джебара. В западной казарме стояли пять сотен капанцев – их скорее всего обратили в бегство... Пятую и третью гривы – на улицы вокруг площади Тулара, чтобы собрать капанцев... Первую, седьмую и шестую гривы – как можно скорее на север Храмового квартала, сдерживать и контратаковать до тех пор, пока не удастся отбить Северные ворота... Четвёртую, вторую и восьмую гривы на Новый Восточный рынок. Когда отобьём Восточные ворота, первое, третье и пятое крылья должны совершить вылазку. Сбор у восточного редута – необходимо уничтожить осадные орудия, которые расстреливают форт, затем забрать выживших джидратов. Вызвать ко мне троеначальника...

Когда не нужно было отдавать приказы и выслушивать вестовых, Итковиан следил за схваткой у Нового Восточного рынка – насколько можно было в отвесах пожаров, за густой пеленой дыма. Скаланди отчаянно атаковали, пытались пробиться за баррикады, которые отделяли их от дворца князя. Каменные ядра непрерывно молотили по внешним стенам дворца, но без толку – тонкий, блестящий камень даже не дрожал. Горящая смола шипела, но оставляла на неведомой породе лишь чёрные потёки. Дворец придётся брать тяжёлым путём – комнату за комнатой, этаж за этажом, и паннионцам не терпелось этим заняться.

На площадку поднялся троеначальник, который командовал первым, третьим и пятым крыльями «Серых мечей». Это был один из старейших офицеров Кованого Щита, высокий, худой, седая борода скрывала бесчисленные шрамы.

– О поставленных передо мной задачах мне сообщили, Кованый Щит.

Так зачем же я вас вызвал? Вижу вопрос в ваших глазах, сударь. Вам не нужны слова поддержки, чтобы заставить пойти на, вероятнее всего, самоубийственное задание.

– Атака будет неожиданной, – сказал Итковиан.

Солдат прищурился, затем кивнул.

– Да, сударь. Штурм по многим направлениям, линии врага смешались. Сегодня ночью всюду царит хаос. Мы уничтожим осадные орудия, как вы приказали. И заберём выживших из редута.

Да, старый мой друг. Это мне нужны слова поддержки.

– Будьте начеку, сударь. Я хочу знать расположение паннионских частей в тылу. Особенно тенескаури.

– Ясно, сударь.

Женщина чуть не упала, вскарабкавшись вверх по лестнице.

– Кованый Щит! – прохрипела она.

– Докладывайте, сударыня, – отозвался Итковиан.

– От троеначальника первой, седьмой и шестой грив, сударь.

Северные ворота. Он посмотрел на север. Большинство даруджийских доходных домов там пылали.

– Продолжайте.

– Троеначальник докладывает, что наткнулся на ударные отряды урдомов и провидоминов. Они все были мертвы, сударь.

– Мертвы?

Женщина кивнула, утёрла густой от сажи пот со лба. Итковиан заметил, что шлем ей велик.

– Кто-то из гражданских собрал остатки капанской дружины, а также других горожан и нескольких караванных охранников. Сударь, они сошлись с урдомами и провидоминами на улицах – и оттеснили. Троенаачальник теперь удерживает Северные ворота, сапёры его роты их чинят.

– А что это импровизированное ополчение и его командир?

– Троенаачальника приветствовали лишь несколько раненых, сударь. Это... хм, ополчение выдвинулось на запад, преследуя роту урдомов, которая пыталась взять Лектаров дом.

– Вестовая, отправьте им на помощь первое крыло. А когда передадите мой приказ, отдохните, сударыня.

– Да, Кованый Щит.

– Это ведь не тот шлем, который вам выдали, верно, сударыня?

Та сконфуженно покачала головой.

– Я его, хм, потеряла, Кованый Щит.

– Попросите интенданта подобрать вам шлем по размеру.

– Да, сударь.

– Идите.

Два старых воина смотрели вслед молодой женщине.

– Небрежна, – пробормотал троенаачальник, – так потерять шлем.

– Верно.

– Умна, нашла себе другой.

Кованый Щит улыбнулся.

– Я вас покину, сударь.

– Храни вас Фэнер, троенаачальник.

Карнадас глубоко, но тихо вздохнул, волосы у него на шее встали дыбом от внезапно наступившей в Главном зале глухой тишины. *Предательство?* Он не сводил взгляда с одного из жрецов. Слова Рат'К'рула подлили масла в огонь подозрений, которые уже давно терзали Дестрианта, и это заставило его сомневаться в собственных выводах. Он смолчал, но продолжал буравить взглядом Рат'Фэнера.

Маска вепря оставалась невыразительной, но жрец поднялся так, словно его ударили.

– Времена К'рула, – прошипел Рат'Престол Тени, – давно миновали.

– Он вернулся, – ответил человек в балахоне. – Этот факт должен принести вам определённое облегчение. Ведь отравили не что-нибудь, а саму кровь К'рула. Началась битва, которая не пощадит никого, в том числе и богов, которым вы служите. Если сомневаетесь в моих словах, отправьтесь во внутреннее странствие – услышите правду от самих богов. Да, они ответят нехотя, словами, преисполненными презрения. Но ответят.

– Твоё предложение, – проговорила Рат'Королева Грёз, – нельзя рассматривать в спешке.

– Я готов вернуться к нему позже, – с лёгким поклоном отозвался Рат'К'рул. – Но знайте, что времени у нас немного.

– Ты говорил о предательстве...

– Да, Рат'Королева Грёз, говорил.

– Ты ранишь Совет расколом.

Человек в балахоне приподнял голову.

– Те, кто знает, что совесть у них чиста, братья и сёстры, объединятся. Тот, кто не может этого о себе сказать скорее всего познает гнев собственного бога.

– *Том?*

Рат'К'рул пожал плечами.

Брухалиан откашлялся в наступившей тишине.

– С позволения Совета Масок я вынужден вас покинуть. Я нужен своему Кованому Щиту.

– Разумеется, – ответил Рат'Худ. – Судя по звукам, что доносятся извне Пленника, стены пробиты, и враг вошёл в город.

А Худ ходит по улицам Капастана. Двусмысленность ситуации, которая могла бы остудить твой тон, жрец.

Смертный Меч улыбнулся.

– Мы, Рат'Худ, с самого начала ожидали, что стены и ворота захватят. На какое-то время. – Он обернулся к Карнадасу. – Будьте добры пройти со мной. Мне необходимы свежие сведения.

Дестриант кивнул.

Вдруг Хетан встала, её глаза вспыхнули, когда она воззрилась на Рат'К'рула.

– Спящий! Предложение твоего бога в силе? Он и вправду поможет нам?

– Да. Кто из вас согласится?

Женщина широко распахнула глаза и молча указала подбородком на своего брата.

Человек в балахоне улыбнулся.

Рат'Престол Тени будто выплёвывал каждое слово:

– Что теперь? Что теперь? *Что теперь?*

Карнадас внимательно посмотрел на Кафала и с потрясением заметил, что баргаст по-прежнему сидит, скрестив ноги, но уже – склонив голову на грудь, погружившись в глубокий сон.

– Вы все, – тихо проговорил Рат'К'рул, – не будите его, если дорожите жизнью.

Из шести с лишним десятков капанцев, которых Остряк повёл на запад от Северных ворот, остались ровно дюжина да один лестийский гвардеец, коротконогий, длиннорукий сержант, который без единого слова принял на себя роль первого помощника Остряка.

Лестийский Дом был одной из самых хорошо укрепленных усадеб Капастана, резиденцией Калана Д'Арле из торговой фамилии со связями в Совете Даруджистана, а также попавшего ныне в немилость лестийского аристократического рода. Массивное каменное строение подпирало северную стену, и его плоская крыша стала опорным пунктом и точкой сбора для защитников стены.

На уровне улицы главный вход представлял собой толстые бронзовые ворота с петлями, утопленными в каменную стену. Над входом нависал широкий карниз, опиравшийся на две мраморные колонны, его покрывала искусная резьба в форме демонических голов с открытыми пастьми, из пастей ещё капала кипящая вода, которой окатили воющих скаланди, когда те пытались высадить ворота.

Остряк и его воины ещё не оправились от стычки с пятнадцатью урдомами, которые порубили на куски большую часть отряда – прежде чем Остряк лично прикончил двух последних паннионцев – когда сзади на них набросилась группа скаланди.

Схватка была быстрой и жестокой. Лишь лестийский сержант проявил милосердие и перерезал глотки тем скаланди, которых сильно ошпарило. Когда их вопли стихли, вокруг воцарилась внезапная тишина.

Остряк сидел на корточках рядом с трупом и вытирал о его тунику клинки своих сабель. Мускулы на руках и плечах налились свинцом, дрожали.

Ночной бриз усилился, запахло солью, дым понесло в глубь материка. В городе пылало довольно пожаров, чтобы разогнать тьму.

– Нет, ты глянь-ка!..

Капитан поднял глаза на сержанта, затем проследил за его взглядом.

На юго-востоке маячила громадина Пленника, всего в нескольких кварталах от них. Вся цитадель была охвачена слабым свечением.

– Что думаешь? – поинтересовался седой солдат.

Чародейство какое-то.

– Я бы сказал, это ритуальная магия, – продолжил сержант. – Защитная, наверно. Видит Худ, нам бы такая тоже не помешала. Сильно нас покровсали, сэр, – я уже мало на что сгожусь, а остальные... – Взглянув на дюжину измотанных, окровавленных капанцев, которые сидели на корточках, стояли на коленях или опирались о стены дома, он покачал головой. – С ними всё.

С юго-запада начали приближаться звуки боя.

Поскрипывание доспехов с крыши Лестийского дома привлекло внимание Остряка. Сверху на них смотрели полдюжины регулярных дружинников-капанцев.

– Хорошо вы их, кто бы вы ни были! – выкрикнул один.

– Что ты оттуда видишь? – отозвался сержант.

– Мы отбили Северные ворота! «Серые мечи», их там худова тысяча. Паннионцы бегут!

– «Серые мечи» – пробормотал себе под нос сержант. Покосился на Остряка. – Это ведь *мы* отбили ворота...

– Но не мы же их удерживаем? – проворчал Остряк, поднимаясь. Он повернулся к своему маленькому отряду. – А ну взбодритесь, слюнтяи капанские! Мы ещё не закончили.

К нему обратились измученные, недоверчивые взгляды.

– Похоже, Западные ворота снесли. Похоже, защитнички наши дали задний ход. Значит, офицеров убили или они дерьма собачьего не стоят. Сержант, назначаю тебя лейтенантом. Остальные – вы теперь сержанты. Нам надо собрать и построить перепуганных солдат. Пошли – и быстро! – а то застоитесь тут. – Окинув их яростным взглядом, Остряк расправил плечи и со звоном скрестил сабли. – За мной.

Капитан трусцой побежал по улице в сторону Западных ворот. Вскоре остальные последовали за ним.

Два колокола до рассвета. На севере и западе рёв битвы начал стихать. Контратаки Итковиана позволили вернуть ворота и стены; атакующие на тех направлениях потеряли волю к борьбе – на эту ночь по крайней мере.

Колоколом раньше из Пленника вернулись Брухалиан с Карнадасом. Смертный Меч собрал шесть сотен новобранцев, которых Кованый Щит держал в резерве вместе с двумя гривами и двумя крыльями, и направился к площади Джеларкана, где, по слухам, более тысячи беклитов грозили сломить внутренние линии обороны.

Ситуация у Западных ворот была ещё более плачевной. Итковиан послал туда трёх вестовых – ни один не вернулся. Западная казарма превратилась в один огромный столб пламени, его отсветы плясали на гряде камней, которой стали Западные ворота. Если враги войдут через них и сумеют с боем прорваться на площадь Джеларкана, половина города может быть потеряна.

Кованый Щит раздражённо расхаживал туда-сюда. У него закончились резервы. Какое-то время казалось даже, что подразделения Капанталла и «Серых мечей» у Западных ворот попросту перестали существовать и в эту открытую рану хлынет чёрный поток. Затем, необъяснимым образом, воля защитников окрепла. Поток натолкнулся на людскую стену, прибывал, но пока не мог прорваться дальше.

Судьба Капастана теперь зависела от этих защитников. А Итковиан мог лишь беспомощно наблюдать за тем, в какую сторону качнётся чаша весов.

Карнадас спустился вниз, в цитадель. Он испытывал свой Путь Дэнул, боролся с таинственной отравой, поразившей его, но всё равно умудрялся исцелять раненых «Серых мечей». Что-то произошло – и до сих пор происходило – в Пленнике: вся крепость была объята бесцветным сиянием. Итковиан хотел спросить об этом Дестрианта, но возможность пока не представилась.

Шаги на лестнице. Кованый Щит обернулся.

Половина лица вестового представляла собой один ужасный ожог, алая, покрытая волдырями кожа на челюсти и скуле бугрилась под козырьком шлема. Глаз с этой стороны выглядел морщинистым и тёмным, как изюм.

Вестовой выбрался на площадку, у него за спиной Итковиан заметил Карнадаса.

Первым заговорил Дестриант, едва высунувшись из люка.

– Он настаивает, что прежде всего должен лично доложить вам, сударь. С глазом я ничего не смогу сделать, но боль...

– Через минуту, – отрезал Итковиан. – Вестовой, докладывайте.

– Прошу прощения, – прохрипел юноша, – что так долго.

Глаза Кованого Щита расширились.

– Вы пристыдили меня, сударь. Чуть более колокола назад я послал вас к Западным воротам.

– Паннионцы пробились в Лагерь Тулар, Кованый Щит. Лагерь Сэнар пал – жителей перебили. Всех. Детей... сударь... простите, но от этого ужаса я не могу избавиться...

– Продолжайте.

– Башня Джебара была окружена, защитники оказались в осаде. Такова была ситуация на момент моего прибытия, сударь. Наши солдаты рассеяны, дрались кто где, многие были окружены. Нас убивали всюду, куда я мог попасть. – Он помолчал, судорожно вздохнул и продолжил: – Так было на момент моего появления. Когда я уже готов был вернуться к вам с указанными вестями, я получил... другой приказ.

– Вы получили *что?!*

– Прошу прощения, сударь. Другого слова не могу подобрать. Появился какой-то чужеземец с десятком капанцев, своего рода ополчение, сударь. И сержант из лестийцев. Он принял на себя командование – всеми, включая меня. Кованый Щит, я возражал...

– Уже понятно, что этот человек был весьма убедителен. Продолжайте свой рассказ, сударь.

– Чужеземец приказал своим солдатам высадить ворота Лагеря Тулар. Он потребовал, чтобы жители вышли и сражались. За своих детей...

– И он убедил их?

– Сударь, он держал в руках то, что осталось от ребёнка из Лагеря Сэнар. Враги, сударь... паннионцы... кто-то уже начал *есть* этого ребёнка...

Карнадас встал позади юноши и положил руки ему на плечи.

– Он их убедил, – попыток Итковиан.

Вестовой кивнул.

– Чужеземец – он... он затем взял то, что осталось от туники ребёнка и сделал из неё знамя. Я это видел своими глазами. Сударь, тогда я перестал возражать... извините...

– Я вас понимаю, сударь.

– В оружии недостатка не было. Капанцы Тулара вооружились – четыре, пять сотен вышли на бой. Мужчины и женщины. Чужеземец разослал своих подчинённых, и они начали возвращаться. С ними – выжившие дружинники Капанталла, несколько джидратов, коральцев и «Серых мечей», сударь. Троенаачальник был убит...

– Чужеземец собрал их, – перебил Итковиан. – Что дальше?

– Мы отправились освобождать башню Джебара, сударь. Кованый Щит, под этим ужасным знаменем мы учинили бойню.

– В каком состоянии башня?

– Разрушена, сударь. Увы. Из её защитников в живых остались лишь двадцать капанцев. Они все теперь с чужеземцем. Я... кхм... я вернулся к исполнению своих обязанностей и получил разрешение отправиться с докладом к вам...

– Очень мило со стороны этого незнакомца. Какова была диспозиция этого его ополчения на тот момент?

– Они собирались совершить вылазку за развалины Западных ворот, сударь...

– *Что?!*

– Рота беклитов подходила, чтобы помочь врагам внутри города. Но эти враги уже все были мертвы. Чужеземец решил использовать фактор неожиданности.

– Святые Клыки, да *кто* он, этот человек?

– Имени его я не знаю, сударь. Он сражается двумя саблями. Дерётся, как... как *вепрь*, сударь, этими своими двумя саблями...

Итковиан долго смотрел на юношу – и видел, как боль уходит под ладонями Дестрианта на плечах, видел, как волдыри сжались, опухоль сошла, новая кожа сошлась над погибшим глазом. Кованый Щит развернулся так резко, что зазвенела броня, посмотрел на запад. Багровые отсветы горящей казармы почти ничего не освещали. За ними царила тьма. Итковиан перевёл взгляд на площадь Джеларкана. Насколько можно разглядеть, оборона нигде не прорвана. Смертный Меч взял всё в свои руки и справился, как и ожидал Итковиан.

– Меньше колокола до рассвета, – пробормотал Карнадас. – Кованый Щит, город держится.

Итковиан кивнул.

Опять шаги на лестнице. Все трое обернулись навстречу новому вестовому.

– Кованый Щит, доклад от третьей, с вылазки на редут Восточной стражи. Выживших джидратов забрали, сударь. Видели движение на юго-востоке. Троенаачальник послал разведчика. Кованый Щит, тенескаури пришли в движение.

Итковиан кивнул. *Они придут с рассветом. Три сотни тысяч, может быть, больше.*

– Дестриант, открывайте тоннели. Начните с внутренних Лагереи, сударь. Всех горожан спрятать внизу. Возьмите под командование цитадельные гривы и крылья, а также всех остальных, кого поймаете по пути, чтобы обеспечить быстрое управление и контроль над входами.

Морщинистое лицо Карнадаса тронула улыбка.

– Кованый Щит, мой долг напомнить вам, что Совет Масок ещё не решил, дать ли добро на строительство указанных тоннелей.

Итковиан вновь кивнул.

– К счастью для жителей Капастана, мы это сделали, не дожидаясь одобрения Совета. – Затем Кованый Щит нахмурился. – Похоже, Совет Масок нашёл собственные средства защиты.

– Не Совет, сударь. Это Хетан и Кафал. И новый жрец – тот самый «торговец», которого вы спасли на равнине.

Кованый Щит удивлённо моргнул.

– А его караван разве не охранял такой человек ... с парой сабель у пояса?

Сабель? Скорей уж – парой Фэнеровых Клыков!

Дестриант с присвистом выпустил воздух.

– Полагаю, вы правы, сударь. Более того, только вчера я уделил минуту, чтобы исцелить его.

– Он был ранен?

– Похмелье, Кованый Щит. Тяжёлое.

– Ясно. Не смею задерживать, сударь. – Итковиан взглянул на двух вестовых. – Нужно сообщить Смертному Мечу... и этому чужеземцу...

Под обратным ударом Остряка плетёный щит беклита разлетелся на куски. Зазубренная, покрытая кровью сабля в другой руке с размаху опустилась на голову паннионца, раскроив шлем, а за ним и череп. Кровь и мозги брызнули на перчатку. Беклит повалился на бок, судорожно дёргая руками и ногами.

Остряк развернулся, стряхивая остатки плоти с клинка. В дюжине шагов позади, среди яростных рядов его сторонников стояло Детское знамя – изодранная, ярко-жёлтая туника, покрытая теперь красными пятнами, которые, впрочем, быстро выцветали до пурпура.

Рота беклитов была уничтожена. Остряк убил последнего. Капитан и его ополченцы стояли за стенами, в пятидесяти шагах от развалин Западных ворот, на широкой улице бывшего пригорода. Строения исчезли, деревянные стены и крыши разобрали и унесли. Остались лишь участки утрамбованного земляного пола да осколки битой посуды. В двух сотнях шагов к западу возвышался частокол лагеря паннионцев, за ними в первых лучах рассвета толпились люди.

Остряк видел, как строятся по краю полтысячи бетаклитов, защищённых с флангов урдомами и лёгкой кавалерией бетруллидов. За ними поднимался огромный занавес пыли, подсвеченный золотыми лучами солнца.

Лейтенант упал на одно колено рядом с Остряком, пытаясь успокоить дыхание.

– Пришло... пришло время... от... отступить, сэр.

Нахмурившись, капитан развернулся, чтобы осмотреть своё войско. *Пятьдесят, шестьдесят ещё стоят на ногах. Сколько их у меня было вначале, прошлой ночью? Примерно столько же. Как же так? Боги, не может быть.*

– Где наши сержанты?

– Вон там, большинство из них. Хотите их вызвать, сэр?

Нет. Да. Я хочу увидеть их лица. Не могу вспомнить их лиц.

– Прикажи им собрать взводы.

– Сэр, если кавалерия пойдёт на нас...

– Не пойдёт. Они прикрывают.

– Кого прикрывают?

– Тенескаури. Зачем бросать против нас опытных ветеранов, которых мы всё равно убьём? Вдобавок, этим ублюдкам надо отдохнуть. Нет, пришла пора голодной орды.

– Храни нас Бери, – прошептал лейтенант.

– Не волнуйся, – ответил Остряк, – умирают они легко.

– Нам нужен отдых – нас на куски порезали, сэр. Я слишком стар, чтобы идти в последний самоубийственный бой.

– Так какого Худа тогда ты оказался в Капастане? Ладно, забудь. Давай посмотрим взводы. Нужно снять с тел доспехи. Только кожаные – и шлемы, и краги. Хочу, чтобы мои шестьдесят выглядели как солдаты.

– Сэр...

– *А потом* — отступаем. Понятно? И лучше шевелитесь побыстрее.

Остряк повёл свой измотанный отряд назад в Капастан. На развалинах Западных ворот наблюдалось какое-то движение. Больше всего в толпе было простых серых плащей «Серых мечей», хотя присутствовали и другие – каменщики и группы чернорабочих. Бешеная активность угасла, все повернули головы, разговоры стихли.

Остряк нахмурился сильнее. Он терпеть не мог излишнего внимания. *Призраки мы, что ли, чтоб так пялиться?*

Все взгляды были прикованы к Детскому знамени.

Навстречу вышла женщина, офицер наёмников.

– С возвращением, – сказала она и сурово кивнула. Лицо её покрывала корка пыли, из-под шлема сбегали ручейки пота. – Мы поставили оружейников у Лагеря Тулар. Полагаю, ваши Клыки нужно заново наточить...

– Сабли.

– Как скажете, сударь. Кованый Щит... нет, мы все хотели бы знать ваше имя...

Но Остряк уже пошёл дальше.

– Оружейники. Хорошая идея. Лейтенант, как думаешь, всем нам надо наточить клыки?

Женщина резко развернулась.

– Сударь! Это сравнение – не повод для шуток!

Он шагал дальше. Бросил через плечо:

– Ладно, давай тогда назовём их «тигриные когти», например? Вы тут, похоже, решили отстраиваться. Поспешите лучше. Тенескаури требуют завтрак, и завтрак – это мы.

Остряк услышал, как женщина с раздражённым шипением выпустила воздух из лёгких. В следующий миг мастеровые уже вновь принялись за работу.

Оружейники установили свои точильные круги прямо на улице. Позади них, от площади Джеларкана, по-прежнему раздавались звуки битвы. Остряк взмахом руки послал своих солдат вперёд.

– В очередь все. Клинки наточить так, чтоб можно было бриться.

Лейтенант фыркнул.

– У нас в отряде почти все – женщины, сэр.

– Без разницы.

Всадник гнал коня по улице, так что далеко разносился топот копыт. Резко натянул поводья, спешил и задержался, чтобы поправить латные перчатки, прежде чем подойти к Остряку.

– Вы – капитан охраны Керули? – спросил он из-под глухого забрала.

– Бывший. Чего тебе, наёмник?

– Кованый Щит передаёт слова своего восхищения, сударь. – Голос твёрдый, глубокий. – Тенескаури собираются...

– Я знаю.

– Кованый Щит полагает, что основной удар они нанесут с востока, поскольку там Первый Ребёнок Мёртвого Семени выстроил свой авангард.

– Ладно, и что с того?

Посланник некоторое время молчал, затем продолжил:

– Сударь, жителей Капастана мы сейчас прячем...

– Куда прячете?

– «Серые мечи» выкопали под городом тоннели, сударь. Внизу собрано довольно припасов, чтобы двадцать тысяч жителей продержались...

– Как долго?

– Две недели, возможно, три. Тоннели обширны. Во многих случаях были обнаружены старые захоронения, там теперь склады. Забытых курганов оказалось больше, чем кто-либо ожидал. Входы хорошо замаскированы, их удобно защищать.

Две недели. Без толку.

– Ладно, с мирными жителями всё ясно. А с бойцами что?

Глаза вестника за железным забралом подёрнулись дымкой.

– Будем драться. Улица за улицей, дом за домом. Комната за комнатой, сударь. Кованый Щит интересуется, какую часть города вы предпочитаете оборонять? И нужно ли вам что-нибудь? Стрелы, пища...

– Лучников у нас нет, но вот еды и разведённого водой вина – да, надо бы. Какую часть? – Остряк оглядел свой отряд. – Скорей уж, *какое здание*. Есть доходный дом рядом с Даруджийской улицей, фундамент из чёрного камня. Мы начнём у Северных ворот, потом отступим туда.

– Отлично. Припасы доставят в указанное здание, сударь.

– Да, там в одной из комнат на верхнем этаже – женщина. Если выводя жителей, вы обыскиваете дома...

– Эвакуация добровольная, сударь.

– Она бы не согласилась.

– Значит, она осталась там, где была.

Остряк кивнул. К нему подошёл лейтенант.

– Сабли ваши... Пора наточить тигровы когти, сэр.

– Да.

Остряк отвернулся и не заметил, как резко вскинул голову посланник, услышав эти слова лейтенанта.

Из тёмной клетки шлема с забралом Кованый Щит Итковиан разглядывал кряжистую фигуру капитана, который подошёл к оружейнику вместе с коротконогим лестийцем. Вытащил запятнанные кровью сабли – широкие, зазубренные клинки с утяжелёнными остриями переливались цветом дымного пламени.

Итковиан прискакал сам, чтобы лично встретиться с этим человеком, оценить его, чтобы наконец увидеть лицо этого невероятно одарённого воина.

Кованый Щит уже пожалел об этом решении. Он пробормотал себе под нос длинное, витиеватое проклятье собственному нетерпению. *Дерётся, как вепрь? О, боги, нет, этот человек – большой равнинный тигр. Тяжёлый и кряжистый, да, но это почти незаметно, благодаря смертоносной грации. Фэнер храни всех нас, в тени этого человека ступает призрак Тигра Лета.*

Вернувшись к коню, Итковиан запрыгнул в седло. Подобрал поводья. Развернул скакуна, поднял голову и прищурился, глядя на утреннее солнце. *Эта истина огнём вспыхнула в моём сердце. В этот, последний наш день я встретил безымянного человека, служителя Трича, Тигра Лета... Трич Восходит.*

А как же Фэнер? Жестокий вепрь, чья дикая хитрость оседлала мою душу – что с моим Господом?

Фэнер... нисходит. В этот, последний наш день.

Многоголосый рёв раздался вдалеке, прозвучал отовсюду. Тенескаури пришли в движение.

– Двойные Клыки, храните нас, – хрипло прошептал Итковиан и пришпорил коня. Скакун рванулся вперёд, высекая подковами искры из брусчатки.

Посеревший от усталости Бук направился к усадьбе некромантов. Это было большое строение на длинном, низком холме, который имел слишком правильную форму, чтобы быть естественным образованием. Усадьбу окружала высокая стена с декоративными башенками по углам. Главные ворота выходили на Килсбанов проспект, к улице от входа спускалась крутая насыпь. Сами ворота были маленькой копией врат Пленника и тоже приводились в движение системой противовесных камней-жерновов с отверстиями в центре.

В ворота попал один из огненных шаров, разнёс их в щепки. Пламя ярилось некоторое время, каменный проём почернел и потрескался, но каким-то чудом не рухнул.

Когда старый караванный охранник начал, прихрамывая, карабкаться вверх по насыпи, наружу внезапно вышел высокий, худой человек в чёрном одеянии. Спотыкаясь, подпрыгивая, словно огромный, чернокрылый гриф, он развернулся и уставился на Бук. Его лицо перекошилось.

– Выше меня лишь сам Рат'Престол Тени! Ты что, меня не знаешь? *Они* меня не знают? Я – Мрамор! Известный также как Малефик! Тот, кого боятся все жители Капастана! Чародей невообразимой силы! Но *они*... – От ярости он брызгал слюной. – Пинком под зад! О, я отомщу, клянусь!

– Не советую, жрец, – не без сочувствия произнёс Бук. – Мои хозяева...

– Высокомерные ублюдки!

– Может, и так, но лучше их не злить, господин.

– *Не злить*? Когда мой господин услышит об этом... этом... *оскорблении* своего самого ценного слуги, о, тогда дрогнут сами тени! – Жрец напоследок фыркнул и, топая, спустился по насыпи так быстро, что чёрное одеяние драматично взвилось у него за спиной.

Бук остановился и проследил, как фигура человека по имени Мрамор исчезла за углом.

Со всех сторон доносились звуки битвы, но они не приближались. Несколько часов тому, когда Бук помогал людям из Лагерея и Даруджийского квартала добраться до точек сбора, которые назначили «Серые мечи», – оттуда людей вели ко входам в тайные тоннели – паннионцы добрались уже до той самой улицы, по которой только что прошёл сам Бук. Но каким-то образом разношёрстное воинство защитников Капастана сумело отбросить врага. Килсбанов проспект был усыпан трупами солдат обеих армий.

Бук вновь заставил себя шевелиться, прошёл под опалённой притолокой с твёрдым убеждением, что он никогда больше не выйдет из усадьбы Корбала Броша и Бошелена. Инстинкт самосохранения заставил его остановиться, но в тот же миг Бук увидел, что уже слишком поздно.

Посреди двора стоял Бошелен.

– А, давний мой охранник. Мы уже начинали гадать, куда ты исчез.

Бук склонил голову.

– Прошу прощения, господин. Я передал прошение об избавлении от уплаты налогов, как и было велено...

– Отлично! Наши аргументы хорошо восприняли?

Старый охранник поморщился.

– Война и осада, увы, не избавляют владельцев от налогов на недвижимость, хозяин. Они требуют уплаты. К счастью, из-за эвакуации никого не осталось в Даруджийском Доме, чтобы получить деньги.

– О да, эвакуация. Тоннели. Очень умно. Мы отклонили это предложение, разумеется.

– Разумеется.

Бук не мог больше смотреть на брусчатку, невольно повернул голову и увидел десяток тел урдомов: обескровленные трупы, лица под шлемами почернели.

– Недалёкие солдаты опрометчиво выбрали себе цель, – пробормотал Бошелен. – Корбал остался очень доволен и сейчас готовится взять их на службу.

– На службу, хозяин? А, да, господин. Взять на службу.

Некромант вскинул голову.

– Забавно. Любезный Эмансипор Риз произнёс те же самые слова, причём тем же самым тоном всего полколокола тому.

– Забавно, хозяин.

Некоторое время они смотрели друг на друга, затем Бошелен погладил бороду и отвернулся.

– Тенескаури идут, ты уже слышал? Среди них – Дети Мёртвого Семени. Удивительные создания. Семя умирающего мужчины... Хм-м. Говорят, старший из них теперь командует всей крестьянской ордой. С нетерпением жду встречи с ним.

– Хозяин? Кхм, как... то есть...

Бошелен улыбнулся.

– Корбал рвётся со всем тщанием изучить этого Ребёнка по имени Анастер. Какова природа его биологии? Это даже мне любопытно.

Павшие урдомы вдруг дёрнулись, зашевелились, руки потянулись к брошенному оружию, головы в шлемах поднялись.

Бук окаменел от ужаса.

– Вот, Бук, у тебя теперь есть подчинённые-стражники. Я бы рекомендовал тебе приказать им расположиться у входа. И быть может – по одному на угловых башенках. Защитники без страха и усталости – самые лучшие, верно?

Из дома вывалился Эмансипор Риз, прижимая к груди свою грязную кошку.

Бошелен и Бук увидели, как старик рванулся к одному из вставших урдомов. Риз подошёл к огромному воину, протянул руку, ухватился за ворот кольчуги, отчаянно потянул, отодвинул доспех и куртку под ним. Засунул руку за пазуху мертвецу – глубже, ещё глубже.

Эмансипор начал потрясённо бормотать. Отдернул руку, неуклюже отступил назад.

– Но... но... – Его морщинистое лицо повернулось к Бошелену. – Этот... этот человек, Корбал... у него... он сказал... я сам видел! *У него их сердца!* Он их сшил вместе – кровавая куча на кухонном столе! Но... – Старик развернулся и ткнул урдома в грудь. – Никакой раны нет!

Бошелен приподнял тонкую бровь.

– Разумеется, поскольку ты со своим другом Буком стали мешать обычным ночным занятиям Корбала Броша, моему коллеге пришлось изменить свои привычки, свой *modus operandi*, если угодно. Теперь, дорогие мои, ему уже нет нужды покидать свою комнату, чтобы добывать материалы. Тем не менее, должен сказать: пожалуйста, воздержитесь в дальнейшем от подобных ошибочных предприятий. – Взгляд невыразительных глаз некроманта нашёл Бука. – Что до любопытных чар Керули, которые ныне обретаются в тебе, любезный слуга, не используй их. Мы не слишком любим компанию, когда принимаем облик одиночников.

Бук чувствовал, что ноги у него вот-вот подогнутся.

– Эмансипор, – тихо проговорил Бошелен, – будь добр, подставь плечо нашему охраннику.

Старик подошёл к Буку. Глаза у него были распахнуты так широко, что тот видел белки со всех сторон от радужки. По морщинистому лицу тёк пот.

– Я тебе говорил – это безумие! – прошипел слуга. – Что с тобой сделал Керули? Будь ты проклят, Бук...

– Заткнись, Манси! – прорычал Бук. – Ты *знал*, что они одиночники. И ничего не сказал – но Керули тоже знал.

Бошелен направился к главному дому усадьбы, тихонько напевая что-то себе под нос. Бук развернулся и схватил Эмансипора за грудки.

– Теперь я могу за ними *следить!* Это – дар Керули. Я могу попасть вслед за ними куда угодно!

– Они тебя убьют. Раздавят, Бук! Ах ты Худом проклятый идиот...

Бук с трудом ухмыльнулся.

– Худом проклятый? Верно, Манси: все мы. Не так ли? Худом проклятые, о да.

Далёкий, ужасный рёв прервал их, этот звук раскатился по всему городу, навалился со всех сторон. Эмансипор побледнел.

– Тенескаури...

Но внимание Бук было приковано к квадратной башне дома, распахнутому окну на верхнем, третьем этаже. На подоконнике сидели два грача.

– О, да, – прошептал он, оскалив зубы. – Я вас вижу. Полетите за ним, да? За первым ребёнком от Мёртвого Семени. Анастером. Полетите за ним.

Грачи спрыгнули с насеста, расправили крылья, промчались низко над усадьбой, а затем, тяжело и громко хлопая крыльями, взмыли над стеной. И полетели на юго-восток.

Бук оттолкнул Риза.

– Я могу успеть за ними! О, да. Сладкий дар Керули...

Мой, личный образ одиночника, форма крыльев, ветер свистит надо мной и подо мной. О, боги, какая же свобода! То, чего я желаю... обретает форму...

Он почувствовал, как тело изменяется, сладкое тепло наполняет руки и ноги, пряный запах кожи, покрывшейся перьями. Тело уменьшилось, приняло другую форму. Тяжёлые кости утончились, стали легче.

Сладкий дар Керули, больше, чем он мог себе вообразить. Лететь! Прочь от всего, чем я был! Избавиться от всякого груза! О, я смогу догнать этих двух ужасных тварей, этих крылатых чудовищ. Могу! И там, где они медлят и трепыхаются в невидимых потоках неба, я верчусь, лечу, мчусь, как молния!

Стоя посреди двора, Эмансипор Риз слезящимися глазами смотрел, как превращается Бук. Фигура размылась, провалилась в себя, воздух наполнился сильным пряным запахом. Ястреб-перепелятник, который был прежде Буком, взмыл в небо, начал по спирали набирать высоту.

– Да, – пробормотал старик. – Можешь летать вокруг них кругами. Только когда они решат тебя раздавить, дорогой Бук, это не будет дуэль в небесах. Будет чародейство. Этим тяжеловесным грачам не нужна скорость, не нужна ловкость – эти дары ничего тебе не дадут, когда придёт время. Эх, Бук... бедный дурень...

Высоко в небе над Капастаном нарезал круги ястреб. Два грача – Бошелен и Корбал Брош – были далеко внизу, но прекрасно различимы для глаз хищной птицы. Они тяжело-весно летели сквозь облака дыма на юго-восток, за Восточные ворота... Город ещё кое-где горел, выбрасывая к солнцу толстые колонны дыма. Ястреб смотрел на осаду с такой точки зрения, за которую отдали бы жизнь генералы обычного мира. Смотрел, кружил, ждал.

Тенескаури окружили город толстым, бурлящим кольцом. Треть миллиона, возможно, даже больше. Такого количества людей Бук никогда прежде не видел. И кольцо начало сжиматься. Странная, бесцветная удавка, людская петля вокруг немощных, разбитых стен города и горстки его защитников.

Штурм было не остановить. Эту армию гнала вперёд не отвага, но нечто куда более смертоносное, нечто неодолимое: голод. Эта армия не могла себе позволить сдаться, в отступлении её ждала лишь мучительная смерть.

И сейчас она пожрёт Капастан.

Паннионский Провидец – настоящее чудовище. Такая тирания нужды. И болезнь разползётся дальше. Победить его? Придётся убить в мире всех мужчин, женщин и детей, которые испытывают голод, всех, кому страшна жуткая ухмылка голодной смерти. Началось всё здесь, в Генабакисе, но это лишь сердце. Волна разойдётся. Заразит все города, все континенты, пожрёт империи и государства изнутри.

Теперь я тебя вижу, Провидец. С такой высоты. Я понимаю, что ты такое, и чем станешь. Мы проиграли. Воистину, мы побеждены.

Эти мысли рассеяла зловещая вспышка чародейства на востоке. Потоки знакомой магии сплетались над маленькой частью орды тенескаури. Черные волны, пронизанные болезненно-лиловыми прожилками, катились вперед, сотнями губили вопящих крестьян. В ответ взвились серовато-дымные чары.

Глаза ястреба различили в самом центре магической бури двух чёрных птиц. Из рваных порталов на равнину выбирались демоны, крошили и сминали тела, прорывались через вопящие от ужаса ряды тенескаури. Колдовство ударило в ответ, охватило демонов.

Грачи спустились вниз, к маленькой фигурке верхом на вставшей на дыбы чалой лошадке. Волны магии столкнулись в полуночной вспышке, грохот взрыва докатился даже на ту высоту, где кружил Бук.

Клюв ястреба распахнулся, испустил пронзительный крик. Грачи отступили. Чародейство молотило, преследовало в их поспешном бегстве.

Фигурка на лошади была цела и невредима среди груды тел, к которой уже устремились другие тенескаури. Чтобы съесть.

Бук вновь торжествующе закричал, изогнул крылья и спикировал к земле.

Он добрался до двора усадьбы задолго до Бошелена и Корбала Броша, спустился по спирали, замедлил полёт, молотя крыльями воздух. Завис на кратчайший миг, прежде чем превратиться, вернуться в человеческий облик.

Эмансипора Риза нигде не было видно. Неупокоенные урдомы по-прежнему стояли на тех местах, где впервые поднялись с земли.

Чувствуя себя в собственном теле тяжеловесным и неуклюжим, Бук повернулся, чтобы рассмотреть их.

– Шестеро из вас – к воротам. – Он указал пальцем. – Ты и те, что за тобой. А ты – на северо-западную башню. – Бук продолжил отдавать приказы бессловесным воинам, расставляя их так, как предложил Бошелен. Когда он пролаял последнюю команду, две тени пронеслись по брусчатке. Грачи приземлились посреди двора. Перья их были изодраны, от одной из птиц валил дым.

Бук посмотрел на превращение, улыбнулся, увидев Корбала Броша – броня изорвана в клочья, зловонный дым валит от одежды – а затем Бошелена, бледное лицо украшал здоровенный синяк на челюсти, кровь запеклась на усах, измазала седую бороду.

Корбал Брош потянулся к воротнику плаща, его пухлые, мягкие ручки дрожали так, что чародей никак не мог совладать с застёжкой. Чёрный кожаный плащ упал на землю. Корбал принялся топтать его ногами, чтобы погасить последние тлеющие места.

Страхивая пыль с рук, Бошелен покосился на Бука.

– Какое терпение – ждать нашего возвращения.

Быстро смахнув улыбку с губ, Бук пожал плечами.

– Вы его не взяли. Что случилось?

– Похоже, – пробормотал некромант, – нам необходимо доработать свою тактику.

Инстинкт самосохранения вдруг исчез, и Бук тихо рассмеялся.

Бошелен замер. Бровь приподнялась. Затем он вздохнул.

– М-да, что ж, доброго дня и тебе, Бук.

Бук смотрел, как чародей вошёл в дом.

Корбал Брош продолжал топтать свой плащ ещё долго после того, как последние огоньки погасли.

Глава пятнадцатая

*Во сне я встречаюсь лицом к лицу
с мириадам своих отражений,*

*незнакомых и странных. Без умолку
они говорят на чужом языке,
идут по неведомым мне местам
с друзьями, которых я никогда не встречал.*

*Шагаю во сне по мирам,
где мне леса по колено,
а небо почти закрыто
серебряной коркой льда.
Бурым потоком ила
текут по равнине стада,
бивни, рога, копыта... Узри же! Всё это
память моей души,
миграция воспоминаний.*

Д'араянс Рхивийский. Во Времена до Ночи

Скворец приподнялся в седле, когда его конь перепрыгнул острый выступ, венчавший холм. С громким стуком копыт скакун вновь пустился галопом, пересёк плоскую вершину горы и замедлил шаг, лишь когда малазанец натянул поводья и снова уселся в седле. На легком галопе он подъехал к дальней стороне плато, затем резко остановился у самого края.

Бугристый, усыпанный валунами склон вёл вниз, в широкое высохшее русло реки. У его основания два разведчика Второй армии сидели на лошадях спиной к Скворцу. Перед ними дюжина пеших рхиви шагали, казалось, по полю костей.

Исполинских костей.

Скворец медленно поехал вниз по древнему склону. Он не сводил глаз с россыпи костей. Кое-где блестели огромные железные лезвия, смятые фрагменты брони и шлемы странной формы. Он видел длинные челюсти рептилий с рядами зазубренных зубов. На некоторых скелетах висели остатки серой кожи.

Из-под копыт летел щебень. Скворец подъехал к одному из разведчиков.

Мужчина отдал честь.

– Сэр, рхиви болтают – не могу точно разобрать, о чём. Что-то о десяти демонах. Кто бы ни разорвал их на части, это была жуткая тварь. Может, рхиви узнали что-то ещё, они копошились среди трупов.

Кивнув, Скворец спешился.

– Будьте начеку, – скомандовал он. Знал: они и так не дремлют, но испытывал необходимость что-нибудь сказать. Место бойни пропахло страхом, старым, однако всё же новым, и – что было куда тревожней – здесь сохранялось своеобразное напряжение, которое всегда возникает после битвы. *Висит густая тишина – будто звуки насилия ещё не осели, будто они каким-то образом по-прежнему дрожат в воздухе, до сих пор раздаются...*

Он подошёл к рхиви и груды костей.

Разведчики племени и в самом деле бормотали что-то.

– Мёртвые волки...

– Две пары следов, тяжёлые, но поступь лёгкая, шире чем моя рука. Большие.

– Большие мёртвые волки.

– Крови нет, да? Вонь как в кургане.

– Пыль чёрного камня. Острого.

– Сверкают под предплечьями – кожа...

– Кусочки чёрного стекла.

– Обсидиан. Далеко на юг...

– Юго-запад. Или далёкий север, за плато Лейдерон.

– Нет, я не вижу красного или коричневого. Лейдеронский обсидиан имеет жилки древесного цвета. Это Морн.

– Если вообще из этого мира...

– Демоны *тут*, не так ли? Из этого мира. *В этом* мире.

– Могильный смрад.

– Но не в воздухе. В воздухе ледяная вонь, ветра тундры и запах замёрзшего торфа.

– От волков осталось, убийц...

Скворец прорычал:

– Разведчики рхиви, уделите мне, пожалуйста, внимание.

Головы поднялись, лица повернулись. Тишина.

– Я хочу услышать ваш доклад. Кто из вас главный?

Они обменялись взглядами, потом один пожал плечами.

– Я могу говорить на даруджийском, которым ты пользуешься. Лучше, чем остальные. Так что на этот случай – я.

– Хорошо. Приступай.

Молодой рхиви отбросил назад сплетённые пряди обильно смазанных жиром волос и широким жестом указал на кости вокруг.

– Неупокоенные демоны. В доспехах, с мечами вместо рук. Идут с юго-востока, ближе к востоку, чем югу. – Он демонстративно нахмурился. – Побитые. Их преследуют, как дичь. Гонят. Как бхедеринов. Бесшумные преследователи, четвероногие и терпеливые...

– Большие немертвые волки, – перебил Скворец.

– Вдвое крупнее волков, обитающих на этих равнинах, да. – Его лицо засияло от внезапного понимания: – Они как призрачные бегуны из наших легенд. Когда провидец или провидица видят свои самые сокровенные сны, появляются волки. Они никогда не подходят, всегда бегут. Все призрачные, кроме вожака, он сам из плоти, и глаза – живые. Увидеть их – большая удача, приносящая счастье, ибо в беге их только радость.

– Однако теперь они бегают не только во снах ваших ведьм и колдунов, – сказал Скворец. – И эта пробежка была куда более смертоносной.

– Охотятся. Я говорю, они *как* бегуны из снов. Я не говорю, что это волки из снов. – Теперь лицо рхиви снова ничего не выражало, а глаза стали похожи на глаза хладнокровного убийцы. – Охотятся. Загнали свою добычу сюда, в ловушку. Затем уничтожили. Битва нежити. Демоны из курганов далеко на юге отсюда. Волки из пыли северных зимних ветров.

– Спасибо, – сказал Скворец. Манера повествования рхиви – драматическое представление – очень хорошо передала события, свидетельницей которых стала эта долина.

От основной колонны отделились всадники, и он повернулся, чтобы их рассмотреть. Трое. Корлат, Серебряная Лиса и даруджиец Крупп. Последний подпрыгивал и болтался на муле, который, неуклюже перебирая короткими ногами, во весь опор мчался за двумя всадниками. Его тревожные крики эхом отдавались по всей узкой долине.

– Да.

Командир развернулся, глядя в упор на главного разведчика рхиви, который вместе с сородичами тоже разглядывал трёх всадников.

– Прошу прощения?

Рхиви безразлично пожал плечами и ничего не сказал.

Осыпь булыжников заставила новоприбывших замедлиться. Всех, кроме Круппа, которого швыряло в седле взад-вперёд, пока мул нёсся вниз по склону. Каким-то образом зверю удалось удержать равновесие, когда он пролетал мимо испуганной Корлат и смеющейся Серебряной Лисы, и лишь добравшись до равнины, он сбавил дикий темп и рысью прискакал туда, где стоял Скворец. Голова мула была гордо поднята, уши стояли торчком, а взгляд был устремлён вперёд.

Крупп продолжал крепко сжимать шею животного, не открывая глаз. С него литрами стекал пот, лицо пылало алым.

– Какой ужас! – простонал он. – Битва характеров! Крупп нашёл себе достойного соперника в лице этой безумной безмозглой твари! Да, он побеждён! Ох, пощади меня...

Мул остановился.

– Теперь ты можешь слезть, – заметил Скворец.

Крупп открыл глаза, осмотрелся и медленно выпрямился в седле. Покачиваясь, вытаскивал носовой платок.

– Естественно, дав животному волю, Крупп и сам обретает оную. – Улучив момент, чтобы протереть платком брови и лицо, он червячком сполз с седла и с глубоким вздохом встал на землю. – Ах, вот и ленивые девушки, глотавшие пыль за Круппом. Рад, что вы смогли добраться, дамы. Хороший вечерок для пробежки рысью?

Серебряная Лиса перестала смеяться. Её полуприкрытые глаза остановились на разбросанных костях.

Худ меня побери, а этот меховой плащ ей идёт. Скворец мысленно встряхнулся и поднял глаза, но встретился со спокойным, слегка ироничным взглядом Корлат. *О, но она блекнет по сравнению с этой тисте анди. Чёрт, старик, не думай о прошлых ночах. Не принимай это чудо так близко к сердцу, иначе оно поблекнет.*

– Разведчики, – сказал он обеим женщинам, – наткнулись на поле боя...

– К'чейн че'малли, – кивнула Корлат, осматривая кости, – охотники К'елль, к счастью, скорее с мёртвой, нежели с живой плоти. Скорее всего не столь проворные, как могли бы быть. Тем не менее, их разорвали на части с такой лёгкостью...

– Т'лан айи, – сказала Серебряная Лиса. – Ради них я пришла.

Скворец взглянул на неё.

– О чём ты?

Женщина пожала плечами.

– Чтобы самой увидеть, командир. Мы все приближаемся. Ты – к своему осаждённому городу, а я – к судьбе, ради которой была рождена. Схождение – чума этого мира. Но даже если и так, – прибавила она, когда ловко спрыгнула с седла и встала среди костей, – есть также дары. И важнейший из этих даров... т'лан айи. – Она помолчала. Ветерок ласкал лисью шерсть на её плечах. Потом она ещё раз прошептала название: – Т'лан айи.

– Крупп дрожит, когда она так называет этих, ах... пусть боги благословят сию мрачную красоту в пустынном пейзаже, в котором даже звёздные мечты потускнели со временем столь же, сколь и радужные реки на небе! – Он сделал паузу, глянул на остальных. – Сладкий сон, в котором живёт скрытая поэзия, а поток разъединённых такой гладкий, что казалось бы переплетается. Да?

– Я не ценитель твоих абстракций Крупп, – прорычал Скворец, – увы.

– Конечно, прямолинейный солдат, как скажешь! Но погоди, правда ли то, что Крупп видит в твоих глазах определённый... заряд? Воздух тут поистине трещит от неизбежности, малазанец. Ты отрицаешь, что чувствуешь это? Нет, ничего не говори, правда скрывается в твоём тяжёлом взгляде и твоей руке там, где она касается рукояти меча.

Скворец не мог отрицать, что волосы у него на шее встали дыбом. Он осмотрелся и увидел такое же беспокойство среди рхиви и пары малазанских разведчиков, которые пристально вглядывались в линию холмов.

– Что близится? – прошептала Корлат.

– Дар, – прошептал Крупп с блаженной улыбкой, не сводя глаз с Серебряной Лисы.

Скворец проследил за взглядом даруджийца.

И увидел женщину, столь похожую на Рваную Снасть, – стоящую к ним спиной с высоко поднятыми руками.

Со всех сторон пыль начала закручиваться вихрями.

Т'лан айи обрели форму в долине, на склонах и вершинах окружающих холмов.

И их – тысячи...

Серая пыль превратилась в матово-серую шкуру, чёрные плечи, глотки оттенка дождевых облаков, толстые чёрные хвосты с серебряными кончиками; другие были коричневыми, цвета гниющей древесной трухи, блекнувшей на горле и животе. Волки – высокие, тощие, глаза – тёмные ямы. Огромные, длинные головы, все как одна были повернуты к Серебряной Лисе.

Она бросила молниеносный взгляд через плечо, глаза под тяжёлыми веками пронзили Скворца. Улыбнулась.

– Моя свита.

Командир оцепенел, молча уставившись на неё. *Так похожа на Рваную Снасть, но не она. Она говорит «свита», но я вижу больше – и её взгляд говорит о том, что она теперь осознаёт... очень хорошо осознаёт.*

Свита... и телохранители. Серебряной Лисе мы больше ни к чему. Времена, когда она нуждалась в нашей защите, прошли, и теперь она вольна делать... всё, что пожелает...

Казалось, будто холодный ветер спутал мысли Скворца. *Боги, что если Каллор был с самого начала прав? Что если мы упустили свой шанс? С тихим ворчанием он отбросил недостойные мысли. Нет, мы показали ей свою веру и преданность тогда, когда это было важнее всего – когда она была слабее, чем когда-либо. Рваная Снасть такого бы не забыла...*

Столь похожа... но не она. Ночная Стужа, расчленённая, преданная. Кого ненавидят остатки её души? Тайширенна? Или Малазанскую империю и всех сынов и дочерей её крови? Или тех, против кого её призвали биться: Аномандра Рейка, а с ним и Каладана Бруда? Рхиви, баргастов... ищет ли она отмщения для всех них?

Крупп прокашлялся.

– Какая они чудесная свита, моя милая девочка. Страшны для твоих врагов, но успокоительны для твоих верных друзей! Мы очарованы и видим, что и ты глубоко очарована этими молчаливыми и бездвижными т'лан айями. Щеночки так хорошо себя ведут, и не выразить словами, жестами или каким-либо другим способом, сколь Крупп впечатлён!

– Ах если бы, – прошептала Корлат, – если бы дело только в этом. – Она обернулась к Скворцу, лицо было серьёзным и собранным. – Командир, я немедленно покидаю вас, чтобы сообщить нашим предводителям...

– Корлат, – вмешалась Серебряная Лиса, – прости, что не спросила раньше, но когда ты в последний раз видела мою мать?

– Сегодня утром, – ответила тисте анди, – она уже неделю не может ходить. С каждым днём она всё слабее, Серебряная Лиса. Возможно, если бы ты навестила её...

– В этом нет нужды, – ответила женщина в меховом плаще. – Кто сейчас заботится о ней?

– Советник Кол и даруджиец по имени Мурильо.

– Самые верные друзья Круппа, Крупп вас всех уверяет. Она в полной безопасности.

– Обстоятельства, – сказала Серебряная Лиса с жестким выражением лица, – в скором времени... накалятся.

А какие они были до сих пор, женщина? Каллор преследует твою тень как стервятник. Я удивлён, что он позволил тебе уйти сейчас... если только он не крадёт по другую сторону ближайшего холма.

– У тебя есть ко мне просьба, Серебряная Лиса? – спросила Корлат.

Та явно собиралась с духом.

– Да, кто-то из твоего рода... должен охранять мою мать.

Тисте анди нахмурилась.

– Можно было бы предположить, что с таким количеством новых стражей ты сама могла бы выделить нескольких...

– Боюсь, она не позволит им приблизиться. У неё... кошмары. Мне жаль, но я должна сделать так, чтобы мои т'лан айи держались подальше от её глаз и чувств. Ты сделаешь то, о чём я прошу?

– Конечно, Серебряная Лиса.

Когда Корлат оседлала своего коня и ускакала вверх по холму, женщина снова перевела взгляд на Скворца. Некоторое время молча изучала его, потом посмотрела на Круппа.

– Ну что, даруджиец? Ты пока удовлетворён?

– Вполне, драгоценная моя, – ответил Крупп не своим обычным тоном, а медленно и взвешенно.

Удовлетворён. Чем?

– Как думаешь, она продержится?

Крупп пожал плечами.

– Увидим, не так ли? В Круппе живёт надежда.

– Достаточно надежды для нас двоих?

Даруджиец улыбнулся.

– Разумеется.

Серебряная Лиса вздохнула.

– Очень хорошо. Ты знаешь, в этом я всецело полагаюсь на тебя.

– Ноги Круппа, словно каменные столбы. Твоё касание столь воздушно, что его может не заметить даже достойный. Дорогая моя, топот новых всадников требует принять немедленное решение – что ты позволишь увидеть тем, кто приближается сейчас?

– Ничего плохого, – ответила женщина. Она снова подняла руки.

Т'лан айи рассыпались в пыль, из которой восстали.

Ворча, Скворец пошёл к лошади. Слишком много тайн и секретов ходило меж двух армий – тайн, грозивших взрывным откровением. *И скорее всего, жестоким.* Он почувствовал себя неловко. *Хотел бы я, чтобы Быстрый Бен был тут... Видит Худ, желал бы я знать, что происходит с ним, и с Параном, и с «Мостожогами». Добились ли они успеха? Или все мертвы, а их черепа насажены на копья вокруг лагерей баргастов?*

Значительная часть авангарда колонны достигла гребня холма, где всадники остановились рваной линией.

Скворец запрыгнул в седло и направился к отряду.

Каллор, оседлавший тощую серую лошадь, нерешительно потянул поводья, отделяясь от других. Потускневший серый плащ укрывал широкие, закованные в броню плечи. Тени залегли в морщинах его древнего обветренного лица. Длинные седые волосы ветер сбил на одну сторону.

Взгляд Скворца на секунду задержался на воителе, оценивая его, затем сместился на других на хребте. Бруд и Дуджек ехали бок о бок. По правую руку от Воеводы скакал всадник Хурлокель, по левую от малазанца – знаменосец Артантос. Харадас, торговка-чародейка из Тригальской гильдии, также явилась. И конечно же, Корлат.

Когда конь Скворца приблизился к гребню, все молчали. Затем Дуджек кивнул и про-рычал:

– Корлат описала то, что нашли разведчики. Есть что добавить?

Скворец бросил взгляд на тисте анди, но её лицо ничего не выражало. Он покачал головой.

– Нет, Первый Кулак. Кажется, Корлат и её сородичи знают больше об этих к'чейн че'маллях, чем кто-либо из нас. Внизу лежат только рассыпанные кости, какие-то клинки и броня. Я сам не опознал их. Разведчики рхиви считают, что они были нежитью...

– Нам всем повезло, – пробормотал Каллор, – что в делах этих существ я не столь невежествен, как все вы, за исключением Корлат. Я чувствую себя необычайно... разговорчивым. Итак. Остатки цивилизации к'чейн че'маллей можно обнаружить практически на каждом континенте этого мира. В самом деле, даже в местах, где лежала моя старая империя, Якуруку, их странные механизмы заполняли все ямы и провалы в земле. И где бы мои подданные ни начали копать землю, всюду они находили подобные конструкторы. Более того, – находили курганы. Учёные мужи тщательно исследовали их содержимое. Хотите услышать их заключение или уже заскучили?

– Продолжай, – процедил Каладан.

– Хорошо. Возможно, вы более мудры, чем я думал. Судя по всему, эти твари – рептилии – были способны развивать у своего вида специфические таланты. Те, кого тисте анди зовёт охотниками К'елль, к примеру, были рождены воинами. Внизу, в долине, лежат останки таких неупокоенных охотников, понимаете? Вместо рук у них были клинки, каким-то образом сплавленные с самими костями в локтевом суставе. К'чейн че'малли были матриархальными, род вели по материнской линии. Как у пчелиного роя есть матка, так было и у этих тварей. Мать порождает рой, она прародительница каждого чада. И в этой Матроне содержалась чародейская сила всей семьи. По мощи они превосходили богов наших дней. Их силы хватило бы, чтобы не допустить Старших богов в наш мир, и если бы к'чейн че'малли не выбрали путь самоуничтожения, они бы, бесспорно, правили и по сей день.

– Самоуничтожение, – сказала Корлат, сверля глазами Каллора. – Интересная деталь. Можешь объяснить?

– Конечно. Среди найденных записей, как только язык расшифровали... это само по себе достойно длинного монолога, но видя, как вы все ёрзаете в сёдлах, словно малые дети, я сокращу рассказ. Так вот, из найденных записей стало известно, что Матроны – каждая управляла эквивалентом современного города – собрались, чтобы объединить свои разъединённые амбиции. Что они искали за гранью обширного могущества, которым уже обладали, не совсем ясно. С другой стороны, когда правят амбиции, разве нужен смысл? Достаточно сказать, что древний выводок, более примитивная версия самих к'чейн че'маллей, был... воскрешён, возвращён из небытия Матронами. Не придумав более удачного имени, мои учёные временно прозвали их «короткохвостыми».

Скворец, следивший за Корлат, был единственным, кто увидел, как она напряглась при этих словах. Было слышно, как Серебряная Лиса и Крупп взбираются обратно на склон.

– По той простой причине, – продолжил Каллор свой сухой монолог, – что их физически отличало от других к'чейн че'маллей: вместо обычного, длинного и конического хвоста, у них был короткий. Это делало их не такими быстрыми, более прямоходящими, более приспособленными к тем миру и цивилизации, к которым они изначально принадлежали. Увы, эти новые дети были не столь послушны, как Матроны привыкли ожидать от потомства, – точнее, короткохвостые отказались делиться своими магическими способностями с матерями. В результате началась гражданская война и было использовано чародейство, грозившее разрушить весь мир. Чтобы понять отчаяние, воцарившееся среди Матрон, нужно просто отправиться на юг этого континента, в место, именуемое Морн.

– Разрыв, – прошептала Корлат, кивая.

Улыбка Каллора была безрадостной.

– Она стремилась собрать силу самих врат, но не просто обычных врат Пути. О нет, она решила распахнуть портал, ведущий в царство Хаоса. Какое высокомерие – думать, будто она может контролировать, – будто может *установить порядок* — там. – Он замолчал, словно переосмысливая собственные слова, и засмеялся. – О, есть в этой истории горький урок или даже парочка. Как по-вашему?

Каладан Бруд проворчал:

– Давай вернёмся к настоящему, ладно? В долине под нами восставшие из мёртвых охотники К'елль. И вот вопрос: что они тут делают?

– Их использовали.

Все уставились на Серебряную Лису, которая стояла перед своей лошадьё с поводьями в руках.

– Не нравится мне, как это звучит, – прорычал Дуджек.

– Использовал, – повторила Серебряная Лиса, – Паннионский Провидец.

– Невозможно, – вмешался Каллор. – Только Мартиархиня к'чейн че'маллей способна управлять охотниками К'елль, даже *когда они нежить*.

– Это значит, – сказала Корлат, – что у нас не один враг.

– У Паннионского Провидца есть союзник? – Дуджек опёрся на седло и сплюнул. – Но не было даже намёка...

– Тем не менее, – вмешалась Серебряная Лиса, – доказательство лежит перед нами, в долине под этим холмом.

– Матрона не может размножаться без семени живого самца, – сказал Каллор. – Таким образом, с каждым уничтоженным охотником К'елль у нас остаётся на одного врага меньше.

Бруд обернулся, его глаза напоминали тоненькие щёлочки.

– Какое откровение.

Каллор пожал плечами.

– Перед нами, – продолжил Воевода, – ещё одна истина. Судя по уничтоженным охотникам К'елль, кто-то делает это за нас.

Воцарилась тишина. Затем все воззрились на Серебряную Лису.

Она улыбнулась.

– Я ведь какое-то время назад говорила, что вам всем понадобится помощь.

Каллор прорычал:

– Т'лан имассы! А ну-ка скажи нам, сучка, какое отношение они имеют к к'чейн че'маллям? Разве не *яггуты* их извечные враги? Зачем обременять твоих восставших из мёртвых спутников новыми? *Почему ты и т'лан имассы вступили в эту войну, женищина?*

– Мы не вступили в войну, – ответила Серебряная Лиса, опустив тяжёлые веки. Она стояла, как стояла бы Рваная Снасть, сложив руки на складках своего живота, её тело казалось твёрдым, хотя даже под туникой из оленьей кожи выделялись пышные формы.

О, знаю я этот взгляд. Ловкость рук. Теперь поаккуратнее...

– Значит, – начал медленно и неуверенно хмурый Бруд, – ты отрицаешь, что твои т'лан имассы ответственны за уничтожение охотников К'елль?

– Никто из вас не задумывался, – сказала Серебряная Лиса, глядя на каждого, – почему т'лан имассы вовевали с яггутами?

– Возможно, – сказал Дуджек, – объяснение поможет нам понять.

Серебряная Лиса быстро кивнула.

– Когда первые имассы появились, они были вынуждены жить в тени яггутов. Их терпели, не обращали на них внимания, – но лишь пока имассов было мало, пока их было легко контролировать. Их выселяли на самые бедные земли. Затем среди яггутов возникли Тираны, которые получали удовольствие, захватывая имассов в рабство и заставляя владеть кошмарное существование, – последующие поколения рождались в рабстве и не знали другой жизни, не знали свободы. Урок оказался тяжёлым, его было сложно усвоить, но правда была такова: в мире существовали разумные создания, которые эксплуатировали достоинства других. Их сострадание, любовь, веру в семью и род. Эксплуатировали и осмеивали. Как много имасских племён узнали, что их боги на самом деле были яггутскими Тиранами? Скрывшими лица за дружескими масками. Тиранами, которые манипулировали имассами, сделав своим оружием веру. Восстание было неизбежным, и для имассов оно было разру-

шительным. Слабые, неуверенные даже в том, чего ищут, или в том, что свобода даст им, когда они её обретут... Но мы не сдавались. Мы не могли.

Каллор усмехнулся.

– Среди яггутов было не больше горстки Тиранов, женщина.

– Горстки было слишком много – и да, мы нашли союзников среди яггутов – тех, для кого действия Тиранов были достойны порицания. Но шрамы остались. Шрамы, нанесённые излишним доверием и предательством. Мы могли верить только своему виду. Во имя ещё не рождённых поколений всем яггutam следовало умереть. Ни один не должен был выжить, чтобы родить новых детей, чтобы среди них выросли новые Тираны.

– И как, – спросила Корлат, – это связано с к'чейн че'маллями?

– До того как миром правили яггуы, им правили к'чейн че'малли. Первый яггут был для к'чейн че'маллей, как первый имасс для яггутов. – Она прервалась, обвела тяжёлым взглядом слушателей. – У каждого вида есть семья превосходства. Наша война с яггутами уничтожила нас как живой народ, как живую и развивающуюся культуру. Это была цена, которую *мы* заплатили, чтобы обеспечить свободу, которой сейчас обладаете *вы*. Наша вечная жертва. – Она снова замолчала, затем продолжила, но уже твёрже: – А теперь я спрашиваю вас. Всех, кто взял на себя ответственность вести войну с тиранической, всепоглощающей империей, рискуя принести себя в жертву ради людей, которые ничего не знают о вас, и земель, на которые никогда не ступала и не ступит ваша нога, – я спрашиваю, что такого в нас, в т'лан имассах, чего вы до сих пор не можете понять? Уничтожить Паннионский Домин. Вот что следует сделать. Меня, моих т'лан имассов ждёт иная задача – уничтожить угрозу, которая таится за Паннионским Провидцем, угрозу, имя которой к'чейн че'малли.

Она медленно поглядела в их лица.

– Матрона жива. Из плоти и крови. Если она найдёт мужчину своего вида, из плоти и крови... тирания яггутов будет ничем по сравнению с тиранией к'чейн че'маллей. Так что это будет *нашей* жертвой.

Лишь ветер звучал в тишине, последовавшей за её словами.

Потом Каладан Бруд повернулся к Каллору.

– И ты находишь эту женщину мерзкой?

– Она лжёт, – прохрипел тот в ответ. – Вся эта война бессмысленна. Не более чем обманный манёвр.

– Манёвр? – повторил недоверчиво Дуджек. – И чей же?

Каллор клацнул зубами, закрыл рот и ничего не ответил.

Харадас из Тригалльской торговой гильдии откашлялась:

– В этом может быть доля истины. Не в том, что женщина Серебряная Лиса лжёт – я верю в искренность её слов до тех пор, пока она говорит без принуждения. Я имею в виду обманный манёвр. Подумайте о заражении Путей. Очевидно, зараза исходит из Паннионского Домина, и, очевидно, она проистекает от Пути Хаоса. Если всё это очевидно, напрашивается вопрос: зачем Матроне к'чейн че'маллей, которая хранит в себе огромный источник чародейской мощи, стремиться уничтожить врата собственной силы? Если она присутствовала при уничтожении Морна, – тогда, когда был создан Разлом, – зачем ей опять пытаться *обуздать* Хаос? Амбиции? Возможно. Но глупость? В это сложно поверить.

Скворец ещё не до конца осознал важность её слов, но вслед за ними нахлынуло понимание иного. *И в самом деле, есть другой враг, и судя по лицам, для всех, кроме Дуджека и меня самого, это откровение не такой уж сюрприз. Правда, мы уловили намёк, но не смогли найти связь. Бруд, Корлат, Каллор – боги, даже Крупн и Артантос! В следующий раз, когда будем играть в кости, лучше мне избегать каждого из них!* Скворец снова взглянул на Серебряную Лису, которая встретила его сонным, понимающим взглядом.

Нет, во второй раз это не сработает.

– Серебряная Лиса, – проворчал он, – ты рассказала историю, чтобы вызвать сочувствие в наших сердцах, но мне кажется, что твои усилия были направлены не туда. В итоге ты сама разрушаешь всё, чего хотела достичь. Если есть скрытая угроза, *третья* сторона, которая ловко манипулирует и нами, и Паннионским Провидцем... вы с т'лан имассами направите своё внимание на неё?

– Нет.

– Почему?

Его удивило то, что её обычно спокойный взгляд дрогнул и женщина быстро опустила глаза, прошептав в ответ:

– Потому, Скворец, что ты хочешь от нас слишком многого.

Все молчали.

Скворца охватил ужас. Он повернулся к Дуджеку и встретился с ним взглядом, увидев в лице старика отражение собственного нарастающего страха. *Боги, мы идём навстречу своей смерти. Скрытый враг – но мы знали о нём уже давно, знали, что рано или поздно он проявит себя, враг, который, Бездна его побери, заставляет самих т'лан имассов испытывать ужас...*

– Какая ошутимая ужастрофа! – воскликнул Крупп. – Ужастрофа? Есть ли такое слово? Если нет, то среди бесчисленных талантов Круппа стоит отметить ещё и лингвистическую изобретательность! Друзья! Внимание! Знайте! Слушайте! Мужайтесь, все вы, зная, что Крупп твёрдо встал обеими ногами, мощной грудью на пути указанного – но ещё неназванного – грозного врага всего живого! Спите ночью спокойно, зная это. Сладко дремлите, как младенец у матери на руках, как все вы когда-то спали. Даже Каллор, хотя такая картина, признаться, вызывает потрясение и растерянность...

– Бездна тебя побери! – прорычал Каладан Бруд. – Что, во имя Худа, ты несёшь, маленький человечиска? Хочешь сказать, ты сумеешь встать на пути *Увечного Бога*? Безумец! А если нет, – он понизил голос и спрыгнул с коня, – немедленно докажи свою силу.

Он уверенно шёл в сторону Круппа, положив одну руку на обмотанную кожей рукоять своего молота. – Тяжесть моего гнева предсказать не берусь.

– Я бы не делала этого на твоём месте, Бруд, – прошептала Серебряная Лиса.

Военачальник обернулся к ней, стиснув зубы.

– Теперь ты защищаешь эту невежественную толстую жабу?

Она посмотрела на даруджийца.

– Крупп, ты просил меня об этом?

– Абсурд! Без обид, моя дорогая, но это возмутительное допущение, убедительно утверждает Крупп!

Скворец, не веря своим глазам, смотрел, как толстый маленький человечек в своей испачканной едой и выпивкой одежде слез с седла и встал так прямо, как мог, уставившись маленькими сверкающими глазками на Каладана Бруда.

– Ты смеешь угрожать Круппу из Даруджистана? Требуешь объяснений, не так ли? Поглаживаешь свой молот, да? Обнажаешь этот толст...

– Молчать! – заорал военачальник, пытаясь сдержать ярость.

Боги, да чего же добивается Крупп?

– Крупп презрительно отвергает все и всяческие угрозы! Крупп глумится над любой показухой, какую только собирается затеять ошестинившийся Воевода...

Молот неожиданно оказался в руках Бруда и, превратившись в нечёткое пятно, просвистел в воздухе дугой, врезавшись в землю у ног Круппа.

Взрыв разбросал лошадей, так что Скворец и все остальные взлетели в воздух. Земля словно подскочила, чтобы встретить малазанского командира ударом каменного кулака, затем он покатился вниз по усыпанному валунами склону.

Сверху ржали лошади. Горячий ветер возносил в небо столбы пыли и земли. Насыпь камней под Сквиорцом двигалась, текла вниз по склону в долину, всё время ускоряясь, с треском и рёвом. Камни бились о его броню, оглушительно стучали по шлему. Перед глазами в едком облаке пыли промелькнула линия холмов на другой стороне долины. Казалось бы, невозможно, но они быстро поднимались, почва разрывала травяную шкуру, высвобождая потоки пыли, дыма и каменных осколков. Затем роящаяся пыль поглотила мир вокруг. Над ним с грохотом летели валуны. Некоторые врезались в тело, нанося болезненные удары, от которых Сквиорец задыхался, кашлял и давился, продолжая катиться вниз.

Даже сейчас земля продолжала дрожать под скользкой осыпью. Далёкие взрывы сотрясали воздух, отдаваясь в побитых костях Сквиорца.

Он застыл, наполовину погребённый заживо камнями и щебнем. Моргая пылающими глазами, он увидел перед собой разведчиков рхиви, которые уворачивались и отскакивали от огромных валунов, будто в какой-то странной смертельной игре. За ними чёрная, быстро вспучивавшаяся почва вырастала в новые горы, не прекращая возноситься ввысь, вздымая и перекручивая долину, где сейчас лежал малазанец. Небо окрасилось железно-серым, бьющим из всех щелей дымом.

Побери меня Худ... бедный Крупп... Сквиорец со стоном повернулся настолько, насколько смог. Он был покрыт царапинами и чувствовал, как под измятой бронёй рождаются новые синяки, но, как ни странно, кости были целы. Сквиорец глянул на вершину холма за собой. Осыпь исчезла, оставив отвесный утёс. Большая часть плоской вершины просто пропала, оставив небольшой плоский островок... где Сквиорец увидел, как фигуры зашевелились, поднялись. Лошади карабкались наверх. Было едва слышно отчаянные жалобы мула.

На севере, разрывая долину и далёкие холмы, лежала тонкая, дымящаяся трещина. Расселина, которая казалась бездонной.

Сквиорец, несмотря на мучения, выбрался из-под щебня и медленно выпрямился.

Он увидел Каладана Бруда. Молот неподвижно свисал в его руке... А на своём собственном островке перед военачальником стоял Крупп, счищая пыль с одежды. Трещина, рождённая там, где молот коснулся земли, разошлась вокруг коротенького толстого даруджийца и сошлась сразу за ним.

Сквиорец еле сдержал смех, зная, как отчаянно и грубо он прозвучит. *Значит, теперь мы лицеизрели ярость Бруда. И Крупп, этот нелепый маленький человечек, перед ней устоял. Ну что же, если кому-то нужно было доказательство того, что даруджиец не тот, кем кажется...* Он нахмурился. *Только вот, в самом деле, для кого была эта демонстрация? Хотел бы я знать.*

Крик ужаса разорвал его мысли.

Корлат. Она смотрела на север, скрючившись в странной позе, будто пыталась провалиться сама в себя.

Веселье покинуло Сквиорца. На его глазах разлом наполнился кровью.

Загрязнённая кровь, гнилая кровь, храни нас Беру, Спящая богиня... Огонь спит сном умирающего, отравленного. Это понимание стало самым ужасным открытием дня. *Заражённая... скрытой рукой Вечного Бога...*

Глаза Мхиби распахнулись. Повозку трясло и колотило. Гром сотрясал землю. Со всех сторон раздавались тревожные и испуганные крики рхиви. Внезапный катаклизм заставил её кости и мышцы взвыть, но сама она не закричала. Она хотела только спрятаться.

Грохот стих, вытесняемый отдалёнными воплями бхедеринов и более близкими, тихими шагами её сородичей, пробегающих мимо повозки. В стаде поднималась паника, и давки было не избежать.

И ко всем нам придёт гибель. Но это будет и милосердием. Конец моей боли и кошмарам...

В снах Мхиби снова была молодой, но сны не приносили ей радости. Незнакомцы ходили по лесам, в которых она оказывалась раз за разом. Приближались. Она бежала. Скакала, как снежный кролик. Бежала, бежала, бежала.

Незнакомцы. Мхиби не знала, чего они хотят, но они искали её – это было ясно. Выслеживали, как охотники добычу. Лечь спать для неё означало очнуться измотанной, с дрожащими поджилками и невыносимой болью в груди при каждом вдохе.

Она была спасена из бездны, от тех бесчисленных изорванных душ, затерявшихся в вечном, отчаянном голоде. Спасена драконом. *Чтобы так закончить? Оставить меня в месте, где на меня охотятся, где за мной гонятся без какой-либо причины?*

Время шло, разбавленное только обращёнными к испуганным бхедеринам успокоительными словами пастуха. Всё же не будет никакой давки. Грохот ещё колебал землю, угасая рябью где-то вдалеке.

Мхиби тихо застонала, когда повозку вновь тряхнуло. В этот раз из-за появления двух даруджийцев – Колла и Мурильо.

– Ты проснулась, – заметил советник, – неудивительно.

– Оставьте меня, – сказала она, закутывая своё дрожащее тело в меха и отворачиваясь от мужчин. *Тут так холодно...*

– Догадываешься, что там произошло? – спросил Мурильо у Колла.

– Кажется, Бруд вышел из себя.

– Боги! И кто его вывел? Каллор? Этот ублюдок заслуживает...

– Не Каллор, мой друг, – проворчал Колл. – У тебя есть ещё одна попытка угадать. Думаю, быстро дойдёт.

Мурильо прорычал:

– Крупп.

– Видит Худ, он хоть разок, да испытывал терпение каждого из нас... только никто из нас не способен расколоть мир напополам, поднять к небесам новые горы.

– Думаешь, коротышка доигрался до смерти? Не верю...

– Говорят, даже не поцарапался. Типично. Жаловался на пыль. Никто не ранен, только голову Воеводе чуть не снёс разъярённый мул.

– Мул Круппа? Тот, что спит на ходу?

– О да, именно он.

Спит. И, без сомнения, видит сны о том, что он – конь. Величественный, высокий, свирепый...

– И вправду, очень странный зверь. Никогда не видел такого... внимательного мула. Наблюдает за всем. Королева грёз, это самые странные горы, что мне доводилось видеть!

– О да, Мурильо, они и *вправду* кажутся больше, чем на самом деле. Присмотрись. Хребет такой, что доходит до самого горизонта, но на самом деле отсюда до него меньше, чем пол-лиги. Не пытайся думать об этом, вот мой совет...

Ни о чём не пытайся думать. Ни о горах, ни о мулах, ни о ярости Бруда. Души окружили мою дочь, там, внутри неё. Две женщины и теломен по имени Крушитель Черепов. Две женщины и мужчина, которого я никогда не встречала... но носила его ребёнка. Я – рхиви, молодая, в самом расцвете сил, погрязла в снах, которые стали явью. Однако где в моей дочери я? Где кровь или сердце рхиви?

В ней нет ничего от меня, совсем ничего. Негодный сосуд. Просто сосуд, вот чем я была, сосуд, чтобы выносить и родить в этот мир нечто чуждое.

У неё нет причин навещать меня, видеть меня, брать за руку и пытаться утешить. Я выполнила своё предназначение и уже не нужна. И вот я лежу, как выброшенная вещь. Забытая. Мхиби.

На её плечо нежно положили руку.

Мурильо заговорил:

– Думаю, она опять уснула.

– Это к лучшему, – прошептал Колл.

– Я помню свою молодость, – начал даруджиец тихим, повествовательным тоном.

– Я тоже помню твою молодость, Мурильо.

– Дикая и расточительная...

– Каждый день новая вдова, если мне не изменяет память.

– Я и вправду был как магнит, и знаешь, это не требовало никаких усилий...

– Мы заметили.

Он вздохнул.

– Но те времена миновали. Я постарел и заплатил сполна за дни своей юности...

– Ты хотел сказать «ночи».

– Не важно. Появлялись новые враги. Юная кровь. Марак из Паксто, высокий и ловкий, притягивал взгляды всех, мимо кого проходил. А ещё был Перрил из М'некрае...

– Боги, Мурильо, хватит уже.

– Суть в том, что всё это заняло годы. Целые годы. Приятные. И теперь, ослабев, я могу хотя бы оглядываться назад и вспоминать дни – или, как ты сказал, «ночи» своей славы. Но она, эта несчастная женщина...

– Да, я понимаю тебя. Видел медные украшения, которые она носит? Те, что на запястьях. Их ей привёз Крупп из Даруджистана.

– И что с ними?

– Так вот, о чём я говорил? Обращал ли ты внимание? Странная штука. Они ярче и светлее, когда она спит.

– Разве?

– Клянусь стопкой носовых платков Круппа.

– Как странно.

– А сейчас они какие-то тусклые.

На мгновение воцарилась тишина, и оба присели рядом с Мхиби. После продолжительной паузы рука, лежавшая на её плече, слегка сжала его.

– О, дорогая моя, – прошептал Мурильо, – если бы я мог забрать свои слова назад.

Зачем? Ведь это правда. Слова от чистого сердца, щедрого, несмотря на безответственную молодость. Ты заговорил о моём проклятии. Это ничего не меняет. Стоит ли меня жалеть? Похоже, только когда я сплю. Мне в лицо ты ничего не говоришь и думаешь, будто это доброта. Но это обижает меня, ведь такое поведение больше похоже на безразличие.

А моё молчание? Нежелание отвечать двум добрым людям, которые смотрят на меня прямо сейчас. Какой из моих бесчисленных недостатков оно проявляет?

Твоя жалость, кажется, не сравнится с моей.

Мысли развеялись. Явилась безлесая, охряная пустошь снов. Мхиби пустилась бежать.

Войдя в шатёр, Дуджек швырнул рукавицы об стену, его лицо потемнело от ярости.

Скворец откупорил бочонок с элем и наполнил два кубка, стоявших на маленьком походном столике. Оба были покрыты смешанной с потом пылью.

– Что за сумасшествие? – прохрипел Первый Кулак, он остановился, только чтобы взять один из кубков, затем снова начал расхаживать по шатру.

Стул заскрипел под Скворцом, когда тот вытянул измученные ноги. Он сделал большой плоток эля, вздохнул и сказал:

– Которое из сумасшествий ты имеешь в виду, Дуджек?

– Да уж, список становится слишком длинным. Увечный Бог! Самые омерзительные легенды ходят про этого покалеченного ублюдка...

– «Поэма о Сковывании» за авторством Рыбака Кель Тата...

– Не люблю читать стихи, но видит Худ, я слышал некоторые из уст бардов в тавернах. Фэнеровы яйца, не на эту войну я подписывался.

Скворец пристально посмотрел на Первого Кулака.

– Так не воюй.

Дуджек прекратил вышагивать по шатру, посмотрел в глаза своему помощнику.

– Продолжай, – сказал он спустя несколько секунд.

– Бруд знал, – ответил Скворец и пожал плечами, это движение заставило его поморщиться. *Как и Корлат.* – А раз так, следует считать, что знал и Аномандр Рейк. И Каллор – хотя живой блеск в его глазах мне ой как не понравился. Так вот, два Взошедших и один почти Взошедший. Увечный Бог слишком силён для таких людей как мы с тобой, Первый Кулак. Оставь это им и богам. В конце концов, и Рейк, и Бруд были там, на Сковывании.

– Имеешь в виду, это их проблема?

– Грубо говоря – да.

– Но за их ошибки платим все мы – и, возможно, должны заплатить эту цену, пока не поздно. Я не буду смотреть, как мою армию в этой игре используют, словно мясо, Скворец. Мы отправились в поход, чтобы сокрушить Паннионский Домин – смертную империю, насколько нам известно.

– Но, похоже, что манипулируют обеими сторонами конфликта, Дуджек.

– Это должно меня утешить? – Взгляд Первого Кулака был переполнен яростью, он некоторое время смотрел на Скворца, а после осушил и отставил кубок эля. Скворец вновь наполнил его.

– Не нам жаловаться на манипуляции, – проворчал он. – Верно, мой друг?

Дуджек задумался и хмыкнул.

Верно. Успокойся, Первый Кулак. Думай ясной головой.

– Кроме того, – продолжил Скворец, – я верю.

– Во что? – огрызнулся военачальник. – В кого? Скажи уж, пожалуйста!

– В одного коротенького, толстого, возмутительного человечка...

– В Круппа?! Ты свихнулся?

Скворец улыбнулся.

– Друг мой, посмотри, как в тебе клокочет злоба. Ты в ярости от ощущения того, что тобой манипулируют. Что тебя используют и скорее всего предадут. Теперь представь, как Взошедший вроде Каладана Бруда будет чувствовать себя, понимая, что *им* манипулируют? Достаточно ярости, чтобы потерять самообладание? Чтобы схватить молот и попытаться уничтожить этого маленького и помпезного кукловода.

Дуджек долгое время стоял на месте, затем на его лице появилась ухмылка.

– Иными словами, *он* воспринял Круппа всерьёз.

– Даруджистан, – сказал Скворец, – наша величайшая неудача. Теперь у меня появилось ощущение, что кто-то дирижировал всем происходившим. Не Аномандр Рейк. Не Ложа. Не Воркан и её убийцы. Кто-то другой. Кто-то, так хитро затаившийся, столь ужасающе... способный... что мы были просто беспомощны, откровенно беспомощны.

– А теперь, на переговорах, мы выяснили, кто стоит за перерождением Рваной Снасти. Перерождением как Серебряной Лисы – ребёнка рхивийской женщины, зачатого и рождённого на неведомом Пути. Нити сплелись – Ночная Стужа, Беллурдан и сама Рваная Снасть.

А теперь оказывается: ещё и Старший бог, вернувшийся в мир живых. И в конце концов, что примечательнее всего, т'лан имассы. Значит, – Рваная Снасть, Беллурдан и Ночная Стужа – все из Малазанской империи, переродились в женщине рхивийской крови из армии *Бруда*... в преддверии переговоров о заключении великого союза... Какой же убедительной, Худ меня побери, должна быть эта девчонка, чтобы примирить и объединить эти лагерь...

– За вычетом Каллора, – отметил Дуджек.

Скворец медленно кивнул.

– И вот, Каллору наглядно напомнили о силе Бруда. Будем надеяться, представление было достаточно эффектным, чтобы удержать его в узде...

– Так вот для чего это было нужно?

– Возможно. Он ведь требовал демонстрации, разве нет? Крупп просто умело манипулирует обстоятельствами. Как-то. Я не верю, что мы обречены танцевать под его дудку. За даруджийцем стоит Старший бог, но даже между ними, как мне кажется, лежит взаимовыгодный союз... почти как между равными. Можешь называть это партнёрством. Это всё лишь мои догадки, конечно, но вот что я тебе скажу: мною и раньше манипулировали, как и тобой. Только на сей раз всё ощущается по-другому. Не так враждебно. Дуджек, я чувствую в этом что-то вроде сопереживания.

– Союз равных, – пробормотал Первый Кулак и покачал головой. – И кто же тогда Крупп? Замаскированный бог? Всемогущий чародей? Архимаг?

Скворец пожал плечами.

– Мне кажется, Крупп – обычный смертный. Но одарённый уникальным разумом и необычайной отвагой. И я говорю абсолютно буквально. Уникальным, Дуджек. Если бы Старшего бога внезапно выкинуло в этот мир, разве не среди величайших умов он стал бы искать первых союзников?

Лицо Дуджека светилось недоверчивым удивлением.

– Но, Скворец... мы говорим о *Круппе*!

– О Круппе, благодаря которому нас снабжает Тригалльская торговая гильдия – единственные торговцы, способные поставлять припасы по маршруту, который мы выбрали для похода. О Круппе, который привёз Мхиби сохранившиеся вещи первой рхиви – те вещи, что уменьшают её боль и, сдаётся мне, ещё не показали всю свою силу. О Круппе – единственном, с кем говорит Серебряная Лиса с тех самых пор, как Паран покинул нас. И наконец, о Круппе, который встал на пути Увечного Бога.

– Если он просто смертный, как он сумел пережить гнев Бруда?

– Ну, подозреваю, что его союзник – Старший бог – не хотел бы видеть смерть даруджийца. Думаю, он вмешался. Только так я могу это объяснить.

Дуджек осушил свой кубок.

– Вот Бездна! – вздохнул он. – Ладно. Не будем обращать внимания на Увечного Бога так долго, как сможем. Сосредоточимся на Панныонском Домине. Тем не менее, мой друг, мне это не нравится. Я не могу перестать волноваться о том, что мы совсем не принимаем в расчёт нового врага...

– Я бы так не сказал, Первый Кулак.

Дуджек острым взглядом окинул шатёр и скривился.

– Быстрый Бен.

Скворец медленно кивнул.

– Я так думаю. Не уверен. Худов дух, я даже не уверен, жив ли он ещё. Но если я знаю Бена – он жив. Ещё как жив. И если учесть, что при нашей последней встрече он был сам не свой, я бы сказал: Бен не тешит себя иллюзиями и уж точно не прозябает в неведении.

– И он – всё, что у нас есть, чтобы перехитрить Увечного Бога?

– Первый Кулак, если Крупп – гениальнейший из жителей этого мира, то Быстрый Бен всего на шаг позади него. На очень коротенький шаг.

Снаружи послышались крики, затем топот сапог. Мгновение спустя, отодвинув заслонку, вошёл знаменосец Артантос.

– Сэр, был замечен одинокий морант. Летел на северо-восток. Это Вывих.

Скворец, кряхтя от боли во всем теле, встал.

– Королева грёз, сейчас мы узнаем новости.

– Будем надеяться, это хорошие вести, – пробурчал Дуджек. – Мне бы такие не помешали.

Она прижималась лицом к камню, лишайник под щекой становился всё мягче, напитываясь потом. Сердце дико колотилось, дыхание рывками выплёскивалось из груди, она лежала и постанывала – слишком вымотанная, чтобы бежать. Вымотанная настолько, что даже поднять голову не могла.

По тундре её снов бродили новые враги. На этот раз за ней гнался не отряд незнакомцев.

Теперь её гнали волки. Огромные, тощие звери, куда крупнее тех, кого ей доводилось видеть наяву. Их бегущие силуэты прорезались на гребне холма к северу от неё. Восемь длинноногих, сутулых хищников, шкура сливается с неброскими цветами пейзажа. Вожак повернулся, будто уловил её запах в порыве сухого, холодного ветра.

И началась погоня.

Поначалу Мхиби не могла нарадоваться быстроте своих гибких и молодых ног. Стремительная, как антилопа, – быстрее, чем всякий смертный человек – она мчалась по пустоши.

Волки не отставали, без устали заходили со всех сторон, иногда то один зверь, то другой быстро вырывался вперёд, заставляя её поворачивать.

Снова и снова, вопреки решению оставаться между холмами, на равнине, звери заставляли её бежать вверх по склону. Мхиби начала уставать.

Волки не отставали. В мыслях, среди нарастающей боли в ногах, пламени в груди и сухой и острой агонии гортани, появилось осознание того, что убежать невозможно. Осознание того, что она сейчас умрёт. Будет уничтожена, как и любое другое существо, ставшее жертвой волчьего голода.

Мхиби знала: для них океан её разума, избитый сейчас бешеной бурей паники и отчаяния, ничего не значил. Они были охотниками. И переживания жертвы их мало волновали. Антилопа, телёнок бхедерина, ранаг, изящество и чудо, надежды и упования – всё превращается в обычное мясо.

Последний и единственный правдивый урок жизни, скрытый под слоями заблуждений. Теперь она поняла. Рано или поздно, так или иначе – все мы просто еда. Волки или черви, преждевременная кончина или затянувшаяся, всё равно.

Стонущая, полуослепшая, она заползла на очередной склон. Волки были близко. Она слышала, как их когти скребут по высушенным ветрами лишайнику и мху. Справа, слева, сзади и слегка впереди.

Завопив, Мхиби споткнулась и упала лицом на камень. Она зажмурилась в ожидании первого взрыва боли от того, что в её плоть вонзаются клыки.

Волки окружили её. Она это слышала. Кружа по спирали, они подходили всё ближе и ближе. Горячее дыхание коснулось её затылка.

Мхиби закричала.

И проснулась. Над ней в темнеющем синем небе пролетал ястреб. Клубилась пыль, поднятая стадами. В воздухе звенели отдалённые голоса, а ближе – только рваный, хриплый звук собственного дыхания.

Повозка остановилась. Армия готовилась к ночному привалу.

Она лежала неподвижно, скорчившись под мехами и шкурами. Пара голосов бормотала неподалёку. Она почуяла запах костра, который развели из навозных лепёшек. Пахло травами и мясным бульоном, шалфеем и нотками козьего мяса. Появился третий голос, его приветствовали первые два – все необычайно нечёткие, такие, что она не могла опознать говоривших. *И это не стоит усилий. Мои надсмотрщики. Мои тюремщики.*

Повозка заскрипела, кто-то присел рядом.

– Сон не должен так тебя выматывать.

– Не должен, Корлат. Пожалуйста, оставь меня...

– Нет. Вот, Колл сварил похлёбку.

– У меня уже не осталось зубов, способных прожевать мясо.

– Тут пару тоненьких кусков мяса, которые очень легко проглотить. А в основном – бульон.

– Я не голодна.

– И тем не менее. Помочь тебе есть?

– Худ тебя побери, Корлат. Тебя и всех остальных.

– Давай я помогу тебе.

– Твои добрые намерения убивают меня. Нет, не убивают. Просто, разве это не... – Она заворчала, пытаясь вырваться из рук Корлат, но тисте анди без особых усилий приподняла Мхиби и усадила. – ... разве не пытка надо мной. Твоё сострадание. Именно это. Нет, не смотри на мое лицо, Корлат. – Она надвинула поглубже капюшон. – Не хочу видеть жалость в твоих глазах. Где миска? Я поем. Оставь меня.

– Я побуду с тобой, Мхиби, – ответила Корлат. – Я принесла пару мисок.

Рхиви уставилась на свои костлявые морщинистые руки и сжатую между ними миску, в которой посреди бульона плавали кусочки вымоченного в вине мяса.

– Ты видишь это? Мясник этой козы. Убийца этой козы. Задумался ли он, когда она отчаянно орала? Остановился ли? Смотрел ли ей в глаза? Сомневался, держа в руках нож? В своих снах я – как эта коза. Вот на это ты меня обрекла.

– Убийца этой козы из рхиви, – сказала после паузы Корлат. – И мы обе хорошо знаем ритуал, Мхиби. Умиротворение. Взывают к милосердным духам, чье обьятие неизбежно. Мы обе знаем, что духи снисходят на козу или любое другое животное, тело которой будет кормить ваш народ, в кожи которой вы будете одеты. И поэтому животное не вопит и не молит о пощаде. Я видела... и поражалась сему воистину невероятному ритуалу. Подобный есть только у рхиви – не в своём намерении, а в очевидной эффективности. Будто бы приходящие на зов духи являют светлое будущее, что-то лучшее, чем жизнь до этого...

– Ложь, – пробормотала Мхиби. – Духи обманывают бедную тварь, чтобы её было проще убить.

Корлат промолчала.

Мхиби поднесла миску с похлёбкой к губам.

– Возможно, но даже так, – продолжила тисте анди, – обман – это дар милосердия.

– Нет такой вещи, – отрезала Мхиби. – Лишь слова, чтобы успокоить убийцу и его род. И ничего более. Мёртвый значит мёртвый, как говорят «Мостожоги». Эти солдаты знают правду. Дети Малазанской империи не тешат себя иллюзиями. Их не так просто водить за нос.

– Ты говоришь так, будто многое о них знаешь.

– Периодически заходят двое солдат. Они поклялись защищать мою дочь. И рассказывать мне о ней, раз уж больше никто не удосуживается, – и я им за это благодарна.

– Я не знала...

– Это тебя тревожит? Думаешь, мне открыли какие-то ужасающие тайны? Запретишь им приходить?

Корлат положила ей руку на плечо.

– Хотела бы я, чтобы ты могла смотреть мне в лицо, Мхиби. Я не собираюсь ничего запрещать. И я не знаю, хранят ли от тебя какие-то страшные секреты. На самом деле теперь я хочу найти этих двух солдат и отблагодарить их.

– Оставь их в покое, Корлат. Они не просили о благодарности. Они обычные солдаты, две женщины из империи. Благодаря им я знаю, что Крупп временами навещает Серебряную Лису. Должно быть, прижился в роли доброго дяди. Такой странный человек, покоряющий даже вопреки ужасному проклятию, которое он на меня наложил.

– Проклятию? Ох, Мхиби, из всех, кого я видела, Крупп меньше всего похож на человека, способного кого-то проклясть. По-моему, он вряд ли мог даже предположить, что с тобой сделает перерождение Рваной Снасти.

– Твоя правда. Я понимаю это. Его призвал Старший бог, который либо захотел вмешаться, либо уже был замешан. Было создано «чудовище», как прозвал её Каллор, – и он оказался в чём-то прав. Высохший труп Ночной Стужи, запертая внутри душа Рваной Снасти – и всё это сплетено вместе т'лан имасским колдовством. Кошмарное создание. Старший бог собирался уберечь её, и для этого зачем-то ему понадобился Крупп. Вот почему даруджиец сделал всё, что мог, веря, что это милосердие. Но не дай себя обмануть, Корлат. Крупп и его Старший бог решили *использовать* дитя в своих целях. Это вышло случайно или они намеревались поступить так с самого начала? Разве это сейчас важно? И вот, Крупп теперь стал спутником Серебряной Лисы. Они сговорились. Я же не слепая...

– Сговорились? Против кого, Мхиби?

– Сложно поверить, что ты не знаешь.

– Очевидно, ты решила, будто все мы сговорились... против тебя.

– А разве нет? – Собрав крохи оставшихся сил, Мхиби отшвырнула миску прочь, услышала сначала всплеск, потом стук – и удивлённый вскрик Мурильо, который, похоже, оказался у неё на пути. – Охраняете меня! – прошипела Мхиби. – Кормите. Следите, чтобы я не наложила на себя руки! И это не *сговор*? А моя дочь, *моя родная дочь*, приходит ли она? Навещает ли? Нет! Когда в последний раз я видела её лицо? *Когда*? Я едва ли могу вспомнить!

Корлат положила руку ей на плечо. Её голос звучал тихо, но напряжённо:

– Я услышала тебя. Я докопаюсь до истины. И когда узнаю, я тебе расскажу. Даю слово, Мхиби.

– Тогда расскажи мне, что произошло? Сегодня днём. Я ощутила... нечто. Событие. Колл и Мурильо обсуждали ссору между Круппом и Брудом. Скажи, Серебряная Лиса была в этом замешана?

– Она была там, – ответила Корлат. – Присоединилась ко мне, когда я отправилась на зов Скворца. Я буду с тобой честна, Мхиби. Что-то действительно произошло, перед стычкой между Брудом и Круппом. Твоя дочь нашла себе... защитников, но она не посылает их защищать себя. По какой-то причине она уверена, что ты теперь в опасности. Я не знаю, в какой.

А я знаю. О, Корлат, доброта ослепила тебя. Я в опасности, да. Но источник этой опасности – я сама.

– Защитников? Кого? Что?

Корлат сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

– Серебряная Лиса просила меня ничего тебе не говорить о них. Я не поняла почему, но согласилась. Теперь я понимаю, что это было неправильно. Неправильно по отношению к тебе, Мхиби. Это заговор, частью которого я не желаю быть. Защитники твоей дочери – волки. Древние, гигантские звери...

Ужас охватил Мхиби. Зарывав, она потянула руки к лицу Корлат, раздирая её кожу ногтями.

– Охотники! – закричала она, когда тисте анди отшатнулась прочь. – Они хотят убить меня! Моя дочь... *Моя дочь! Она преследует меня во снах! О духи, она хочет убить меня!*

С тревожными криками Колл и Мурильо запрыгнули в повозку, но Корлат шипящим шёпотом приказала им успокоиться. Мхиби не замечала их. Она не замечала окружающий мир. Она содрогалась, царапая ногтями воздух, а её грудь пылала жгучей изменой, испепелившей сердце. *Моя дочь! Моя дочь!*

И мой голос дрожит.

И глаза мои молят.

А в её руках нож, а во взгляде лишь холод, холодная решимость.

Ухмылка сползла с лица Скворца, когда, повернувшись навстречу Корлат, чтобы взглянуть в её глаза цвета раскалённого серебра, он увидел четыре параллельных царапины на её правой щеке. Раны ещё сочились кровью, которая стекала по подбородку и капала на устланный камышом пол.

Малазанец чуть не сделал шаг назад, когда тисте анди двинулась к нему.

– Корлат, что произошло?

– Услышь мои слова, любовник, – ледяным тоном проговорила Корлат. – Какие бы секреты ты ни утаил от меня про перерождение Рваной Снасти, про этих проклятых т'лан айев и про то, что ты велел сказать Мхиби тем двум солдатам, охраняющим ребёнка, ты откроешь их мне. Сейчас.

По его телу пробежал мороз, черты лица исказились под напором её ярости.

– Велел? – спросил он тихо. – Я не отдавал никаких приказов. Даже защищать Серебряную Лису. Всё, что они сделали, сделано по их воле. Не знаю, что они могли рассказать и что привело к такому, но беру ответственность на себя как их командир. И я уверяю тебя, если нужно их наказать...

– Остановись. Подожди, пожалуйста. – Корлат что-то поняла и теперь дрожала.

Скворец хотел было обнять её, но передумал. Корлат нужно было утешить, он чувствовал это, но инстинкты говорили, что она не готова принять утешение. Малазанец осмотрелся, нашёл относительно чистый платок, смочил его в миске с водой и протянул тисте анди.

Корлат молча смотрела на него, её глаза приобретали синевато-серый оттенок, но взять платок она даже не попыталась.

Скворец медленно отпустил руку.

– Почему? – спросила Корлат. – Почему Серебряная Лиса настаивала, чтобы её мать не знала про т'лан айев?

– Не имею ни малейшего понятия, кроме того, что она сказала тогда. До этого момента я думал, что ты знаешь, Корлат.

– Ты думал, я знаю.

Он кивнул головой.

– Ты думал, у меня от тебя... секрет. Что-то связанное с Серебряной Лисой и её матерью...

Скворец пожал плечами.

– Ты собирался обвинить меня?

– Нет.

Она смотрела на него широко распахнутыми глазами. Повисла тишина.

– Худа ради, промой мои раны.

С величайшим облегчением он подступил ближе и нежнейшими касаниями начал промакивать царапины.

– Кто тебя ударил? – тихо спросил он.

– Мхиби. Я, кажется, из лучших побуждений совершила ужасную ошибку.

– С добрыми намерениями это часто происходит, – прошептал он.

Корлат пытливо прищурилась.

– Прагматичные малазанцы. Всегда с незатуманенным взглядом. Почему мы всегда думаем о вас только как о солдатах? Бруд, Рейк, Каллор... я, мы все смотрим на тебя, Дуджека и вашу армию как на что-то... вспомогательное. Меч, который мы надеемся взять в свои руки при любой нужде. Теперь кажется, что мы все дураки. На самом деле никто из нас так и не понял истинного положения вещей.

Он нахмурился.

– И каково истинное положение вещей?

– Вы стали нашим хребтом. Каким-то образом именно вы даёте нам силы, держите нас всех вместе. Я знаю, Скворец, что у тебя есть секреты...

Он криво улыбнулся.

– Не так много, как ты думаешь. Хочешь, расскажу тебе самый большой? Вот он: мы чувствуем себя слабыми. Слабее Рейка, Каладана Бруда, Каллора... тебя. Армии тисте анди, рхиви и баргастов. Худ, даже толпа наёмников, сопровождающая вас, заставляет нас нервничать. У нас нет вашей силы. Мы просто армия. У нашего лучшего мага нет даже звания. Он просто взводный чародей, но и он сейчас очень далеко и чувствует себя, я подозреваю, как муха в паутине. Что касается битв, мы знаем, что будем наконецником копья, и это обойдётся нам очень дорого. Что касается самого Провидца и всего, что стоит за ним, – ну, тут мы надеемся на то, что вы разберётесь. И с Увечным Богом. Ты права, Корлат, мы просто солдаты. Уставшие солдаты. И если мы хребет объединённой армии, то помоги нам Худ, потому, этот хребет кривой и хрупкий.

Она потянулась и положила руку на его ладонь, прижав её к своей щеке. Их взгляды встретились.

– Хрупкий и кривой? Я так не думаю.

Скворец покачал головой.

– Я не скромничаю, Корлат. Я говорю правду, хотя и опасюсь того, что ты не готова её услышать.

– Серебряная Лиса манипулирует своей матерью, – сказала тисте анди спустя некоторое время. – Каким-то образом. Возможно, она ответственна даже за ужасные кошмары старухи.

– Мне сложно с этим согласиться...

– Рваная Снасть не поступила бы так, да? А что насчёт Ночной Стужи? Или теломена? Ты знал их, Скворец. По крайней мере, лучше, чем кто-либо из нас. Есть ли вероятность того, что кто-то из них в ответе за это?

Тот ничего не ответил, продолжая обрабатывать раны на её щеке.

– Потребуется целитель, Корлат. Иначе инфекция мо...

– Скворец.

Он тяжело вздохнул и сделал шаг назад.

– Ночная Стужа. Боюсь, она может хранить память о предательстве. Она может без разбора выбирать цели для своей мести. Так же, как и Беллурдан Сокрушитель Черепов. Их обоих предали. Если ты права в том, что происходит с Мхиби, – если они что-то делают с ней, – то я по-прежнему думаю, что Рваная Снасть сопротивляется им.

– А если она уже проиграла борьбу?

– Я не видел никаких признаков...

Глаза Корлат засверкали, и она ткнула пальцем ему в грудь.

– Ты имеешь в виду, что два твоих солдата не докладывали о каких-либо признаках!

Он скривился.

– Тем не менее, они вызвались добровольцами, Корлат. Учитывая, как мало мы знаем в этом плане, стоит быть осмотрительным. Эти два солдата вызвались защищать Серебряную Лису, поскольку видели в ней Рваную Снасть. Не только физическое сходство, но и характер. Если бы что-то изменилось, они бы заметили и сразу доложили мне.

Корлат опустила голову и тяжело вздохнула.

– И тут ворвалась я, желая оторвать тебе голову. Проклятье, Скворец, чем я тебя заслужила? И, Бездна меня побери, почему ты ещё тут? После всех моих обвинений...

– Пару часов назад у нас с Дуджеком была аналогичная ситуация, – ухмыльнулся он. – Наверное, этот день не задался. А теперь давай позовём целителя...

– Позже, – сказала она, осматривая его, – Скворец. Ты ведь даже не представляешь, насколько ты уникальный мужчина, верно?

– Уникальный? – Его ухмылка расплзлась шире. – Конечно, знаю. Спасибо Худу, я один такой.

– Это не то, что я имела в виду.

Он подошёл ближе и приобнял её выше талии.

– Пора найти целителя, женщина. У меня простые потребности, а мы тратим время.

– Ответ солдата, – сказала она, – но тебе меня не одурачить.

Незаметно для неё Скворец закрыл глаза.

Но ты одурачена, Корлат. Если бы ты только знала, насколько велик мой страх... потерять тебя.

Отчаянно размахивая руками, Крупп, Угорь Даруджистана, временами скупщик краденого и вор, бросивший вызов Воеводе Каладану Бруду, неторопливо брёл между шатров к повозкам с провизией. Он только что вышел из палатки повара моттских ополченцев, неся в каждой руке по натилогскому чёрному пирожку, обильно политому сиропом. В паре шагов за ним шёл мул, тянулся носом к пирожкам, вытянув уши вперёд.

Второй колокол после полуночи только что пробил в лагерях, вызвав скорбное мычание далёких стад бхедеринов, которое стихло, когда звери снова задремали. Добравшись до линии повозок – выставленных в прямоугольный форт на колёсах, – он заметил двух малазанских солдат, которые сидели у небольшого кострища, укутавшись в плащи.

Крупп изменил свой маршрут и подошёл к ним.

– Нежные друзья, – мягко окликнул он их, – уже поздно и вы, милашки, без сомнения не откажетесь от чего-то сладенького.

Две женщины обменялись взглядами.

– Ага, – проворчала одна из них, – тот круглый даруджиец.

– А его мул – вон, притаился в тени.

– Уникален, без всяких сомнений, сей Крупп! Узрите! – Он выставил вперёд капающие сиропом пирожки. – Для вас, красавицы.

– И что мы должны съесть, пирожки или твои руки?

Вторая быстро вытащила нож.

– Сейчасотрежем и сами сможем выбрать, да?

Крупп сделал шаг назад.

– Королева Грёз! Грубые и совсем неженственные! Осмелюсь предположить, что вы охраняете Серебряную Лису. Это успокаивает. Сердце Рваной Снасти так ярко сияет в этом ребёнке, ставшем женщиной.

– Ага, мы тебя видали. Болтал с ней. Она – наша чародейка, это точно. Сразу видно тех, кто знал её.

– Необычайно бессвязный диалог. Крупп в восторге...

– Мы получим пирожки с сиропом или как?

– Естественно, хотя отблески клинка ещё слепят щедрого Круппа.

– Чувства юмора у тебя нет, да? Садись, если духу хватит.

Даруджиец улыбнулся и шагнул вперёд.

– Натилогские чёрные пирожки, дорогие мои.

– Мы узнали. Моттские ополченцы как-то бросались в нас ими, когда у них кончились стрелы.

– Джейбару один прямо в рожу попал, помнишь?

– А потом он споткнулся и упал, а когда встал, был похож на лесной мох с глазами.

– Ужасающий сироп – смертельное оружие, – согласился Крупп, снова протягивая солдатам лакомство.

Женщины приняли пирожки.

– Мужественная задача – защита девы-рхиви.

– Она не рхиви. Она Рваная Снасть. Меха и шкуры – это всё показуха.

– Так вы говорили с ней?

– Не особо, да нам и не нужно. А пирожки-то вкусней без веток и листьев, верно?

Крупп моргнул и медленно кивнул.

– Без сомнения. Огромная ответственность быть глазами вашего командира, приглядывающими за девой.

Женщины прекратили жевать и переглянулись, затем одна из них проглотила еду и сказала:

– Чьими? Дуджека?

– Если мы его глаза, то он слеп как крот.

– Ох, Крупп, конечно же, говорил про Скворца.

– Скворец не слепой, ему не нужны наши глаза вместо собственных.

– И тем не менее, – улыбнулся даруджиец, – он наверняка весьма утешен вашим самоназначением на сей пост и вашими докладами. Если бы Крупп был Скворцом, он – был бы.

– Был бы – что?

– Что? Утешен, разумеется.

Обе женщины хмыкнули. Потом одна фыркнула и сказала:

– Вот это смешно. Если бы ты был Скворцом. Ха.

– Фигура речи...

– Нет такой вещи, толстячок. Ты пытаешься идти по следам Скворца? Пытаешься смотреть его глазами? Ха.

– Скажи, – согласилась другая женщина. – Ха.

– Ты так и сделала, – заметил Крупп.

– Сделала что?

– Сказала.

– Верно. Скворец должен был стать императором, когда старого свергли. Не Ласиин. Но она знала, кто был её соперником, не так ли? Поэтому она его разжаловала, превратила в, Худ его бери, сержанта и отправила прочь, далеко-далеко.

– Амбициозный человек сей Скворец.

– Вообще нет, даруджиец. И в этом вся суть. Он стал бы отличным императором, как по мне. Нежелание братья за работу – лучший признак.

– Любопытная мысль, дорогая.

– Не, точно не я.

– Прости, что не ты?

– Не любопытная. Слушай, Малазанская империя была бы совсем другой, если бы Скворец сел на трон много лет назад. Если бы он сделал то, чего мы все от него ждали, схватил Ласиин за шиворот и выпшвырнул из башенного окна.

– Он был способен на столь выдающийся шаг?

Обе женщины выглядели обескураженными. Одна повернулась ко второй.

– А какой у него шаг? Вроде широкий.

Вторая покачала головой.

– Ну, может, и выдающийся. Почему нет?

– А сколько там шагать до башенного окна?

– Может, нужно было шагнуть как следует, кто его знает.

– Ты права, подруга.

– Кхм, – перебил их Крупп. – Выдающийся шаг, милые. Это значит – поступок.

– Вот оно что.

– А, я поняла. Ты спрашиваешь, сумел бы он сделать это, если б хотел? Конечно. Не нужно становиться на пути Скворца, а если этого недостаточно – он умён.

– Тогда почему, гадает Крупп, он не сделал этого тогда?

– Потому, что он солдат, идиот. Восшествие Ласиин на трон было и так кровавым. Вся империя шаталась. Если люди начинают дружку резать да на окровавленный трон прыгать, остановиться сложно, и всё вокруг разваливается. На него мы все смотрели, так? Ждали, что он захватит трон, разберётся с Ласиин. А когда он просто отдал ей честь и сказал: «Так точно, императрица», – ну, всё просто утихомирилось.

– Он дал ей шанс.

– Разумеется. И что, девушки, думаете, он ошибся?

Женщины одновременно пожали плечами.

– Теперь это не важно, – сказала одна из них. – Мы тут, и тут это тут, а там это там.

– Пусть будет так и да будет так, – сказал Крупп, вздыхая и поднимаясь. – Удивительнейший диалог. Крупп благодарит вас и собирается уходить.

– Хорошо. Спасибо за пирожки.

– Круппу было приятно принести их. Доброй ночи, милые.

Он неторопливо направился назад к повозкам с провизией.

Когда он исчез во мраке, обе женщины некоторое время молчали, занятые слизыванием сиропа с пальцев.

Потом одна вздохнула. Другая повторила.

– Ну что?

– Довольно легко.

– Думаешь?

– Конечно. Он пришёл, предполагал обнаружить тут две головы с мозгами, а нашёл едва ли на одну.

– И всё одно болтали много.

– Это нормально для дурочек, крошка. Иначе он бы что-то заподозрил.

– Как думаешь, о чём они говорят с Рваной Снастью?

– Видать, о старухе.

– И мне так кажется.

– Что-то они задумали.

- Я так и знала.
- И Рваная Снасть во главе.
- Это точно.
- Меня устраивает.
- И меня. Знаешь, без веток с листьями пирожки какие-то не такие.
- Странно, и я о том же подумала только что...

Крупп приблизился к другому костру внутри форта на колёсах. Двое мужчин, ютившихся у него, подняли головы, глядя на новоприбывшего.

- Что у тебя с руками? – спросил Мурильо.
- Всё, к чему прикасается Крупп, липнет к нему, друг.
- Ну, – пророкотал Колл, – это мы уже много лет как знаем.
- И что с этим проклятым мулом? – спросил Мурильо.

– По правде говоря, зверь преследует меня, но не обращайтесь внимания. У Круппа только что состоялась интересная беседа с двумя солдатами. И он рад сообщить, что девушка Серебряная Лиса на самом деле в хороших руках.

- Липких, как твои?
- Теперь да, дорогой Мурильо, теперь да.

– Это, конечно, хорошо, – сказал Колл, – но чем нам поможет? В той повозке спит старая женщина, чьё разбитое сердце – самая малая её боль, хоть и она способна сломить даже сильнейшего мужчину, не говоря уж о хрупкой старухе.

– Крупп рад сообщить вам, что разрабатываются меры всеохватного милосердия. Кратковременные явления скоро уйдут.

- Тогда почему бы не сказать это ей? – прорычал Колл, кивая в сторону повозки Мхиби.

– Увы, но она не готова к такой правде. Это путешествие духа. Она должна сама встать на путь. Крупп и Серебряная Лиса могут лишь немного, вопреки нашему видимому всемогуществу.

– Всемогуществу, значит? – Колл покачал головой. – Вчера я бы посмеялся над этим заявлением. Я слышал о твоей стычке с Каладаном Брудом. Мне интересно, как именно тебе удалось сделать это, проклятая жаба?

Крупп приподнял одну бровь.

– Дражайший собутыльник Колл! Полное отсутствие в тебе веры губит хрупкого Круппа с головы до пальцев ног, которые поджигаются от тоски!

– Худа ради, не показывай нам, – воскликнул Мурильо. – Ты носишь эти сапоги столько, сколько я тебя знаю, Крупп. Сама Полиэль побоится того, что обитает у тебя между пальцами.

– И не напрасно! Отвечу Коллу кратко и точно – Крупп уверяет, что злоба, нет, ярость, не способна повредить такому, как он, тому, для кого мир, – это жемчужина, заточённая в пределах слизистых границ. Ух, если подумать повторно, картина не такая уж и приятная... а если в третий раз, так и вовсе отвратительно-ужасная. Крупп попробует ещё раз! Для того, кому весь мир – мечта, переполненная цветами и чудесами, которые невозможно вообразить, где даже само время утратило значение... к слову о времени, уже ведь очень поздно, да? Сон манит потоком спокойного пресуществования, которое превращает забвение в награду и омоложение – и одного этого чуда достаточно для каждого из нас, чтобы закончить сию постыльную ночь! – Крупп вскинул руки, махнул ими в последний раз и ушёл. Спустя какое-то время мул побрёл по его следам.

Двое мужчин смотрели ему вслед.

- Вот бы молот Бруда попал по этой жирной голове, – громко сказал Колл.
- Скорее всего соскользнул бы, – возразил Мурильо.

– Твоя правда.

– Мидии, мозги и вонючие пальцы, Бездна его побери, меня сейчас стошнит.

Высоко над лагерем Карга сложила свои уставшие, тяжёлые как свинец крылья и спировала к палатке Воеводы. Несмотря на истощение, по её телу пробежала дрожь волнения и любопытства. Разлом на север от лагеря по-прежнему сочился порченной кровью Огни. Великая ворониха ощутила взрыв, ещё когда пролетала над горами Видения, далеко на юго-востоке. И сразу поняла, что это.

Гнев Каладана Бруда.

Поцелуй молота, а с ним – взрывная перестройка природного мира. Вопреки царившей тьме, она видела, как хребет базальтовых гор вырос там, где раньше было сердце Серпинской равнины. И волшебство, исходящее от крови Спящей богини, Карга тоже узнала.

Прикосновение Увечного Бога. В венах Огни происходили изменения. Павший превращал её кровь в свою. *И её вкус я знаю слишком хорошо, ведь кровь эта была для меня материнским молоком. Очень давно. Для меня и всего моего рода.*

Изменения пришли в мир там, внизу, под крылом – и Карга упивалась ими. Её душа, как душа всякого ворона из её рода, ощущала прилив сил, заряд бодрости. Она никогда не чувствовала себя такой живой.

Скользя по тёплым потокам воздуха, Карга спускалась, подскакивая на карманах холодного ветра, – отголосках травматических изменений, взвившихся в атмосферу, когда Бруд высвободил свою ярость. Потом ворониха опустилась вниз и легонько ступила на землю перед шатром Воеводы.

Снаружи казалось, что в шатре темно.

Едва слышно хихикая, Карга запрыгнула под полог.

– Ни слова, – проревел Бруд из темноты. – Ни слова про вспышку моей ярости.

Великая ворониха склонила голову к кровати. Военачальник сидел на краю, обхватив руками голову.

– Как пожелаешь, – прошептала Карга.

– Докладывай.

– Хорошо. Вести от Аномандра Рейка. Он добился успеха. Лунное Семя прошло незамеченным и теперь... *скрывается*. Мои дети летают высоко над землями Паннионского Провидца. Воевода, не только они видели правду, лежащую внизу. Я сама видела...

– Детали оставь на потом. Лунное Семя на месте. Хорошо. Ты летала в Капастан по моей просьбе?

– Летала, о мрачнейший. И узрела первый день и первую ночь сражения.

– И какова твоя оценка ситуации, Карга?

– Город не устоит, Воевода. И это не вина его защитников. Силы, противостоящие им, слишком велики.

Бруд хмыкнул.

– Возможно, нам следовало пересмотреть расположение Чёрных морантов Дуджека...

– Они размещены точно там, где Однорукий хотел их разместить. – Карга поколебалась, повернула к Каладану Бруду один глаз, потом другой. – Стоит уточнить одну необычную деталь, Воевода. Выслушаешь?

– Говори.

– Провидец ведёт войну на юге.

Бруд резко поднял голову.

– Именно так, – кивнула Карга. – Мои дети видели армии Домина, идущие прочь, отступающие с севера. К самому Обзору. Провидец обрушил огромное волшебство на неизвест-

ного врага. Реки льда, стены льда. Обжигающе холодные ветра и штормы – мы уже давно не видели, как открывается *этот* Путь.

– Омтоз Феллак. Путь яггутов.

– О да. Воевода, сдаётся мне, ты не слишком удивлён. Меньше, чем я ожидала.

– Я действительно удивлён войне на юге, Карга. – Бруд встал, натягивая меховое одеяло на плечи, и начал расхаживать по шатру. – Что касается Омтоз Феллака... нет, я не удивлён.

– Так значит, Провидец не тот, кем кажется.

– Похоже на то. У нас с Рейком были подозрения...

– Ну, – перебила его Карга, – если бы я про них знала, я бы детальнее изучила ситуацию у Обзора. Ваше упрямство вредит всем нам.

– У нас были только догадки, Карга. Кроме того, мы слишком ценим твою покрытую перьями шкурку, чтобы ты рисковала, приближаясь к передовой неизвестного нам врага. Дело сделано. Скажи, Провидец остаётся в Обзоре?

– Мои родичи не смогли этого определить. Там повсюду летают кондоры, и они не одобряют нашего присутствия.

– С чего это обычные птицы вас тревожат?

– Не совсем обычные. Да, смертные птицы немногим ушли от одетых в перья ящериц, но именно эти кондоры больше походили на ящериц, чем на птиц.

– Глаза Провидца?

– Вероятно.

– Это осложнение.

Карга пожала полусогнутыми крыльями.

– Есть у тебя мясо? Я голодна.

– В яме для отбросов за палатой лежат остатки козы.

– Что? Ты хочешь, чтобы я ела из *ямы для отбросов*?

– Проклятье, Карга, ты же ворониха, почему бы и нет?

– Возмутительно! Но если это всё, что есть...

– Это всё.

Кудахтая, чтобы сдержать порыв ярости, Карга поскакала к задней стенке шатра.

– Впредь бери пример с меня, – прошептала она, пробираясь через ткань.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовался Бруд.

Карга сунула голову обратно в палатку и открыла клюв в тихом порыве смеха, затем ответила:

– Разве это я *вышла из себя*?

С рычанием он шагнул к ней.

Ворониха пронзительно вскрикнула и убежала.

Глава шестнадцатая

*Первому Чаду Мёртвого Семени
снится предсмертный вздох отца
и слышится вечным повтором
запертый в лёгких вопль...
Посмеешь ли его глазами
Увидеть мир хоть на миг?*

*Первому Чаду Мёртвого Семени
вести легион печали
по костлявой дороге голода,
где мать поёт и танцует...*

*Посмеешь ли следом за ним
прийти и взять её за руку?*

*Первому Чаду Мёртвого Семени
носить разнородный доспех,
что укроет его от мига рожденья
годами жестокой учёбы...
Не смей судить его строго,
если не влез в его шкуру.*

К'аласс. Сильба разбитого сердца

Тенескаури неудержимым потоком обрушились на стены города. Обезумевшая от голода толпа накатила и хлынула в Капастан.

Баррикады у ворот прогнулись под бешеным давлением, затем рухнули.

Город затопили враги.

В четырёх сотнях шагов от цитадели Кованый Щит развернул забрызганного кровью скакуна. Люди протягивали к нему руки, хватались за броню на ногах коня. С холодной яростью жеребец раз за разом бил копытом, круша кости, сминая рёбра, проламывая головы.

Когда враги отрезали их от цитадели, три «гривы» из «Серых мечей» окружили Итковиана на вершине пологого холма, усыпанного глиняными столбами капанского кладбища. Большая часть этих вертикальных гробов уже была повалена и разбита так, что истлевшие останки в саванах рассыпались по склону, смешиваясь друг с другом в посмертии.

Итковиан смотрел на ворота цитадели, груда тел перед ними была уже настолько высока, что можно было карабкаться вверх. Именно это и делали десятки тенескаури, взбираясь по трупам к капонирам, где их ждали зазубренные наконечники длинномерных пик. Крестьяне даже не пытались защищаться – пики кололи и ранили, несли смерть, взметая фонтаны крови и вырывая ошметки плоти.

Кованый Щит никогда не видел подобного кошмара. Все прошедшие битвы, все ужасы войны, всё то, что вынужден видеть солдат, меркло по сравнению с этим зрелищем.

Когда крестьяне падали и скатывались по склону из трупов, женщины запрыгивали на мужчин, пригвозждая их к земле, разрывали одежду, расставляли ноги и, среди крови, криков и смерти, насиловали.

Чуть в стороне от убитых и умирающих люди пожирали себе подобных.

Два разных кошмара. Кованый Щит не мог решить, что его потрясло больше. Кровь ледяным потоком струилась в жилах, и он понял со страхом, переходящим в панику, что настоящий штурм только начинается.

Ещё одна волна подкатилась к злополучным «Серым мечам» на кладбище. Широкие проспекты и улицы со всех сторон заполнили сплочённые бешенством тенескаури. Все взгляды были прикованы к командиру и его солдатам. Люди тянули к ним руки и, несмотря на расстояние, жадно загребали воздух.

Солдаты сомкнули щиты, перегруппировались, потрепанном квадратом выстроились вокруг Итковиана. Кованый Щит знал, что строй сомнут, как это было всего несколько мгновений назад, но, если его безмолвные солдаты смогут повторить то, что уже однажды сделали, строй вновь поднимется из моря тел, расчистит себе путь, отбросит врага и вновь взбежится на только что воздвигнутый холм из костей и плоти. Если Кованый Щит удержится в седле, он будет рубить направо и налево, убивая всех, до кого дотянется, а раненые погибнут под железными копытами коня.

Никогда прежде Итковиан не участвовал в такой бойне, она отравляла его, переполняла сердце ненавистью к Провидцу – сотворить такое с собственными людьми. И к септарху

Кульпату за нечеловеческую жестокость – бросить беспомощных крестьян в пасть отчаявшейся армии.

Но страшнее всего – эта тактика, похоже, сработает. *Пусть и чудовищной ценой.*

С рёвом тенескаури бросились в атаку.

Первых врагов, которые добрались до ошетилившегося строя, порубили на куски. Полумёртвых, вопящих, их потащили назад собственные соратники – в голодную, ненасытную толпу, куда более жестокую, чем враги, что ждали тенескаури впереди. Другие рвались вперёд, только чтобы повторить судьбу первых. Но им на смену подходили всё новые и новые крестьяне, карабкались на плечи соратников, а по их спинам уже взбирались следующие. На короткий миг перед изумлённым взором Кованого Щита предстала трехъярусная стена из обезумевших людей. Затем она рухнула, погребла под собой «Серых мечей».

Строй прогнулся под неимоверной тяжестью. Клинки ломались. Щиты падали наземь. Шлемы срывали с голов, и везде, куда бы ни взглянул Итковиан, была кровь.

Из груды тел начали выбираться отдельные фигуры. Тесаки, топоры и ножи взметнулись и опустились, но их главной целью был Кованый Щит, и он это понимал. Командир перехватил поудобнее палаш и щит. Конь гарцевал на месте, чувствуя лёгкую дрожь в ногах седока. Жеребец вскинул голову, затем опустил пониже, защищая глотку. Доспех, закрывавший лоб, шею и грудь скакуна, был покрыт вмятинами и грязью. Копыта рыли землю, готовые обрушиться на живую плоть.

И вот первый крестьянин оказался достаточно близко. Итковиан взмахнул мечом, отрубленная голова отлетела прочь, тело ещё несколько мгновений судорожно дёргалось, затем рухнуло. Конь взбрыкнул задними ногами, позади раздался глухой хруст, затем скакун выровнялся и встал на дыбы, ударил подкованными передними копытами и повалил воющую женщину. Один из тенескаури прыгнул, попытался ухватить жеребца за переднюю ногу. Итковиан подался вперёд и вогнал клинок в спину врага с такой силой, что перерубил хребет.

Конь развернулся, сбрасывая труп. Качнул головой вперёд, вонзил зубы в голову крестьянина, расколол череп, рванул обратно, во рту остались спутанные волосы и обломки кости.

Чьи-то руки сжали левое бедро Итковиана. Тот обернулся, ударил наискось по-над холкой жеребца. Клинок рассёк мышцы и ключицу. Окровавленный кусок плоти полетел прочь.

Конь снова взбрыкнул. Он кусался, лягался, крутился на месте, но руки, тела, тяжёлая масса тенескаури были теперь со всех сторон. Меч командира мелькал, рубя вслепую, но каждый раз безошибочно находил цель. Кто-то забрался на круп жеребца сзади. Итковиан выгнулся дугой, забросил за голову правую руку в латной перчатке, метя в незваного наездника. Почувствовал, как лезвие меча прокладывает себе путь сквозь кожу и плоть, задевает ребра, а затем опускается до самого живота.

Поток желчи и крови окатил заднюю часть седла. Тело скользнуло вниз.

Конь пригнул голову, повинувшись команде наездника. Итковиан, широко размахнувшись, ударил сплеча. На всём своём пути палаш рвал, резал, разрубал. Жеребец повернулся, и Кованый Щит взмахнул клинком в обратную сторону. Снова поворот, и снова удар.

Так всадник и его скакун совершили полный круг, оставляя за собой ужасные раны. Сквозь обжигающий жар под забралом шлема Итковиан видел лишь разрозненные фрагменты происходящего.

«Серые мечи» не поднимаются. Не в этот раз. Он не видел ни одной знакомой форменной накладки. Тенескаури окружили Итковиана со всех сторон, стоя на холмах из тел, высотой в человеческий рост. И где-то под этой колышущейся поверхностью погребены его солдаты. Погребены живые, умирающие и мёртвые.

Сотни алчных безумных взглядов устремились на всё, что осталось от отряда, – Итковиана и его коня.

Подобранные пики передавали вперёд. Ещё немного – и длинные копыта начнут колоть со всех сторон. Такого не выдержат доспехи – ни Итковиана, ни его скакуна.

Священные Клыки, я ваш. В этот последний миг.

– Прорыв!

Боевой конь ждал этой команды. Животное ринулось вперёд. Копытами, грудью и плечами пробивалось сквозь толпу. Кованый Щит рубил направо и налево. Раненые люди падали, исчезали в месиве под копытами. Пики били, скользили по доспехам и щиту. Одну справа Итковиан отбил мечом.

Что-то воткнулось всаднику в поясницу, разорвало звенья кольчуги, провернулось, взрезало кожаную подкладку и войлочный поддоспешник. Боль пронзила Итковиана, когда зазубренный наконечник пронзил кожу и царапнул по нижнему ребру рядом с позвоночником.

В тот же миг закричал конь, наткнувшись на острие другого копыта, железный наконечник глубоко вошёл в грудь справа. Жеребец, пошатнувшись, наклонился влево, склонил голову и перекусил древко.

Кто-то прыгнул на щит Итковиана и ударил сверху топором для дров. Клиновидное лезвие вошло в тело между плечом и шеей, застряло.

Кованый Щит ткнул мечом в лицо крестьянки. Клинок вошёл в одну щёку и вышел через другую. Итковиан провернул палаш, его собственное лицо, скрытое забралом, было на расстоянии нескольких дюймов от лица жертвы, когда меч изуродовал её юный облик. Издав булькающий звук, девушка завалилась назад.

Он чувствовал вес оставшегося в спине копыта, оно клало по доспеху на крупе, когда конь скакал и поворачивался.

Рыбацкий нож нашёл незащищённое место под его левым коленом, впился в сустав. Итковиан слабо ткнул нижней кромкой щита, сил едва хватило, чтобы оттолкнуть врага. Тонкий клинок треснул, шесть дюймов осталось в колене, разрезая сухожилия и хрящи. Кровь залила полость между икрой и войлочной стёганкой.

Кованый Щит не чувствовал боли. Жестокая ясность правила его мыслями. Его бог был с ним сейчас, в этот последний миг. С ним и с храбрым, неукротимым боевым конём.

Копьё вышло из раны на груди, жеребец выпрямился, несмотря на хлещущую кровь. Прокладывая дорогу, он прыгнул вперёд, сминая тела и нанося удары, и нашёл то, что Итковиан считал невозможным: свободную улицу, где лежали только неподвижные тела.

Осознав наконец, что именно видит, Кованый Щит воспрял духом. Врагов вокруг становилось меньше с каждым шагом. Крики и лязг металла гулким эхом отдавались в шлеме.

Тотчас жеребец остановился и поднялся на дыбы, молотя копытами воздух, – на этот раз не в ярости, а празднуя победу.

Когда Итковиан прильнул к шее скакуна, его пронзила боль, такая, какой он никогда не испытывал. Пика глубоко в спине, сломанный нож в самом центре левого колена, топор в ключице. Стиснув зубы, всадник утихомирил гарцующего коня и смог развернуть его, чтобы ещё раз взглянуть на кладбище.

Не веря своим глазам, Кованый Щит смотрел, как из кургана трупов поднимаются безмолвные, словно призраки, «Серые мечи», расчищают себе дорогу резкими движениями, будто они только что проснулись от ужасного ночного кошмара. Было видно дюжину солдат – ровно на двенадцать больше, чем мог надеяться их командир.

Послышался топот сапог. Моргая от едкого пота в глазах, Итковиан попытался разглядеть фигуры, которые приближались к нему отовсюду.

«Серые мечи». Грязные и порванные накидки, бледные молодые лица капанских новобранцев.

Одной из фигур оказался закованный в воронёный доспех Смертный Меч на боевом коне. Его заляпанные кровью чёрные волосы спутались и напоминали гриву, огромная рука в латной рукавице сжимала священный клинок Фэнера.

Брухалиан поднял забрало. Тёмные глаза пристально смотрели на Итковиана.

– Прошу прощения за задержку, сударь, – громко произнёс Смертный Меч, подъехав к Кованому Щиту.

Только сейчас Итковиан заметил за спиной Брухалиана торопливо подходящего Карнадаса. Несмотря на осунувшееся и белое, точно у покойника, лицо соратника, Кованый Щит был как никогда рад его видеть.

– Дестриант! – задыхаясь, позвал Итковиан, шатаясь в седле. – Мой конь... мои солдаты...

– Фэнер со мной, сударь, – дрожащим голосом ответил Карнадас. – И потому – отвечу.

А затем мир померк. Итковиан неожиданно почувствовал руки под собой, как будто упал в объятия. В мыслях снова всплыло – *мой конь... мои солдаты...* – а затем всё погрузилось в небытие.

Они разбили хлипкие ставни, прорвались через комнаты на втором этаже. Проползли по забитому трупами тоннелю, который когда-то был лестничным пролётом. «Клыки» Остряка стёрлись, покрылись трещинами и зазубринами. Затупились, превратились в дубинки в руках. Он захватил главный коридор, медленно и планомерно сооружал баррикады из остывающих тел и сломанных костей.

Капитан не испытывал усталости, чувства его не притупились. Дыхание оставалось ровным, только чуть более глубоким. На предплечьях сложился странный узор из кровавых пятен – будто остроконечные полосы, кровь почернела и, казалось, впиталась в кожу. Но ему было всё равно.

Тут и там в море тенескаури виднелись провидомины. Наверное, попали сюда против воли, увлечённые людским потоком. Чтобы пробиться к ним, Остряк резал крестьян. Он жаждал только одного. Добраться до них. И убить. Всё остальное – мусор; раздражает, мешает пройти. Препятствие на пути.

Если бы он увидел собственное лицо, вряд ли бы узнал. Чернеющие полосы расходились от глаз и поросших бакенбардами щёк. Бороду пронизывали янтарные рыжевато-коричневые нити. Глаза желтели высушенной на солнце степной травой.

У него под началом было уже сто человек – безмолвные фигуры, продолжение его воли. Они не задавали вопросов, смотрели на него с трепетом. Капитан заметил, что лица воинов светились, когда на них падал его взгляд. Он не удивился, а может, попросту не понял, что это сияние было лишь отблеском слабого тёплого свечения его собственных глаз.

Остряк был доволен. Он мстил за то, что случилось со Скаллой, – теперь она сражалась бок о бок с лейтенантом, тем низким жилистым лестийским солдатом, удерживала чёрную лестницу доходного дома. После того как отряд отступил сюда несколько часов назад, капитан видел Скаллу лишь однажды. Эта встреча встряхнула его, пробрала до глубины души, Остряк будто внезапно проснулся – всё это время его душа словно пригнулась внутри, пряталась, молчала, пока какая-то неведомая сила управляла его телом, заставляла кровь струиться быстрее. В сердце зияла глубокая рана: Скалла до сих пор не оправилась, её напускная храбрость разбилась, обнажив ранимую человеческую сущность.

Из-за этого в нём вновь поднялась ледяная ярость. Остряк только начал отдавать долг – мстить за неё. И что бы ни ошеломило Скаллу во время последней встречи... она явно

почувствовала за этой яростью оскаленные клыки и острые когти. Реакция понятная, тревожно только, что заслуженная.

В даруджийском доме, старом и дряхлом, разбушевался на крыльях ярости шторм смерти, страх и агония скручивались и переплетались в коридорах, заглядывая в каждую, даже самую маленькую комнату. Битва кипела, беспощадная и бесконечная. И была под стать внутреннему миру Остряка, миру под сводами его черепа.

Не было, не могло быть противоречий между реальностью внешнего мира и действительностью внутреннего восприятия Остряка. Эта истина почти не поддавалась пониманию. Её можно было ухватить только интуитивно – через внутреннее озарение, которое открылось лишь горстке его последователей, в том числе – лестийскому лейтенанту.

Лейтенант знал, что вошёл в мир, где царит безумие. Каким-то образом понял, что вместе с остальными ополченцами существует больше в сознании Остряка, чем в реальности. Они сражались с искусством, какого прежде не могли и вообразить. Не уставали. Не кричали от боли, не нуждались в приказах и командах, оказываясь там, где нужно. Да в управлении и не было необходимости – никто не сдался, не испугался, не бросился бежать. Погибая, они падали на месте, безмолвно, как сломанные механизмы.

Коридоры на первом этаже были забиты телами. В некоторые комнаты было невозможно войти. По земле багряной рекой струилась кровь, просачивалась сквозь перекрытия, слой гравия, песчаные карманы и уложенные валуны. Текла из чудовищного дома, заливала кости, плоть, доспехи, сапоги, сандалии, клинки и шлемы. Густой поток, как в канаве полевого врача, нёс с собой запахи выгребной ямы.

Враги наконец схлынули, их вытеснили с почти полностью заваленных лестниц, выбросили из окон. Ещё тысячи ждали снаружи, но не смогли напасть, захлебнувшись в толпе беглецов. На миг в доме воцарился мир.

У лестийского лейтенанта кружилась голова, он шатался и несколько раз споткнулся, пока пробирался через главный коридор в поисках Остряка. Полосатые руки командира поблёскивали, лезвия его сабель стали желтовато-белыми, как настоящие клыки. Он обернулся к лестийцу, показав по-кошачьи хищное лицо.

– Сейчас сдаём этот этаж, – сказал Остряк, стряхивая кровь с клинков.

Порубленные останки провидоминов лежали вокруг капитана. Закованные в доспехи воины были буквально порезаны на куски.

Лейтенант кивнул:

– Да, тут уже шагу ступить некуда.

Остряк пожал мощными плечами.

– У нас ещё два этажа над головой. Потом крыша.

Их взгляды встретились на несколько долгих мгновений, и лейтенант одновременно похолодел и согрелся от взгляда этих вертикальных зрачков. *Такого человека не грех бояться... не грех слушаться... и любить.*

– Ты – Смертный Меч Трейка, – произнёс лестиец.

Громадный даруджиец нахмурился:

– Скалла Менакис.

– Только лёгкие раны. Она уже поднялась на следующий этаж, капитан.

– Хорошо.

Начали подходить нагруженные мешками с едой и питьём ополченцы, хотя никакого приказа им никто не отдавал, как не приказывал и собираться для отступления. Лестиец видел, что в последнем сражении пало больше двадцати соратников. *Мы теряем столько на каждом этаже. Если так будет продолжаться, на крыше нас останется не больше двух десятков. Что ж, этого будет более чем достаточно, чтобы удерживать одну-единственную дверь. Удерживать до самой Бездны Последней Ночи.*

Безмолвные последователи собирали ещё пригодное оружие и доспехи – по большей части оставшееся от провидомингов. Лестиец ошеломлённо смотрел, как капанская женщина берёт грубо отрезанную одним из клинков Остряка руку в латной перчатке, вынимает из доспеха обрубков и аккуратно бросает к остальным культам.

Остряк перешагивал через тела в коридоре.

Пора отходить на следующий этаж, пора брать в защиту внешние комнаты, где окна прикрывают лишь хлипкие ставни, отходить с чёрной и парадной лестниц.

Пора запихивать новые души в забитую глотку Худа.

На лестнице Остряк скрестил сабли.

Снаружи нарастал шум...

Брухалиан сидел верхом на огромном взмыленном боевом жеребце, наблюдая за тем, как лекари Дестрианта уносят еле живого Итковиана в ближайший дом, который будет в течение следующих пары колоколов полевым госпиталем. Карнадас лично, открыв ещё раз свой отравленный Путь Дэнул, остановил кровотечение из раны на груди коня Кованого Щита.

Выжившим «Серым мечам» на кладбище помогли личные подразделения Смертного Меча. Некоторые раны перевязали, но смертельные оправдали своё название. Солдаты отчаянно раскидывали трупы в надежде найти ещё выживших.

Лекари, которые занимались Итковианом, теперь должны были вытащить у него из спины застрявший наконечник. Оставшись в теле, он спас Кованому Щиту жизнь. И Карнадас вызвался остановить кровь, которая хлынет из открытой раны.

Брухалиан тяжёлым пристальным взглядом проводил старого Дестрианта, который, пошатываясь, ковылял за лекарями. Карнадас зашёл слишком далеко, много черпал из своего Пути, слишком щедро и слишком часто. Это уже нанесло непоправимый ущерб его телу. На суставах рук появились синяки: на плечах, локтях, запястьях и пальцах. Его вены истончились, превратились чуть ли не в решето, и крови будет всё больше в мышцах и телесных полостях. Поток Дэнула уничтожал всё, через что проходил, – в том числе само тело жреца.

Брухалиан понимал, что Карнадас не доживёт до рассвета.

Но прежде – исцелит Итковиана, грубо восстановит плоть, не обращая внимания на душевную боль, которая сопутствует всем ранениям. Кованый Щит снова примет командование, но уже не будет таким, как прежде.

Смертный Меч был суровым человеком. Знание об участии, уготованной его друзьям, не затронуло никаких чувств. Всё было так, как должно быть.

Он выпрямился в седле, осмотрелся, оценивая ситуацию. Атака на цитадель захлебнулась. Тенескаури разбиты по всем фронтам, ни единой живой души не осталось в пределах видимости. Но Смертный Меч точно знал, что в других местах ситуация была иной. Как организованная армия «Серые мечи» оказались фактически уничтожены. Разумеется, остались очаги сопротивления, но мало, и они разобщены. По сути, Капастан уже пал.

Вестовой прибыл с севера, его лошадь вынуждена была перепрыгивать через груды тел на мостовой. Он остановился возле отряда Смертного Меча.

Брухалиан отдал честь мечом, и молодая капанка направила скакуна к нему.

– Сударь, – выдохнула она, – вести от Рат'Фэнера! Сообщение мне передал аколит!

– Говорите, сударыня.

– На Пленник напали! Рат'Фэнер задействует Восьмую заповедь Устава. Вы должны прибыть со всем отрядом на помощь. Рат'Фэнер преклоняет колени перед копытами, а вам должно стать его Священными Клыками и тенью Фэнера.

Брухалиан прищурился.

– Сударыня, этот аколит смог покинуть Пленник, чтобы передать священный призыв своего верховного жреца, смог проникнуть сквозь защитные чары вокруг крепости? Как?

Девушка покачала головой:

– Не знаю, сударь.

– А дорога через город? Были помехи?

– Никто из живых мне не мешал.

– Можете объяснить?

– Нет, сударь. Не могу. Возможно, удача Фэнера?..

Брухалиан некоторое время внимательно смотрел на неё.

– Новобранец, вы пойдёте с нами освобождать Пленника?

Она вначале моргнула, затем медленно кивнула:

– Почту за честь, Смертный Меч.

Он ответил хриплым, преисполненным печали шёпотом, который смутил девушку ещё сильнее.

– Как и я, сударыня. – Брухалиан поднял забрало и обернулся к солдатам. – Одиннадцать «грива» остаётся с Дестриантом и лекарями! Остальные – идём к Пленнику! Рат'Фэнер задействовал Устав, и мы должны откликнуться!

Он спешил и передал поводья вестовой.

– Я передумал, – пророкотал Брухалиан. – Вы, сударыня, остаётесь охранять моего коня. И ещё, сообщите Кованому Щиту о моём решении, когда он очнётся.

– Вашем решении?

– Скоро поймёте, сударыня.

Смертный Меч снова обернулся к отряду. Солдаты стояли шеренгами, молча ждали. Четыре сотни «Серых мечей», может быть, последние оставшиеся в живых.

– Судари, – обратился к ним Брухалиан, – вы готовы?

Один офицер-ветеран отдал честь:

– Готовы попробовать, Смертный Меч.

– То есть? – переспросил командир.

– Нам нужно пересечь полгорода. Мы не пройдем.

– Полагаете, до Пленника придётся пробиваться с боем, Нильбанас?

Старый солдат нахмурился, ничего не сказав.

Брухалиан взял щит, который держал стоявший рядом оруженосец.

– Я поведу вас, – сказал он. – Пойдёте ли вы за мной?

Все солдаты кивнули, и Смертный Меч увидел на полускрытых забралами лицах появившуюся тревогу, понимание, которого он уже достиг. Никто не вернётся из этого похода. Некоторые течения невозможно побороть.

Брухалиан взял в левую руку окованный бронзой большой щит, перехватил поудобнее священный меч и двинулся вперёд. «Серые мечи» шли за ним. Он выбрал самую короткую дорогу, не замедляясь даже на открытых, усеянных трупами площадях.

Со всех сторон слышался тихий невнятный ропот. Доносились разрозненные звуки сражения, с грохотом рушились горящие здания, ревело ничем не сдерживаемое пламя, улицы устилал слой мёртвых тел – картины чудовищной преисподней Худа проплывали мимо воинов, словно два гобелена, сотканые проклятым, безумным мастером.

Но никто не пытался их остановить.

Когда «Серые мечи» добрались до скрытого магической пеленой Пленника, к Брухалиану приблизился прошедший не одну битву солдат.

– Я слышал слова вестового, сударь...

– Я знаю, Нильбанас.

– Не может быть, чтобы это и вправду был призыв Рат'Фэнера...

- Но так и есть, сударь.
- Значит, жрец предал нас!
- Да, мой старый друг, он нас предал.
- Он осквернил самую сокровенную заповедь Устава! Клянусь Клыками, сударь...
- Слова Устава выше его оскорблений, Нильбанас. Это слова самого Фэнера.
- Пока он не исковеркал их! Мы не обязаны подчиняться!
- Рат'Фэнер поплатится за своё преступление. Но не нам призывать его к ответу.
- Однако именно нам расплачиваться жизнями?
- Без наших смертей, сударь, не будет преступления. А значит – соответствующего наказания.

– Смертный Меч...

– Нам всё равно конец, мой друг. Посему теперь мы вольны выбрать значение своей смерти.

– Но... что он выигрывает? Предавать собственного бога...

– Что?.. – Брухалиан мрачно усмехнулся. – Свою жизнь. На некоторое время. Как только магов, защищающих Пленник, победят, как только Совет Масок падёт, он разделит участь своих братьев. Он считает, это равноценный обмен.

Ветеран потряс головой.

– А Фэнер позволяет возложить на свои слова бремя предательства? Сколько благородства будет в его Зверинном Лике, когда он наконец загонит в угол Рат'Фэнера?

– Наш бог не накажет его, Нильбанас. Вы правы, он не сделал бы этого сознательно, ибо это предательство глубоко ранило и ослабило его, и последствия будут губительны.

– Тогда, – солдат перешёл чуть ли не на шёпот, – кто будет нашей рукой, несущей возмездие, Брухалиан?

Ухмылка Смертного Меча стала ещё мрачнее.

– Скоро очнётся Кованный Щит. Мгновения отделяют его от доклада вестовой. Мгновения – от настоящего понимания. Нильбанас, нашей рукой мести станет Итковиан. Я вас обнадёжил, старый друг?

Следующие шесть шагов Нильбанас прошёл молча. Впереди раскинулась площадь перед воротами Пленника.

– Теперь я спокоен, сударь, – его голос звучал глубоко и умиротворённо. – Теперь я спокоен.

Брухалиан ударил мечом о щит. Чёрный огонь пробежал по клинку, шипя и потрескивая.

– Они окружили площадь. Войдём?

– Да, сударь, с превеликим удовольствием.

Четыре сотни воинов Смертного Меча без колебаний вышли на открытое пространство. Тут же прилегающие улицы, в том числе и та, по которой они пришли, заполнили отряды септарха Кульпата, его урдомы, провидомины и бетаклиты. На крышах появились лучники, а сотни провидомин, которые лежали перед воротами Пленника, прикидываясь мёртвыми, теперь поднялись, потрясая оружием.

Рядом с Брухалианом хмыкнул Нильбанас:

– Изумительно.

Смешок Смертного Меча слышали все, кто стоял рядом.

– Септарх считает себя умным, сударь.

– А нас благородными глупцами.

– О да, мы именно такие, верно, мой друг?

Нильбанас поднял меч и торжествующе взревел. Размахивая клинком над головой, он завертелся на месте в пляске презрения к смерти. Сомкнув щиты, «Серые мечи» сгрудились вокруг Брухалиана и приготовились принять последний бой посреди площади.

Старый солдат остался снаружи построения, продолжая вращаться, реветь и размахивать мечом высоко над головой.

Пять тысяч паннионцев и сам септарх поражённо смотрели на него, не веря своим глазам, напуганные его дикой, животной пляской на мостовой. С беззвучным рычанием Кульпат встряхнулся, поднял закованную в латную перчатку руку.

И резко опустил.

Воздух на площади почернел, когда пятнадцать сотен луков запели, как один.

Распахнув глаза, Итковиан услышал эту песню. Видение накрыло его, вытесняя из сознания всё остальное: он видел, как острые наконечники впиваются в панцирную «черепаху», строй «Серых мечей». Оперение мелькало тут и там. Солдаты шатались, сгибались, падали друг на друга.

Нильбанас, пронзённый сотней стрел, завершил ещё один круг в ореоле капель крови и рухнул.

Вопящей стеной паннионская пехота хлынула на площадь. Разбилась о вновь сомкнутые щиты выживших «Серых мечей», которые с трудом пытались закрыть прорехи в рядах. Враги сломили строй наёмников, разорвали его на части. Битва превратилась в бойню.

Не замечая множества стрел, Смертный Меч ещё держался, клинок в его руках пылал чёрным огнём. Брухалиан возвышался гигантом среди обезумевших детей.

И сражался.

Пики пронзили его со всех сторон, приподняли над землёй. Рука с мечом опустилась, напоследок перерубила пару копий и остановилась среди корчащихся тел.

Итковиан видел, как двусторонний топор опустился на левое плечо Брухалиана, кровь хлынула фонтаном, рука со щитом упала наземь, судорожно сгибаясь в локте, будто оторванная лапка насекомого.

Великан стал крениться направо.

Ещё больше копий впилося в тело.

Хватка на мече не ослабла. Пылавший клинок продолжал распространять свой пожирающий огонь, сжигая всё, к чему прикасался. Воздух пронзили крики.

Подожли урдомы с короткими тяжёлыми мечами. Начали буквально разделявать нанизанное на пики тело.

Внутренности Смертного Меча, намотанные на кончик клинка, развернулись змеей из его живота. Ещё один топор опустился на голову Брухалиана, разбив тяжёлый воронёный шлем, лицо и череп воина.

Пылающий меч взорвался тёмной вспышкой, осколки клинка поразили ещё больше паннионцев. Труп, который был когда-то Смертным Мечом Фэнера, ещё несколько мгновений шатался, затем медленно опустился на колени, спина согнулась – пугало, пронзённое дюжиной пик и бессчётными стрелами.

В мрачной тени Пленника на коленях стоял и уже не шевелился мертвец, паннионцы медленно отходили от него – их боевой задор сменило что-то молчаливое и пугающее. Смотрели на изуродованное нечто, что было Брухалианом... и на высокую, почти материальную тень, которая сгустилась прямо перед Смертным Мечом. Фигура в чёрном облачении с капюшоном стояла, спрятав руки в истлевших складках свободных рукавов.

Худ. Король Высокого дома Смерти... пришёл встретить душу этого человека. Лично. Почему?

Миг – и Владыка Смерти исчез. Но никто не шелохнулся.

Хлынул дождь. Беспросветный.

Водянистая кровь покрыла чёрный доспех, тускло поблёскивая багрянцем на железных звеньях кольчуги.

Это видение открылось не только Итковиану, но и другим глазам, глазам, которые Кованый Щит знал очень хорошо. В своём сознании он ощутил холодное удовлетворение и в своём сознании же обратился к другому свидетелю гибели «Серых мечей», не сомневаясь, что его слышат.

Я знаю, Рат'Фэнер.

Ты – мой, предатель.

Мой.

Ястреб промчался сквозь взбитые ветром тучи, ощутил на крыльях и широком хвосте впивающиеся гвоздями капли дождя. Внизу, среди почерневших серых зданий города вспыхивали огненные проблески.

День клонился к закату, но ужас не отступал. Разум Бука оцепенел от всего, что ему пришлось увидеть, пусть издалека, благодаря облику одиночника. Однако расстояние не спасало от ужасного зрелища. Птичьи глаза были зоркими, даже слишком.

Он заложил вираж вокруг поместья, которое служило домом Бошелену и Корбалу Брошу. Перед воротами лежала груда тел. На бутафорских угловых башнях и дорожках вдоль стен стояли под дождём безмолвные часовые, мрачные и неподвижные.

Армия живых мертвецов пополнилась. Чуть ранее сотни тенескаури проломили ворота и хлынули во двор. Бошелен встретил их волнами смертоносных заклятий – человеческая плоть чернела, ссыхалась и лентами слезала с костей. И ещё долго после смерти крестьян чары продолжали бушевать, пока брусчатка не покрылась толстым слоем пепла.

Усадьбу штурмовали ещё дважды, попытки становились всё более отчаянными. Наконец тенескаури отступили перед лицом колдовства и беспощадной жестокости неупокоенных воинов, развернулись и в ужасе бежали. В полдень дела у отряда беклитов шли не лучше. А теперь, когда сумерки застил дождь, на близлежащих улицах остались только мертвецы.

На утомлённых крыльях Бук взлетел повыше, следуя на запад над главной улицей Даруджийского квартала.

Опустошённые дома, поднимавшийся дым над развалинами, мерцающие языки пламени. Внизу кишели тенескаури, они развели огромные костры, где жарили на вертелах человеческое мясо. Тут и там мелькали взводы и роты скаланди, беклитов и бетаклитов, урдомов и провидомингов.

Сбиты с толку, бесятся, пытаются понять, куда подевались все жители Капастана. Да, вы захватили город, но всё равно чувствуете себя обманутыми.

С наступлением темноты взор ястреба потерял остроту. На юге, подёрнутые пеленой дождя и дыма, возвышались башни княжеского дворца. Тёмная громадина, похоже, нетронутая. Возможно, его обитатели ещё держатся. Но скорее всего безжизненная цитадель стала приютом лишь для призраков. Погрузилась в привычную тишину, которая наполняла её на протяжении веков перед приходом капанцев и даруджийцев.

Обернувшись, Бук краем глаза заметил одинокий доходный дом слева. Его окружали огни, но приземистое строение почему-то не загоралось. Ястреб видел, как многочисленные костры бросали красные отблески на обнажённые трупы. Все окрестные улицы и переулки были завалены телами.

Нет, этого не может быть. Меня обманывает зрение. Эти мертвецы лежат на мостовой. Должны лежать. Боги, первого этажа дома не видно. Завален. Камни. Эти завалы не могут быть из тел, они слишком высокие... ох... глубины Бездны!

В этом доме остановился Остряк.

Он не загорался, несмотря на лижущие стены языки огня.

Подсвеченные светом снизу, стены казались *мокрыми*.

Не от воды. От крови.

Бук спустился ниже, и, чем ближе подлетал, тем глубже пробирал его ужас. Он различил окна без ставней на первом видимом этаже. Комнаты внутри набиты телами. То же самое и на следующем этаже, и на последнем – под самой крышей.

Он внезапно понял, что всё здание забито под завязку. Месиво из мяса и костей, льющиеся из окон ручейки крови и желчи. Огромный мавзолей, памятник сегодняшнему дню.

Ястреб увидел очертания людей на крыше. Двенадцать человек там и тут жались к укрытиям и навесам. А один стоял поодаль, склонив голову, будто рассматривал кошмар на улице внизу. Высокий, могучий. Широкие покатые плечи. Исчерчен странно падающими тенями. Руки в латных перчатках крепко сжимали сабли, сделанные будто из кости.

В дюжине шагов за его спиной поднялся штандарт, древко закрепили мешками с едой – похожие тюки использовали «Серые мечи». Жёлтая мокрая детская туника, заляпанная тёмными потёками крови.

Бук было приблизился, но полетел прочь. Он не был готов. Не был готов встретиться с Остряком. Точнее, с человеком, в которого тот превратился. Ужасная перемена... *ещё одна жертва этой войны.*

Как и мы все.

Моргая, Итковиан попытался понять, где находится. Низкий сырой заплесневевший потолок, вонь разлагающегося мяса. Жёлтый свет фонаря, тяжесть грубого шерстяного одеяла на груди. Он лежал на узкой койке, и кто-то держал его за руку.

Кованый Щит повернул голову, поморщился от вспыхнувшей боли в шее. *Исцелён, но не до конца. Лечение... не завершено...*

Рядом сидел на пятках Карнадас: согнулся и не двигался, бледная морщинистая макушка лысой головы лежала на уровне глаз Итковиана.

Костлявые пальцы с мертвенно-сухой кожей ледяной хваткой вцепились в его ладонь.

Кованый Щит легонько сжал руку.

Дестриант поднял лицо. Туго обтянувшая череп кожа была покрыта кровоподтёками – от суставов челюстей; красные с прожилками глаза утонули в угольно-чёрных провалах глазниц.

– Ох, – прохрипел старик. – Я подвёл вас, сударь...

– Отнюдь.

– Ваши раны...

– Они закрылись – я же чувствую. Мои шея, спина, колено. Осталась лишь едва ощутимая слабость, сударь. Легко поправимо.

Он медленно сел, удерживая спокойное выражение лица, несмотря на терзавшую его боль. Попытка согнуть колено заставила Итковиана покрыться потом, но внезапно боль утихла и в голове прояснилось. Он не вынул свою руку из ладони Дестрианта.

– Я всегда преклонялся перед вашим даром, сударь.

Карнадас умостил голову на бедре Итковиана.

– Мне конец, друг мой, – прошептал он.

– Я знаю, – ответил Кованый Щит. – Но мне – ещё нет.

Дестриант кивнул, не поднимая взгляд.

Итковиан огляделся. Ещё четыре койки, на каждой по солдату. Грубые одеяла накрывали их с головой. Опустив веки, два лекаря сидели прямо на запятнанном кровью полу, прислонившись спиной к стене, и спали в изнеможении. Возле маленькой двери в комнату

стояла вестовая «Серых мечей». Судя по чертам лица под шлемом, капанка. Итковиан уже видел похожую на неё девушку чуть моложе среди новобранцев... возможно, сестру.

– Как долго я был без сознания? Там дождь?

Карнадас не ответил. Двое лекарей тоже не проснулись. Спустя мгновение вестовая откашлялась:

– Сударь, осталось меньше колокола до полуночи. Дождь начался на закате.

На закате, в миг его смерти. Хватка на руке ослабла.

– Сколько солдат осталось здесь, сударыня? Сколько ещё у меня в распоряжении?

Она вздрогнула.

– Всего сто тридцать семь, сударь. Из них девяносто шесть новобранцев. Из «грив», которые были с вами на кладбище, выжили лишь одиннадцать человек.

– Наша цитадель?

– Пала, сударь. Всё сгорело.

– Дворец Джеларкана?

Девушка покачала головой:

– Вестей нет, сударь.

Итковиан медленно высвободил руку из безвольных пальцев Карнадаса и посмотрел на неподвижную фигуру. Пригладил редкие пряди волос. Спустя некоторое время Кованый Щит нарушил молчание:

– Позовите дневального, сударыня. Дестриант мёртв.

Вестовая взглянула на него широко распахнутыми глазами.

– Он присоединился к нашему Смертному Мечу, Брухалиану. Они мертвы.

Затем Итковиан нашарил сапоги на полу, почти потеряв сознание от острой боли в колене. Судорожно глубоко вдохнул, медленно выпрямился:

– Кто-нибудь из оружейников остался?

– Только подмастерье, сударь, – на миг замешкавшись, ответила женщина чуть дрогнувшим голосом.

– Мне нужна шина на колено, сударыня. Всё, что он или она сможет придумать.

– Да, сударь, – прошептала она. – Кованый Щит...

Он прервал поиски своей форменной накидки, взглянул на женщину. Та смертельно побледнела.

– Я... именно я огласила тринадцатую Заповедь Устава. Я прошу... законного наказания.

Её била крупная дрожь.

– Наказания, сударыня? Что за преступление вы совершили?

– Я доставила весть. От аколита Рат'Фэнера.

Она покачнулась от собственных слов, доспех глухо ударился от соприкосновения спины с дверью.

– Помилуй меня Фэнер! Смертный Меч – его отправила на гибель я!

Итковиан прищурился, внимательно разглядывая её.

– Вы ведь тот новобранец, который сопровождал меня и крылья в последнюю вылазку на равнину. Мои извинения, сударыня, за то что раньше не признал вас. Мне следовало предвидеть такой оборот... пережитое явно написано на вашем лице. Я отвергаю тот факт, что это вы огласили Устав, солдат. А теперь всё-таки найдите нам дневального и подмастерье.

– Но, сударь...

– Брухалиан знал, на что идёт. Вы понимаете? Кроме того, ваше присутствие здесь доказывает вашу невиновность в произошедшем. Если бы вы участвовали в измене, вы бы ехали вместе с ним, повинаясь его же приказу. И получили бы заслуженное. А теперь идите. Нельзя дольше ждать.

Не глядя на вестовую, по грязным щекам которой текли слёзы, Кованый Щит медленно заковылял к груде сваленных доспехов. Спустя мгновение женщина развернулась, открыла дверь и вылетела в коридор.

Итковиан остановился. Посмотрел на спавших лекарей.

– Я тот, кто несёт печаль Фэнера, – прошептал он. – Я – воплощение моего обета. И всего того, что он значит. У нас ещё остались незаконченные дела. У меня остались. Узрите, я не признаю поражения.

Итковиан выпрямился, и лицо его снова приобрело безразличное выражение. Боль отступила. Скоро это всё будет неважно.

Сто тридцать семь лиц под шлемами повернулись к Итковиану. Кованый Щит окинул взглядом ряды своих воинов, стоявших под струями дождя на тёмной улице. Остались два боевых коня: его собственный – на груди скакуна краснел свежий рубец, а в глазах бушевал огонь – и чёрный жеребец Брухалиана. Вестовая держала поводья обоих.

Металлические полосы от погнутой кирасы плотно обхватывали повреждённое колено с обеих сторон, достаточно неплохо гнулись во время езды или ходьбы, в то же время поддерживали Итковиана, когда он стоял. Медная проволока скрепила прорехи в кольчуге, вес доспеха ощущала ещё слишком слабая левая рука, а кожа между шеей и плечом натянулась и горела над не до конца сросшимися тканями. Ремни поддерживали руку согнутой, чтобы та могла нести щит.

– «Серые мечи», – обратился к воинам Итковиан. – Нам предстоит работа. Наш капитан и её сержанты разделили вас на отряды. Мы идём во дворец князя. Выходим скоро. Похоже, враг сплотился в основном вокруг Пленника. Если нам доведётся встретить случайные отряды, вероятно, они будут малочисленны, скорее всего тенескаури, и потому плохо вооружены и слабо подготовлены. Однако будьте начеку.

Итковиан обратился к единственному капитану, женщине, которая всего несколько дней назад была мастер-сержантом по подготовке капанских новобранцев.

– Сударыня, стройте в боевые порядки отряды.

Та кивнула.

Итковиан забрался на скакуна. Сконструированный буквально из ничего механизм облегчал посадку в седло. Кованый Щит принял поводья от вестовой и взглянул на неё сверху.

– Капитан пойдёт вместе с солдатами, сударыня. Кто-то должен ехать на коне Смертного Меча. Он ваш, новобранец. Он поймёт, на что вы способны, по тому, как вы держитесь в седле, и будет вас защищать. Не стоит мешать ему в этом.

Девушка ошеломлённо моргнула и медленно кивнула.

– Садитесь на коня и держитесь возле меня, сударыня.

Насыпь, ведущая к узким арочным воротам дворца Джеларкана, была чиста и свободна. Ворота стояли чуть приоткрытые. Впереди, в зале непосредственно за оградой, виделось тусклое мерцание факела. Стены и капониры никем не охранялись. Барабанная дробь дождя заканчивалась у входа, дальше лежали владения тишины, которая приветствовала Итковиана и его «Серых мечей».

Ведущие взводы разведали подходы к воротам, отчитались, что врага не видно. Как и кого-либо из выживших защитников. Как и тел.

Дым и тяжёлый туман заполнили пространство между камнями, полосы дождя застили небо. Все звуки далёких сражений исчезли.

Брухалиан просил шесть недель. Итковиан дал ему меньше трёх дней. Гнетущая истина терзала его, будто лекари забыли вынуть обломанный наконечник стрелы, и он всё ещё глубоко вгрызлся в тело, сжимая болью сердце.

У меня ещё есть дело.

Кованый Щит держался за эти слова. Стиснуть зубы и только вперёд. Взмах закованной в латы рукой послал первых разведчиков за ворота. Спустя некоторое время вернулся один солдат, сбежав по насыпи к Итковиану.

– Сударь, – доложила женщина, – внутри есть тенескаури. Похоже, в главном зале. По звукам – пируют и веселятся.

– Входы охраняют? – спросил Кованый Щит.

– Те три, что мы обнаружили, – нет.

В главный зал Джеларкана вели четыре входа. Двойные двери напротив главных ворот в привратницкой, два боковых проёма в коридоры, ведущие к комнатам охраны и гостей, и маленькая, скрытая портьерами дверца прямо за троном князя.

– Очень хорошо. Капитан, поставьте по одному взводу у боковых входов. Тихо. Шесть взводов пока ждут здесь, возле ворот. Оставшиеся пять со мной.

Кованый Щит осторожно спешил, стараясь опираться на здоровую ногу. Покачнувшись от внезапной боли, стрельнувшей в позвоночнике. Вестовая последовала его примеру и теперь подошла к нему. Успокаивая дыхание, Итковиан посмотрел на женщину.

– Подайте мне щит, – приказал он.

Один солдат помог ей приладить бронзовый щит к руке Итковиана, закрепил ещё один ремень на плече.

Кованый Щит опустил забрало на шлеме, вынул из ножен меч, пока капитан раздавала команды пяти взводам вокруг них.

– Арбалетчики – на вторую линию, не шуметь и держать оружие на взводе, но опущенным вниз. Первая линия, стену щитов, мечи наизготовку. Опустить забрала. Сударь, – капитан обратилась к Итковиану, – мы готовы.

Он кивнул и обратился к вестовой.

– Держитесь по левую руку от меня. А теперь вперёд.

Кованый Щит медленно направился вверх по скользкому от дождя склону.

Пятьдесят три безмолвных солдата следовали за ним.

Квадратную привратницкую освещал один трепещущий фонарь в скобе на правой стене. Два назначенных сюда взвода разошлись в стороны, а Кованый Щит повёл свой отряд по широкому коридору к главным двойным дверям. Шум дождя скрадывал звуки.

Из-за толстых дубовых дверей доносились приглушённые голоса. Смех на грани истерики. Треск горящего дерева.

Итковиан не остановился, когда достиг входа, он использовал щит, чтобы открыть двойные двери, и вошёл первым. Когда зашагал дальше, взводы позади рассыпались, взяв под контроль свой конец длинного сводчатого зала.

Все лица обратились к ним. Истощённые фигуры в лохмотьях поднялись со стульев с противоположного края стола. Послышался звук разбитой посуды и стук упавших костей. Женщина со спутанной гривой волос пронзительно взвизгнула и быстро метнулась к молодому человеку, который сидел на троне Джеларкана.

– Дорогая матушка, – отрывисто произнёс человек, подавая лоснящуюся от жира руку женщине, однако продолжая смотреть желтоватыми глазами на Итковиана, – успокойтесь.

Женщина схватилась за протянутую руку, упала на колени и захныкала.

– Это просто гости, матушка. Слегка припозднились и пропустили... княжеское угощение.

Кто-то в зале безумно захохотал.

Центр стола занимало гигантское серебряное блюдо, в котором развели уже почти догоревший костёр из разломанных ножек стульев и картинных рам. Над ним висели насаженные на копья останки человека с содранной кожей, их давно не переворачивали и снизу тело уже обуглилось. Ноги ниже колен отрубили, бёдра скрепили медной проволокой. Плечи заканчивались культиями и тоже были обвязаны. Голова осталась, проломленная и обугленная.

Куски мяса отрезали ножами со всех частей тела. Бёдра, ягодицы, грудь, спина, лицо. Но Итковиан знал, что этот пир вызвал не голод. Тенескаури в этом зале выглядели гораздо более сытыми, чем те, которых ему доводилось видеть. Нет, этой ночью они праздновали.

Слева от трона, наполовину сокрытый тенью, стоял крест, сделанный из двух скрещённых пик. На нём висела кожа князя Джеларкана.

– Любезный князь умер до того, как мы начали готовить, – произнёс юноша на троне. – Мы ведь на самом деле не жестоки. Ты не Брухалиан – он мёртв. Значит, ты – Итковиан, пресловутый Кованый Щит Фэнера.

Из-за трона выступили провидомины в тусклых доспехах и меховых плащах, лица скрывались за решётчатыми забралами, руки в латных перчатках сжимали тяжёлые боевые топоры. Четыре, восемь, дюжина. Двадцать. И они продолжали выходить.

Юноша на троне улыбнулся:

– Твои солдаты выглядят... усталыми. Они не подходят для такого особого задания. Ты знаешь меня, Итковиан? Я – Анастер, Первый Сын Мёртвого Семени. Скажи мне, где население этого города? Что ты с ними сделал? О, дай угадаю. Они скрываются в тоннелях под улицами. Их защищает горстка выживших джидратов, пара взводов твоих «Серых мечей», несколько солдат из капанской дружины князя. Думаю, князь Арард тоже хорошо спрятался. Какая жалость. Мы хотели обстоятельно побеседовать с ним. Что ж, продолжим искать входы. И мы найдём их. Мы очистим Капастан, Кованый Щит, хотя, увы, ты до этого счастливого дня не доживёшь.

Итковиан внимательно смотрел на юношу и увидел то, чего совсем не ожидал.

– Первый Сын, – сказал он, – в вас томится отчаяние. Я заберу его, сударь, вместе с вашим бременем.

Анастер вздрогнул, как от удара. Он подтянул колени, полностью забрался на сиденье трона, его лицо судорожно дёргалось. Рука нашарила странный обсидиановый кинжал на поясе и отпрянула, словно камень был раскалён.

Его мать закричала, вцепилась сильнее во всё ещё протянутую руку. Юноша с рычанием высвободил ладонь. Женщина упала на пол и свернулась в клубок.

– Я не ваш отец, – продолжил Итковиан, – но я буду *как* он. Излейте душу, Первый Сын. Юноша ошарашенно глядел на него, затем оскалил зубы.

– Кто... Что ты? – прошипел он.

Капитан шагнула вперёд.

– Мы прощаем ваше невежество, сударь. Он – Кованый Щит. Фэнер ведает печаль, такую великую, что уже не способен выдержать её. И он выбирает человеческое сердце. Закалённое. Смертная душа, которая вберёт всё горе целого мира. Кованого Щита. Последние дни и ночи видели невыносимо много скорби и позора – и весь он, теперь мы это видим, отражается печальным знанием в ваших глазах. Вы ведь тоже это понимаете, сударь?

– Вы не сможете это выдержать, – произнёс Итковиан. – Передайте своё отчаяние мне, Первый Сын. Я готов принять его.

Вопль Анастера зазвенел в огромном зале. Он забрался выше на спинку трона и обхватил себя руками.

Все взгляды были прикованы к нему.

Никто не шевелился.

Тяжело дыша, юноша посмотрел на Итковиана. Затем потряс головой.

– Нет, – слышался шёпот, – ты не получишь моё – моё! – отчаяние.

Капитан прошипела:

– Это дар! Первый Сын...

– *Нет!*

Итковиан начал оседать. Кончик меча задрожал и медленно пошёл вниз. Вестовая подставила плечо, поддерживая командира.

– Ты его не получишь! Не получишь!

Когда капитан обернулась к Итковиану, её глаза были широко распахнуты.

– Сударь, я не могу одобрить этого...

Кованый Щит встряхнул головой и медленно выпрямился вновь.

– Нет, я понимаю. В Первом Сыне нет ничего, кроме отчаяния. Без него...

Он ничто.

– Я хочу, чтобы их всех убили! – надломленным голосом крикнул Анастер. – Провидомины! Убить их всех!

Сорок провидоминов двинулись вперёд, огибая с обеих сторон стол.

Капитан рывкнула приказ. Первая линия слаженно упала на одно колено. Вторая вскинула арбалеты. Сорок четыре болта просвистели в комнате. Ни один не прошёл мимо цели.

Из боковых гостевых комнат вылетели ещё стрелы.

Первая линия сзади Итковиана поднялась и приготовила оружие.

Стоять остались только шесть провидоминов. Ещё корчащиеся и уже навечно замершие тела усыпали пол.

Тенескаури бросились из-за стола к дверце за тронном.

Первым добрался до неё Анастер, за ним, отставая на шаг, его мать.

Провидомин кинулся на Итковиана.

У меня ещё есть дело.

Сверкнул меч Итковиана. Голова вместе со шлемом полетела с плеч. Обратный взмах разорвал плетение кольчуги, вспоров живот другому провидомину.

Арбалеты запели вновь.

«Серые мечи» так и не вступили в ближний бой.

Кованый Щит опустил оружие.

– Капитан, – произнёс он какое-то время спустя, – снимите тело князя. И кожу. Нужно вернуть князя Джеларкана на престол, на его законное место. А мы останемся удерживать этот зал. Ненадолго. В память о князе.

– Первый Сын...

Итковиан обернулся к ней.

– Мы его ещё встретим. Я – его единственное спасение, сударыня, и я не подведу его.

– Вы – Кованый Щит, – нараспев ответила капитан.

– Я – Кованый Щит.

Я печаль Фэнера. Я печаль мира. И я выдержу. Я выдержу её всю. У нас ещё есть дело.

Глава семнадцатая

*Что способна вместить душа, не способна постичь плоть.
Имарак, Первый Дестриант. Устав Фэнера*

Горящая в лихорадке, чешуйчатая кожа двигалась, словно влажный, наполненный камнями мешок. Тело Матроны сочилось едким маслом, пропитавшим изодранную одежду Тока Младшего. Он скользил между складками плоти, пока огромная, раздутая к'чейн че'малле

металась по песчаному полу, а её массивные руки стискивали малазанца в яростных объятиях.

В пещере царил тьма. Проблески света, которые Ток видел, были порождены его собственным разумом. Иллюзии, которые могли бы быть воспоминаниями. Изодранные, раздробленные видения – невысокие холмы, покрытые жёлтой травой, под тёплым солнцем. Фигуры, где-то на самой грани видимого. Некоторые – в масках. Одна из них – лишь мёртвая кожа, натянутая на мощные кости. Другая... красота. Совершенство. Ток не верил ни в одну из них. Эти лица были лишь гримасами безумия, которые подплывали всё ближе, парили уже за плечом.

Когда сон овладел Током, ему приснились волки. Они охотились – не ради пропитания, но чтобы принести... нечто иное – Ток не знал, что именно. Добыча бродила в одиночестве и бросилась бежать, увидев его. Он ринулся за ней, бок о бок с братьями и сёстрами. Мчался без усталости, мили пролетали под его лапами. Маленькое испуганное существо не могло убежать от них. Ток и его сородичи приближались, загоняя добычу к склонам холмов, пока она наконец не споткнулась и не рухнула. Они окружили её.

Когда волки приблизились, чтобы принести то, что должны были принести... добыча исчезла.

Изумление, затем отчаяние.

Ток с сородичами окружили место, где она лежала. Морды поднялись к небу, траурный вой вырывался из глоток. Бесконечный вой. Когда Ток Младший моргнул и проснулся в объятиях Матроны, в спёртом воздухе пещеры плясали угасающие отзвуки его воя. Матрона сжала его сильнее. Скуля, она тыкалась клыкастой мордой в шею Тока, её дыхание пахло сладким молоком.

Его жизнь теперь подчинялась циклам. Сон, затем бодрствование, отмеченное видениями. Размытые фигуры в золотом солнечном свете, наваждение – он младенец в руках матери, присосавшийся к её груди. У Матроны не было груди, так что Ток знал, что это всего лишь наваждение, но оно тем не менее подкрепляло его. Когда он начинал опорожнять кишечник и мочевой пузырь, она держала его на расстоянии, чтобы Ток пачкал только себя. Затем она вылизывала его дочиста – жест, лишивший его последних крох собственного достоинства.

Её объятия ломали кости. Чем больше Ток Младший кричал от боли, тем крепче она его сжимала. Он научился страдать молча. Кости срастались противоестественно быстро. Порой неправильно. Он знал, насколько искорёжено его тело – грудь, бедра, лопатки.

Затем пришёл посетитель. Призрачное лицо в сморщенной старческой оболочке, с неясным намёком на проблеск клыков, оформилось в его мозгу. Взгляд желтоватых, сияющих радостью глаз, впился в глаза Тока.

Это двоящееся лицо казалось смутно знакомым, но Ток никак не мог вспомнить, откуда.

Посетитель говорил с ним.

Они в ловушке, друг мой. Все, кроме т'лан имасса, который боится одиночества. Иначе отчего он боится оставить своих спутников?

Проглочены льдом. Беспомощны. Заморожены насмерть. Сегулехи – не нужно их бояться. И никогда не было нужно. Я всего лишь играл. А эта женщина! Моя прелестная, покрытая инеем статуя! Волк и пёс исчезли. Сбежали. О да, – сородич, брат очей твоих... он сбежал, поджав хвост, хе-хе!

И снова.

Твоя малазанская армия опоздала! Слишком поздно спасать Капастан! Этот город – мой. Твои приятели-солдаты всё ещё в неделе пути отсюда. Мы подождём их. Мы поприветствуем их так, как делаем со всеми врагами.

Я принесу тебе голову малазанского генерала. Я принесу тебе его запечённую плоть, и мы снова пообедаем вместе, ты и я.

Сколько крови может пролить один мир? Ты никогда об этом не задумывался, Ток Младший? Посмотрим? Так давай же посмотрим. Ты, я и наша дорогая Матрона – о, я вижу ужас в её глазах? Похоже, в её прогнившем мозгу всё ещё теплится разум. Какое несчастье... для неё.

И вот он вернулся снова, после долгого отсутствия. Фальшивый облик старика туго обтягивал нечеловеческое лицо. Клыки виднелись, словно проступали через прозрачное покрывало. Глаза горели, но на этот раз – не радостью.

Обман! Это не смертные звери! Как смеют они испытывать мою оборону! Здесь, у самых ворот! Теперь и т'лан имасс исчез – нигде его не нахожу! Он тоже идёт?

Ну и ладно. Они тебя не разыщут. Мы втроём отправимся в путешествие. На север, куда они не смогут дотянуться. Я подготовил другое... гнездышко для вас двоих.

Не слишком удобно...

Но Ток его уже не слышал. Его разум унёсся прочь. Он видел резкий белый свет, болезненное, ослепительное сияние, исходящее от укрытых снегом гор и долин, похороненных в снежных реках. Кондоров, парящих в небе. А затем, значительно ближе – дым, разваливающиеся деревянные строения, обрушивающиеся каменные стены. Мечущиеся, кричащие фигуры. Багровые пятна на снегу, заполняющие мутные лужицы на гравийной дороге.

Взгляд – глаза, застланные алой дымкой, – метнулся в сторону. Чёрно-серый пятнистый пёс нёсся вперёд, его загривок был на уровне глаз воинов в доспехах, которых он раздирал с безумной жестокостью. Зверь двигался ко вторым, арочным воротам у подножия высокой крепости. Ничто не могло устоять перед ним, ничто не могло замедлить его движения.

Серая пыль взметнулась от плеч пса. Закружилась, свилась в руки и ноги, сжимающие бока зверя, в голову с костяным шлемом, меховой плащ – бьющееся на ветру крыло за спиной. Вверх взмыл иззубренный меч цвета старой крови.

У него хорошие кости и плохая плоть. У меня хорошая плоть и плохие кости. Разве мы не братья?

Пёс и наездник, словно видение из кошмара, врезались в огромные, окованные железом ворота.

Дерево взорвалось. В полумраке прохода ужас смешал ряды отступавших провидоминнов.

Несясь к проломленным воротам, Ток смотрел глазами своей волчицы, различил в тени очертания огромных рептилий по обе стороны пса и его немёртвого всадника.

Охотники К'елль подняли свои широкие мечи.

Волчица с рычанием рванулась вперёд. Ток не отводил глаз от ворот, и каждая их деталь была остра, как битое стекло, в то время как всё, лежащее по обе стороны, размывалось. Вес сместился, толкая его к охотнику К'елль, который слева приближался к псу и всаднику.

Существо развернулось, рубануло мечом, чтобы перехватить атаку.

Волчица нырнула под клинок, затем рванулась вверх, широко разинув пасть. Ток ощутил во рту кожистое горло, клыки глубоко впились в безжизненную плоть. Челюсти стиснулись. Кость треснула, затем раскрошилась, когда безжалостная волчья хватка усилилась; сила прыжка отбросила охотника К'елль назад так, что он врезался спиной в стену, – та содрогнулась от удара. Нижние и верхние клыки сошлись. Зазубренные коренные сомкнулись, прорываясь через одеревеневшие связки и иссохшие мускулы.

Волчица отгрызала голову от тела.

К'чейн че'малле под ней бился в судорогах. Дёргающийся клинок распорол правое бедро волчицы.

Ток вместе со зверем вздрогнули от боли, но не отступили.

Голова в изукрашенном шлеме упала, откатилась, глухо стуча, по покрытым грязью камням.

Волчица развернулась, рыча, с ошмётками плоти между зубов.

В углу под аркой пёс припал к земле, выгнув спину. Он истекал кровью. В одиночку он сражался со своими ранами.

Немёртвый мечник – *брат мой* – уже стоял на ногах, с невероятной скоростью обмениваясь ударами кремневого меча с парными клинками другого охотника К'елль. От к'чейн че'малля отлетали куски. Отрубленное предплечье взвилось в воздух и приземлилось возле вздрогнувшего пса.

Охотник К'елль отступил перед лицом стремительной атаки. Берцовые кости с хрустом раскололись. Огромное существо упало, во все стороны разбрызгивая талую грязь.

Неупокоенный воин взобрался на него и методично размахивал мечом, расчлняя к'чейн че'малля. Много времени ему для этого не потребовалось.

Волчица приблизилась к раненому псу. Зверь щёлкнул клыками – не подходи...

Ток внезапно ослеп, его оторвало от зрения волчицы.

Налетел пронзительный ветер, но Матрона держала его крепко. Движение. Быстрое. Они двигались через лабиринт, по дороге из растрескавшегося льда. Ток понял, что они сбежали из Обзора, сбежали из крепости, которая только что пала.

Пала перед Баальджагг. И Гаратом и Тленом. Гарат – такие раны...

– Тихо! – завизжал чей-то голос.

Провидец был с ними, вёл их через Омтоз Феллак.

Внезапная ясность ещё не покинула разум Тока. Его смех был похож на прерывистое бульканье.

– *Заткнись!*

Лабиринт содрогнулся от звука отдалённого грома, звука, с которым огромный слой льда... треснул, раскололся под разрушительным натиском чародейства.

Госпожа Зависть. Снова с нами...

Провидец закричал.

Лапы рептилии сжали Тока. Кости затрещали, раскалываясь. Боль толкнула его в пропасть. *Мои сородичи, мои братья...* Всё потемнело.

Ночное небо на юге горело алым. С поросшего редкими деревьями холма гибель Капастана была видна как на ладони, повергая в молчание свидетелей, – раздавались только скрип оружия и доспехов да чавканье в грязи сапог и мокасин.

Листья отзывались мерной капелью. Влажный перегной наполнял воздух запахом плодородия. Где-то рядом кашлянул человек.

Капитан Паран вытащил нож и начал соскребать грязь с сапог. Уже после первого взгляда на город он знал, чего ожидать. Разведчики Хумбролла Тора принесли весть об этом немного раньше. Осада окончена. «Серые мечи» могли бы потребовать астрономическую плату за свою службу, но обуглившиеся, обглоданные кости не сумели бы её забрать. Однако даже зная, чего ожидать, он не мог не содрогнуться при виде умирающего города.

Окажись на месте «Серых мечей» Багровая гвардия, перед Параном могла бы предстать совсем иная картина. Если не считать отряда Поклявшихся князя К'азза Д'Авора, наёмники, по мнению Парана, не стоили доброго слова. Много хвастовства – мало дела.

Будем надеяться, дети Хумбролла Тора справились лучше. Это казалось маловероятным. Возможно, остались какие-то очаги сопротивления. Маленькие группы зажатых в угол солдат, знающих, что пощады не будет, и готовых сражаться до последнего. На улицах, в домах, в комнатах. Предсмертные муки Капастана затянутся. *Опять-таки, если трекля-*

тые баргасты поднажмут, а не будут, как обычно, топтаться на месте, мы ещё можем успеть изменить этот исход.

Паран повернулся к своему «новому командиру», Тротцу.

Огромные глаза баргаста блеснули, когда он посмотрел на горящий город.

– Дожди почти не пригасили пламя, – хмуро прогромыхал он.

– Возможно, не всё так плохо, как кажется, – сказал Паран. – Я отсюда вижу около пяти крупных пожаров. Могло быть и хуже, я слышал рассказы об огненных смерчах...

– Ага. Мы однажды видели такой издалека, в Семи Городах.

– Что сказал Хумбролл Тор, вождь? Ускоряемся или стоим здесь?

Тротц ухмыльнулся, показав подпиленные зубы.

– Он отправит кланы Барахн и Ахкрата на юго-восток. Они должны захватить места высадки, плавучие мосты и баржи. Его родичи, сэнаны, пойдут с гилками на Капастан. Оставшиеся кланы захватят главное хранилище припасов септарха между рекой и городом.

– Всё это очень хорошо, но если мы и дальше будем бездельничать...

– Дети Тора, Хетан и Кафал, живы и в безопасности. Так говорят поплечники. Кости защищены странными чарами. Странными, но могущественными.

– Будь ты проклят, Тротц! Там гибнут люди! Людей там *едят!*

Баргаст ухмыльнулся шире.

– Поэтому я получил разрешение... вести свой клан с такой скоростью, с какой я сам решу. Капитан, хочешь ли ты стать первым из Белолицых, кто войдёт в Капастан?

Паран еле слышно зарычал. Он чувствовал потребность обнажить меч, отомстить, нанести наконец удар по Паннионскому Домину. В моменты ясности, когда утихал лихорадочный бред, Быстрый Бен дал ему понять, что Домин таит зловещие секреты и само сердце его запятнано злобой. Для капитана достаточным доказательством было само существование тенескаури.

Но в этой потребности Парана таилось большее. Капитан жил с болью. Его желудок горел. Он извергал кислотную желчь и кровь, но никому об этом не говорил. Боль связала его изнутри, и эти пути становились всё сильнее.

Ещё одна правда, которую я не хочу принимать. Она преследует меня, пробирается в мои мысли. Но я не готов к ней. Не сейчас, пока желудок горит...

Конечно, это было безумие, самообман, однако Паран верил, что боль утихнет и всё снова будет хорошо, как только он выпустит на свет пленённую в нём жестокость. Глупо это или нет, но он накрепко вцепился в эту веру. *Только тогда ослабнет давление. Только тогда.*

Он не был готов к провалу.

– Собирай «Мостожогов», – пробормотал Паран. – Мы можем подойти к северным воротам в течение колокола.

– Все тридцать с лишним человек, – проворчал Тротц.

– Проклятье, если уж мы так не сможем пристыдить баргастов, чтоб они пошевелились...

– Ты на это надеешься?

Паран посмотрел на него.

– Худ нас всех побери, Тротц, это ты попросил разрешения у Тора. Ты рассчитывал, что тридцать семь воинов самостоятельно отобьют Капастан? С бесчувственным магом на буксире?

Баргаст прищурился, разглядывая лежавший впереди город, пожал плечами и сказал:

– Быстрого Бена мы оставим здесь. А насчёт того, чтобы отбить город, – я собираюсь попробовать.

После долгой паузы капитан ухмыльнулся.

– Рад слышать.

Баргасты из племени Белолицых шли вперёд мучительно медленно. Раньше, при путешествии на юго-восток через горные равнины, стихийно возникающие поединки заставляли кланы останавливаться полдюжины раз в день. Наконец это стало происходить всё реже, а когда Хумбролл Тор решил выдать каждому клану отдельное задание в грядущей битве, для подобных задержек и вовсе не осталось возможности. Хотя всех вождей объединяло одно стремление – освободить своих богов, старинная вражда между кланами никуда не делась.

То, что роль вождя «Мостожогов» принял на себя Тротц, стало некоторым облегчением для Парана. Он ненавидел ответственность командира. Ответственность за благополучие каждого солдата становилась всё более тяжким бременем. Оказавшись вторым по званию, капитан ощутил, что оно стало чуть легче: не намного, но сейчас и этого было достаточно. Менее приятным было то, что Паран лишился роли представителя «Мостожогов». Теперь на военные советы ходил Тротц, а капитан остался не у дел.

Строго говоря, Паран по-прежнему был командиром «Мостожогов». Но подразделение превратилось в племя во всём, что касалось Хумбролла Тора и баргастов, а племена избирали своих вождей, и эта роль выпала Тротцу.

«Мостожогги» оставили позади поросшие редким лесом холмы и спустились к болотистым берегам сезонного потока, извилистое русло которого вело к городу. Дым пожаров скрыл звёзды на небе, а дожди последних дней размягчили землю под ногами так, что она поглощала все звуки. Оружие и доспехи были туго связаны, и «Мостожогги» шагали во тьме совершенно беззвучно.

Паран двигался на три шага позади Тротца, который по-прежнему держался за свою роль в старом взводе Скворца, – шёл первым. Не лучшее место для командира, но подходящее для вождя баргастов. Капитану это не нравилось. Более того, это слишком ясно говорило об упрямстве Тротца, его неумении приспособливаться, не лучшим для военачальника качестве.

Паран ощутил невидимое присутствие за плечом, прикосновение далёкого, но знакомого разума. Он скривился. Серебряная Лиса становилась сильнее. Она дотягивалась до него уже трижды на этой неделе. Лёгкое прикосновение сознания, словно касание кончиками пальцев. Капитан спрашивал себя, может ли она видеть то, что видит он, читает ли его мысли. Учитывая, сколько всего он держал в себе, Паран инстинктивно начал избегать её касаний. Свои тайны он предпочитал хранить при себе. У Серебряной Лисы не было никакого права их красть, если, конечно, она делала именно это. Даже тактическая необходимость не оправдывала такого поступка в глазах капитана. Прикосновение не исчезало, и он хмурился всё сильнее. *Если это она. Но вдруг это...*

Впереди остановился Тротц, припал к земле, подняв руку. Дважды подал знак.

Паран и ближайший солдат приблизились к баргасту.

Они достигли северной паннионской заставы. Лагерь был паршивый – никакой организации, разбит наспех, да и людей явно не хватало. Дорожки между траншеями, ямами и россыпью потрёпанных палаток были завалены мусором. В воздухе стояла вонь из-за неудачно расположенных отхожих мест.

Трое мужчин ещё некоторое время разглядывали открывшуюся картину, затем вернулись к остальным. Вперёд скользнули взводные сержанты. Началось совещание.

Штырь, тот самый солдат, который сопровождал Парана, заговорил первым:

– На позициях средняя пехота, – прошептал он. – Два небольших отряда, судя по паре знамён...

– Две сотни, – согласился Тротц. – Остальные в палатках, больные и раненые.

– Я бы сказал, в основном больные, – ответил Штырь. – Судя по запаху – дизентерия. Эти паннионские офицеры куска навоза не стоят. Больные драться не будут, что бы мы ни делали. Думаю, все остальные в городе.

– За воротами, – проворчал Тротц.

Паран кивнул.

– А перед ними – множество трупов. Может, тысяча, может, больше. На самих воротах баррикад нет, и стражи я не видел. Самонадеянность победителей.

– Надо пробиться через среднюю пехоту, – пробормотал сержант Мураш. – Штырь, как у тебя и твоих сапёров с морантской взрывчаткой?

Коротышка ухмыльнулся.

– Снова осмелел, а, Мураш?

Сержант сердито глянул на него.

– Мы же тут воюем, разве нет? Отвечай на вопрос, солдат.

– У нас её много. Хотя неплохо было бы иметь парочку таких бомбомётов, какие Скрипач делает.

Паран моргнул, а затем вспомнил огромные арбалеты, которыми Скрипач и Вал увеличивали дальность «руганей».

– Может, у Вала есть? – спросил он.

– Он, дурак, его сломал. Нет, мы забросим парочку «руганей», но только для затравки. Сегодня будет «шрапнель». От «горелок» слишком много света, тогда враги увидят, как нас мало... «Шрапнель». Пойду, соберу парней и девиц.

– Я думал, что ты маг, – пробормотал Паран, когда Штырь направился к стоявшим позади взводам. Тот обернулся.

– Так и есть, капитан. Но я ещё и сапёр. Смертоносное сочетание, а?

– Для нас смертельное, – парировал Мураш. – Это, и твоя проклятая рубаха...

– Эй, выгоревшие куски отрастают – видишь?

– За работу, – прорычал Тротц.

Штырь принялся собирать взводных сапёров.

– Значит, просто прорвёмся, – сказал Паран. – С «шрапнелью» сложностей не должно возникнуть, но тогда враг сомкнётся за нами с флангов...

Штырь вернулся как раз вовремя, чтобы крикнуть и сказать:

– Для этого мы и затравим «ругань», капитан. Две капли на воск. Десять ударов сердца. Команда «бегите!», и когда мы её заорём, именно это вам и надо делать, причём быстро. Если, когда она взорвётся, будете меньше, чем в тридцати шагах, – вас на фарш порвёт.

– Готовы? – спросил Штыря Тротц.

– Да. Нас девятёро, рассчитывайте, что мы прорубим путь в тридцать шагов шириной.

– К оружию, – скомандовал баргаст. Затем Тротц потянулся, схватил Штыря за рубаху, притянул ближе и оскалился. – И чтобы без ошибок.

– Без ошибок, – согласился солдат, расширившимися глазами глядя на заострённые зубы Тротца, оказавшиеся в тревожной близости от своего лица.

Через мгновение Штырь и его восемь товарищей уже двигались к заставе, словно бесформенные тени в дождевиках с капюшонами.

Паран снова ощутил присутствие. Он мысленно делал всё, что мог, чтобы оттолкнуть его. Кислота в желудке бурлила, нашёптывала обещание боли. Капитан глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться. *Если скрестятся мечи... Это будет впервые. Моя первая битва за всё это время...*

Вражеские пехотинцы сидели группами – по двадцать с лишним человек у каждого из ряда костров на единственном в лагере возвышении – бывшей просёлочной дороге, которая шла параллельно городской стене. Паран прикинул: полосы в тридцать шагов шириной

достаточно, чтобы перебить большую часть трёх групп. И останется сотня с лишним паннионцев, способных дать отпор. Если среди них есть толковые офицеры, дело может обернуться худо. *Хотя, будь там толковые офицеры, лагерь выглядел бы совсем иначе...*

Сапёры припали к земле. Капитан больше не видел их. Перехватив меч поудобнее, он глянул через плечо, проверяя, как там остальные «мостожоги». Хватка была впереди, болезненно морщилась. Паран как раз хотел спросить, что случилось, но тишину ночи разорвали звуки взрывов. Капитан обернулся.

Тела корчились в свете рассыпавшихся костров.

Тротц издал залиvistый боевой клич.

«Мостожоги» рванулись вперёд.

Взорвались ещё «шрапнели», теперь по бокам, отбрасывая растерянных солдат на соседние костры.

Паран увидел, как тёмные фигуры сапёров сошлись впереди, присели среди мёртвых и умирающих паннионцев.

Арбалеты звякнули в руках дюжины «мостожогов».

Зазвучали крики.

Вслед за Тротцем «мостожоги» добежали до мертвецкой дороги, миновали сторбившихся сапёров: все, как один, готовили более крупные бомбы – «ругань». Две капли кислоты на восковую затычку в глиняной гранате.

Многоголосое приглушённое шипение.

– *Бегите!*

Паран выругался. Внезапно десять ударов сердца показались мгновением. «Ругань» была самой сильной из всего разнообразия морантской взрывчатки. Одна такая бомба могла сделать непроходимым перекрёсток четырёх улиц. Капитан побежал.

Сердце чуть не остановилось у него в груди, когда Паран посмотрел на ворота впереди. Тысячи трупов зашевелились. *Проклятье. Это не трупы. Спящие. Эти ублюдки спали!*

– Ложись-ложись!

Команда была малазанской, голос принадлежал Валу.

Паран замешкался ровно настолько, чтобы увидеть, как Штырь, Вал и другие сапёры догоняют их... чтобы метнуть «ругани». Вперёд. В скопившихся между ними и воротами тенекаури. Затем сапёры рухнули на землю.

– О, Худ! – Капитан бросился вниз, скользнув по мокрому песку, выпустил меч и зажал уши руками.

Земля выбила воздух из его лёгких, подбросила ноги в воздух. Он опрокинулся в грязь на спину. Паран начал перекатываться, когда впереди взорвалась «ругань». Он закувыркался от ударной волны, сверху посыпался град кровавых ошмётков.

Что-то большое упало рядом с головой Парана. Он открыл глаза и увидел бёдра человека – только бёдра, зияющую мокрой чернотой полость, в которой должны были быть кишки. Ляжек не было, их оторвало по суставу. Капитан смотрел.

В ушах звенело. Он чувствовал, как из носа течёт кровь. Грудная клетка болела. Отдалённые крики наполнили ночь.

Чья-то рука ухватила его за ворот плаща, поставила на ноги.

Молоток. Целитель приблизился, вложил меч ему в руки и прокричал слова, которые Паран еле расслышал:

– Быстрее! Все отсюда бегут к Худовой матери! – И толчком отправил капитана вперёд.

Глаза Парана видели, но разум отказывался осознавать разрушения с обеих сторон дороги, по которой он сейчас мчался к Северным воротам. Он чувствовал, как отключается изнутри, даже спотыкаясь и продираясь через человеческие останки... отключается как раньше, несколько лет назад, на дороге в Итко-Кане.

Десница мести недолго оставалась холодной. Любая душа, в которой сохранилась хоть толика человечности, не могла не увидеть реальность за жестоким приговором, каким бы справедливым он поначалу ни казался. Бледные, мёртвые лица. Изломанные тела в неестественных, невозможных позах. Разрушенные жизни. Месть поднесла зеркало ко всякой жестокости – и в отражении понятия добра и зла размылись, утратили всякий смысл.

По сторонам капитан видел бегущих солдат. Затрещали несколько «шрапнелей», ускоряя бегство.

«Мостожоги» заявили врагу о себе.

«Мы равны им в расчётливой жестокости, – понял капитан на бегу. – Но это война нервов, в которой никому не победить».

Безраздельная тьма ворот поглотила Парана и его «Мостожогов». Сапоги заскользили, когда солдаты остановились после безумной гонки. Припали к земле. Перезарядили арбалеты. Ни слова.

Тротц выбросил руку и притянул Вала поближе. Баргаст жёстко встряхнул сапёра и собрался с размаху швырнуть на землю. Вскрик Штыря остановил его. В конце концов, у Вала был кожаный мешок, полный взрывчатки. Лицо Вала всё ещё представляло собой огромный синяк после нежностей Дэторан. Он выругался.

– Выбора не было, обезьяна!

Паран услышал эти слова. Уже лучше. Он не был уверен, на чьей он стороне сейчас, но правда заключалась в том, что это не имело значения.

– Тротц! – рявкнул он. – Теперь что? Если будем ждать здесь...

Баргаст проворчал:

– В город, тихо.

– В каком направлении? – спросил Мураш.

– К Пленнику...

– Хорошо, но что это?

– Светящаяся цитадель, идиот тупоголовый.

Они продвинулись вперёд, из-под мрака арочного прохода на площадь прямо за ним. И замедлили шаг, когда мерцающее пламя пожара высветило ужасную картину впереди.

Здесь была безжалостная бойня, а затем – пир. Булыжники были покрыты костями, порой обглоданными, а порой – алыми и влажными, с остатками плоти и сухожилий. И две трети мертвецов, насколько капитан мог понять по форме и одежде, принадлежали захватчикам.

– О боги, – пробормотал Паран, – паннионцы дорого заплатили.

Похоже, мне стоит пересмотреть своё отношение к «Серым мечам».

Штырь кивнул.

– И всё же – численный перевес важнее.

– Приди мы на день или два раньше... – проговорил Молоток.

Никто не договорил за него. Не было нужды.

– Что с тобой, Хватка? – спросил Мураш.

– Ничего! – огрызнулась женщина. – Ничего.

– Так что, это – Пленник? – спросил Вал. – Тот сверкающий купол? Там, за дымом...

– Идём, – сказал Тротц.

«Мостожоги» насторожённо двинулись за баргастом через жуткую площадь к главной улице, которая, похоже, вела прямо к странно светившемуся строению. Архитектура домов и зданий по обе стороны улицы – по крайней мере, тех, что ещё стояли, – показалась Парану отчётливо даруджийской. Остальной город, насколько он мог заметить по боковым переулкам, на которых всё ещё бушевали пожары, был совершенно другим. Смутно чуждым. И везде – трупы.

Дальше по улице куча всё ещё покрытых плотью тел возвышались, словно холм.

«Мостожоги» ничего не говорили, приближаясь к склону этого холма. Представшую перед ними правду было сложно понять. Только на одной этой улице находилось не менее десятка тысяч тел. Возможно, больше. Влажная, уже разбухшая бледная плоть вокруг зияющих ран, из которых вытекла кровь. Курганы из тел у входов в здания, устья переулков, ворот усадеб, ступенчатых подходов к разграбленным храмам. На лицах и в невидящих глазах плясали отблески пламени, коверкая их подобием движения, иллюзией жизни.

Чтобы идти дальше, «мостожогам» нужно было взобраться по этому склону.

Тротц не колебался.

От небольшого арьергардного отряда пришла весть: тенескаури вошли через ворота и, словно беззвучные призраки, двигались за ними. Несколько сотен, не больше. Плохо вооружённые. Не проблема. Тротц в ответ на это только пожал плечами.

Они пробирались вверх по мягкому склону из тел.

Не смотреть вниз. Не думать о том, что находится под ногами. Думать только о защитниках, которые сражались здесь. Думать о почти нечеловеческом мужестве, об отрицании смертных границ. Об этих «Серых мечях» – неподвижных, одетых в форму тел в дверных проходах и переулках. О тех, что продолжали сражаться вопреки всему. Не сдающихся ни перед чем. Заживо порубленных на куски.

Эти солдаты посрамили всех нас. Это урок... для «мостожогов» вокруг меня, этого беспокойного отряда с разбитым сердцем. Мы пришли на войну, где нет милосердия.

Холм был сформирован. Его сложили намеренно. Это был подход. К чему?

Настил из трупов завершился неровной грудой тел на расстоянии меньше человеческого роста от крыши доходного дома. Напротив здания была точно такая же груда, но огонь превратил её в тлеющий курган.

Тротц ступил на самый край обвала. Остальные последовали за ним, пригибаясь, оглядываясь, пытаясь осознать значение увиденного. Обвалившийся край открыл правду: у этого жуткого сооружения не было основания. Не было ничего, кроме трупов.

– Осадный холм, – наконец сказал Штырь тихо, почти неуверенно. – Они хотели до кого-то добраться...

– До нас, – пророкотал низкий голос над ними.

Арбалеты взметнулись наверх.

Паран посмотрел на крышу. У её края выстроилась дюжина фигур, освещённых отдалёнными пожарами.

– Они принесли лестницы, – продолжил голос, теперь по-даруджийски. – Мы всё равно их уделали.

Эти воины не принадлежали к «Серым мечам». Они были вооружены, но снаряжение было очень разнородным. У всех лица и открытые участки тела были разрисованы полосками и зубцами. Люди-тигры.

– Краска мне нравится, – отозвался Вал, тоже по-даруджийски. – Чуть не обделался со страху, не скрою.

Воин – высокий и массивный, сабли цвета кости с чёрными полосками в укрытых кольчужными рукавицами руках – ответил:

– Это не краска, малазанец.

Последовала тишина.

Затем он взмахнул клинком.

– Поднимайтесь, если хотите.

На крыше показались лестницы, соскользнули по краю.

Тротц колебался. Паран подошёл к нему.

– Мне кажется, стоит. Есть что-то в этом человеке и его последователях...

Баргаст фыркнул.

– Да ну? – И жестом подозвал «мостожогов» к лестницам.

Паран следил за подъёмом, решив подниматься последним. Он увидел, что Хватка отстала.

– Проблемы, капрал?

Она вздрогнула, потирая правую руку.

– Тебе больно, – сказал капитан, подходя к ней и глядя на искажённое лицо. – Ты ранена? Пойдём к Молотку.

– Он мне не поможет, капитан. Не обращайтесь внимания.

Я отлично знаю, что ты чувствуешь.

– Тогда лезь.

Капрал направилась к ближайшей лестнице, словно к виселице.

Паран посмотрел назад. Призрачные фигуры двигались в сумраке у дальнего края горы трупов. За пределами действия любого оружия. Вероятно, они не хотели подниматься по склону. Капитана это не удивило.

Борясь с приступами боли, он полез вверх по лестнице.

Плоская крыша здания походила на маленький трущобный посёлок. Навесы и палатки, костры, тлеющие на перевернутых щитах. Пакеты с едой, сосуды с водой и вином. Ряд завернутых в одеяла фигур – павшие, всего семеро. Паран видел под навесами других, скорее всего – раненых.

Возле чердачного люка было поднято знамя, жёлтый флаг из детской рубашки с тёмными полосами.

Воины стояли молча, наблюдая, как Тротц послал отряды к каждому краю крыши, чтобы проверить, что находится под домом и напротив него.

Предводитель внезапно обернулся, пугающе грациозным, текучим движением, и посмотрел на капрала Хватку.

– У тебя есть что-то для меня, – громко сказал он. Её глаза расширились.

– Что?

Воин вложил в ножны одну из сабель и подошёл к ней.

Паран и другие малазанцы, находившиеся поблизости, смотрели, как он потянулся к правой руке Хватки, схватил за обтянутое кольчугой плечо. Раздался приглушённый треск.

Хватка ахнула.

Мгновение спустя она со звоном бросила меч на просмолённую крышу и быстрыми, резкими движениями принялась стаскивать кольчужную накидку. В порыве облегчения Хватка заговорила:

– Хвала Бери! Я не знаю, кто ты, Худом клянусь, но они меня *убивали*. Сходились всё ту же и ту же. О боги, такая боль! Он сказал, что я не смогу их снять, что они навсегда останутся со мной. Даже Быстрый Бен так говорил – нельзя заключать сделку с Тричем. Мол, Тигр Лета сумасшедший, чокнутый...

– Мёртвый, – прервал её даруджиец.

Наполовину освободившись от кольчуги, Хватка замерла.

– Что? – прошептала она. – Мёртв? Трич мёртв?

– Тигр Лета Взощёл, женщина. Трич – Трейк – сейчас ходит среди богов. Я их заберу. И спасибо, что принесла их мне.

Хватка выпростала правую руку из рукава. Три торквеса из слоновой кости скатились к кисти.

– Вот! Пожалуйста! Рада услужить...

– Попридержи язык, Хватка, – оборвал её Мураш. – Ты позоришь нас! Просто отдай ему эти проклятые штуковины!

Хватка осмотрелась.

– Дымка! Где ты прячешься, женщина?

– Здесь, – пробормотал голос за спиной Парана.

Захваченный врасплох, он отшатнулся. *Будь она проклята!*

– Ха! – ликующе крикнула Хватка. – Слышишь, Дымка? *Ха!*

Взводы снова собрались вместе.

Даруджиец закатал изорванный рукав. Полосатый орнамент покрывал крупные, чётко очерченные мускулы на руке. Он натянул три браслета выше локтя. Слоновая кость щёлкнула. Что-то полыхнуло янтарём в темноте под шлемом.

Паран разглядывал воина. *В нём живёт зверь, древний, пробуждённый дух.* Вокруг даруджийца клубилась сила, но капитан чувствовал, что она рождается из естественного духа предводителя настолько же, насколько и из скрытого внутри зверя – и этот зверь предпочитал одиночество. Каким-то образом его могучую силу почти присвоила себе властность даруджийца. *Вместе они – внушительный союз. Ошибки быть не может, это важный человек. Что-то должно произойти здесь, и моё присутствие не случайно.*

– Я – капитан Паран из Войска Однорукого.

– А вы не спешили, да, малазанец?

Паран моргнул.

– Мы сделали всё, что смогли, сэр. В любом случае, нынче ночью и завтра придёт подкрепление от племени Белолицых.

– Отец Хетан и Кафала, Хумбролл Тор. Хорошо. Пришло время изменить ход событий.

– Изменить ход событий? – пробормотал Мураш. – Да вам, похоже, не нужна была помощь, чтобы его изменить, дружище.

– Тротц, – крикнул Вал. – Мне не нравится то, что у нас под ногами. Трещины. Вся эта крыша покрыта трещинами.

– Со стенами – то же самое, – отметил другой сапёр. – Со всех сторон.

– Это здание наполнено трупами, – сказал невысокий воин в лестийской броне, стоявший рядом с даруджийцем. – Похоже, они разбухают.

Не сводя глаз с могучего даруджийца, Паран спросил:

– У тебя есть имя?

– Остряк.

– Вы из какой-то секты или вроде того? Воины-храмовники?

Остряк медленно повернулся к нему, его лицо было почти скрыто забралом шлема.

– Нет. Мы ничто и никто. Это ради женщины. А теперь она умирает...

– Какая палатка? – перебил его Молоток своим высоким, тонким голосом.

– Путь Дэнул отравлен...

– Ты чувствуешь это, да, Остряк? Любопытно. – Целитель подождал и снова спросил: – Какая палатка?

Лестийский спутник Остряка указал на палатку.

– Там. Её сильно ранили. Кровь в лёгких. Она, возможно, уже... – Он замолчал.

Паран последовал за Молотком к истрёпанному навесу.

Лежавшая внутри женщина была бледна, её молодое лицо – искажено и напряжено. Пенящаяся кровь окрасила губы.

И здесь есть что-то большее.

Капитан смотрел, как целитель опустился на колени возле неё, протянул руки.

– погоди, – проворчал Паран. – В прошлый раз это чуть не убило тебя...

– Но не мой дар, капитан. Духи баргастов поддерживают меня на сей раз, сэр. Снова. Не знаю почему. Возможно, кто-то в этом лично заинтересован. Впрочем, может быть слишком поздно. Посмотрим... хорошо?

Помедлив, Паран кивнул.

Молоток положил руки на лежавшую без памяти женщину, закрыл глаза. Миновала дюжина ударов сердца.

– Ай, – наконец прошептал он, – здесь много слоёв. Раненая плоть... раненый дух. Мне нужно излечить всё это. Так что... вы мне поможете?

Капитан понял: вопрос адресован не ему, – и не ответил.

Молоток вздохнул, не открывая глаз.

– Вы готовы принести такие жертвы ради этой женщины? – Он прервался, всё ещё не открывая глаз, затем нахмурился. – Я не вижу нитей, о которых вы говорите. Ни в ней, ни в Остряке, ни в мужчине рядом со мной...

Рядом с тобой? Во мне? Нити? Боги, почему вы просто не оставите меня в покое?

– ...но я вам верю. Начнём?

Тянулись мгновения, целитель неподвижно сидел рядом с женщиной. Затем она шевельнулась на тюфяке, тихо застонала.

Навес разорвался, затрещали тросы. Паран удивлённо вскинул голову и увидел стоявшего над ними Остряка, его грудь вздымалась.

– Что? – выдохнул даруджиец. – Что?..

Он отступил на шаг, повинуясь мощной хватке Тротца на своих плечах.

– Не бывает слишком поздно, – прорычал баргаст.

Подходящий к ним Мураш ухмыльнулся.

– Привет, Капастан. «Мостожоги» пришли.

На рассвете звуки сражения доносились с севера и востока. Кланы Белолицых наконец столкнулись с врагом. Позже Хватка и остальные узнали о внезапной кровавой схватке, которая произошла на пристанях и берегу реки Серп. Кланы Барахн и Ахкрата столкнулись с новоприбывшими полками бетаклитов и бетруллидской кавалерии. Вместо того, чтобы защищать плохо подготовленные оборонительные позиции, командир решил контратаковать, и вскоре баргастам, атакованным со всех сторон, пришлось окапываться. Барахны славились первыми. Последовавшая резня укрепила решимость ахкратов, и они продержались до полудня, когда Тор отвёл племя Гилк от вылазки в город и отправил закованных в черепаший панцири воинов на помощь. Равнинный клан, закалённый в бесконечных войнах с конными противниками, сцепился с бетруллидами и дал ахкратам возможность разнести бетаклитов и захватить понтонные мосты и баржи. Последних солдат паннионской средней пехоты они загнали на мель в реке, и вода окрасилась алым. Выжившие бетруллиды сбежали от гилков, направившись вдоль берега на север, к болотам – и совершили роковую ошибку, так как их кони застряли в солёной грязи. Клан Гилк преследовал паннионцев, чтобы возобновить избиение, которое завершилось только в сумерках. Подкрепление септарха Кульпата было уничтожено.

Атака Хумбролла Тора на город вызвала паническое бегство. Отряды провидомингов, урдомов, беклитов, скаланди и бетаклитов были окружены и разъединены десятками тысяч тенескаури, которые бежали от мечей и копий баргастов. Главные улицы превратились в потоки людей – бурлящее наводнение, рвущееся в западном направлении, изливающееся на равнину через пробоины в стенах с той стороны.

Тор не мешал своим кланам пуститься в яростную погоню, загнавшую паннионцев ещё дальше на запад.

Прижавшись к крыше, Хватка посмотрела вниз, на орущую, охваченную паникой толпу. Человеческий прилив врзался в гору тел, прорубая в ней просеки, – узкие проходы меж стен холодной плоти. Каждый такой проход запрудили люди, и другим приходилось

карабкаться поверх них, иногда – на расстоянии меньше удара длинной пики от малазанских позиций.

Несмотря на тот ужас, который она наблюдала внизу, Хватка чувствовала, будто с её плеч свалилась тяжкая ноша. Проклятые браслеты больше не сдавливали руку. Чем ближе малазанцы подходили к городу, тем теснее и горячее становились торквесы – ожоги опоясывали плечо Хватки, а глубокая боль по-прежнему отзывалась в костях. Вся эта история порождала множество вопросов, но Хватка не была готова размышлять над ними.

С улиц восточнее донеслись уже привычные звуки бойни, рокочущим фоном которым служили нестройные боевые кличи баргастов. Паннионцы сформировали что-то вроде арьергарда: остатки беклитов, урдомов и провидоминов сомкнули ряды в попытке задержать наступление Белолицых. Этот арьергард быстро распадался, уступая баргастам числом.

С крыши не уйти, пока не пройдёт убегающий враг, как бы Вал ни ныл про трещины в фундаменте и тому подобное. Хватка была этому весьма рада. «Мостожоги» вошли в город. За стеной и у северных ворот было трудно, но за вычетом этого всё прошло легко – легче, чем она ожидала. Морантская взрывчатка смогла уравнять шансы, если не полностью переменить картину битвы.

Клинки ещё ни разу не пришлось пускать в ход. Прекрасно. Мы уже не так хороши, как бы ни хвастался Мураш.

Хватка гадала, далеко ли Дуджек и Бруд. Капитан Паран отправил Вывиха к ним, как только стало ясно, что Хумбролл Тор объединил племена и готов дать команду идти на Капастан. Быстрый Бен вышел из строя, а Штырь слишком боялся испытывать Пути, так что узнать, удалось ли Чёрному моранту добраться, было невозможно.

Кто знает, что с ними случилось. Сказки баргастов о нёмёртвых демонах-рептилиях на равнине... и заражённые Пути. Кто докажет, что яд этот – не дорога для какой-нибудь дряни? Штырь говорит, будто Пути больны. Что если их просто захватили? Может, кто-то пользуется ими прямо сейчас. Может, кто-то пришёл по Путям и врезал им со всей мочи. Может, где-то на равнине уже гниют тридцать тысяч тел. Может, мы – последние из Войска Однорукого.

Баргасты, похоже, не собирались воевать после освобождения Капастана. Они хотели вернуть кости своих богов, вот-вот племена их добудут и тогда, наверное, направятся домой.

Если мы останемся одни... что решит Паран? Вид у треклятого аристократа полухлопый. Больной он. Ему в мысли боль гвозди заколачивает, а это нехорошо. Совсем нехорошо.

За спиной Хватки скрипнули сапоги, кто-то ступил на край крыши. Она посмотрела вверх и увидела рыжеволосую женщину, которую Молоток вернул почти с того света. В правой руке она держала рапиру с обломанным на треть от рукояти клинком. Кожаный доспех был изодран и покрыт бесчисленными пятнами засохшей крови. На её лице застыло странное выражение – ломкое и почти... удивлённое.

Хватка выпрямилась. Снизу доносились оглушительные крики. Она пододвинулась к женщине и сказала:

– Осталось уже недолго. Отсюда видны передние ряды баргастов. – Хватка указала рукой.

Женщина кивнула, затем сообщила:

– Меня зовут Скалла Менакис.

– Капрал Хватка.

– Я говорила с Дымкой.

– Удивительно. Она не из разговорчивых.

– Она рассказала мне о торквесах.

– Рассказала, значит?

Скалла пожала плечами, поколебалась, но спросила:

– Ты... ты посвящённая Трейка или что-то в этом роде? Многие солдаты присягали ему, как я понимаю. Тигр Лета, Повелитель Битвы...

– Нет, – проворчала Хватка. – Не присягала я никому. Просто решила, что они колдовские – торквесы эти.

– Значит, ты не знала, что избрана доставить их. Передать... Остряку...

Хватка окинула женщину взглядом.

– Это тебя с толку сбило, да? Твой друг Остряк. Ты бы ни в жизнь не поверила, что он может стать... ну, тем, кем стал.

Скалла скривилась.

– Если честно, – кто угодно, но не он. Остряк – циничный ублюдок, любитель выпить. О да, он умён, насколько бывают умны мужчины. Но теперь, когда я смотрю на него...

– Не узнаёшь.

– Дело не только в отметинах. Его глаза... Это кошачьи глаза, глаза тигра. Такие же холодные, такие же бесчеловечные.

– Он сказал, что сражался за тебя, женщина.

– По-твоему, я послужила ему оправданием.

– Не то, чтоб я видела здесь разницу.

– Но она есть.

– Как скажешь. В любом случае, правда – вот она, прямо перед тобой. В этом проклятом доме-склепе. Подери нас всех Худ, она – во всех спутниках Остряка: не он один тут в полосу, правда? Этот человек встал между паннионцами и тобой, и этого было достаточно, чтобы втянуть остальных. Это Трич всё устроил? Может, и правда он, и может, я тоже сыграла свою роль – явилась с торками на руке. Но теперь-то я со всем этим покончила, и меня это устраивает.

И я не собираюсь больше об этом думать.

Скалла покачала головой.

– Я не склонюсь перед Трейком. Клянусь Бездной, я нашла себя у алтаря другого бога. Я уже сделала свой выбор, и это не Трейк.

– Хм. Возможно, тогда *твой* бог решил, что из всей этой истории с Остряком будет польза. Не только люди нити плетут и паутину прядут, верно? Не только мы ходим в ногу и работаем вместе, чтобы получить что-то выгодное обоим, – и ничего не объясняем остальным. Я не завидую тебе, Скалла Менакис. Внимание смертельно, если оно – внимание бога. Но всякое бывает...

Хватка замолчала.

Ходим в ногу. Её глаза сузились. И держим остальных в неведении.

Хватка развернулась, оглядела группу у палаток, взглядом отыскала Парана. Капрал повысила голос:

– Эй, капитан!

Он поднял взгляд.

А что у тебя, капитан? Хранишь свои секреты? Лови догадку.

– Есть вести от Серебряной Лисы? – спросила она.

Все «Мостожог» уставились на офицера-аристократа.

Паран отпрянул, будто его ударили. Одна рука прижалась к животу, словно от приступа боли. Стиснув зубы, он смог поднять голову и встретиться глазами с Хваткой.

– Она жива, – процедил капитан.

Я так и думала. Это ты неосторожно, капитан. Выходит, ты кое-что скрывал от нас. Плохое решение. Когда нас, «Мостожогов», последний раз заставили блуждать впотьмах, там почти все и погибли.

– Они близко? Насколько, капитан?

Хватка видела, какой эффект производили её слова, но какая-то часть её продолжала злиться, достаточно для того, чтобы быть жестокой. Офицеры всегда что-то скрывали. Именно это «Мостожоги» особенно презирали, когда речь шла о командирах. Неведение было смертельным.

Паран медленно заставил себя выпрямиться. Сделал глубокий вдох, затем другой, заметно подавляя боль.

– Хумбролл Тор гонит паннионцев к ним навстречу, капрал. Дуджек и Бруд сейчас, наверное, в трёх лигах отсюда...

Брызгая слюной, Мураш спросил:

– А они об этом знают?

– Да, сержант.

– Откуда?

Хороший вопрос. Насколько тесная связь между тобой и перерождённой Рваной Снастью? И почему ты нам не сказал? Мы – твои солдаты. Мы должны биться за тебя. Так что это отличный растреклятый вопрос.

Паран сердито глянул на Мураша, но не ответил.

Сержант не собирался оставлять тему теперь, когда он перехватил инициативу у Хватки и говорил за всех «Мостожогов».

– Значит, нам чуть было не снесли головы Белолицые, нас едва не поджарили тенескаури, и всё это время мы думали, что одни. Совершенно одни. Не знали, устоял союз или Дуджек с Брудом разорвали друг друга на куски и на западе нет ничего, кроме гниющих костей. А вот вы знали. Так что, если бы вы были мертвы... вот прямо сейчас, сэр...

Мы бы ничего не знали, ничегошеньки.

– Если бы я был мёртв, мы бы не говорили сейчас, – ответил Паран. – Так почему бы нам не притвориться, сержант?

– Можно и не притворяться, – прорычал Мураш и потянулся к мечу.

Остряк, припавший к краю крыши неподалёку, медленно обернулся и выпрямился.

А ну постой!

– Сержант! – рявкнула Хватка. – Ты думаешь, Рваная Снасть тебе улыбнётся, когда увидит в следующий раз? Если сделаешь то, о чём сейчас думаешь?

– Тихо, капрал, – приказал Паран, не сводя глаз с Мураша. – Покончим с этим. Я даже облегчу задачу.

Капитан повернулся спиной к сержанту, ожидая.

Такой больной, что хочет, чтобы это закончилось. Дерьмо. И ведь хуже всего... у всех на глазах.

– Даже не думай, Мураш, – предупредил Молоток. – Всё не так, как кажется...

Хватка накинута на целителя.

– А вот это уже что-то! Прежде, чем мы ушли, ты много болтал со Скворцом, Молоток. Ты и Быстрый Бен. Выкладывай! Капитану нашему так больно, что он хочет, чтоб мы его убили, и никто нам ничего не говорит... Какого Худа вообще происходит?

Целитель скривился:

– Да, Серебряная Лиса тянется к капитану, но он отталкивает её, так что никакого обмена новостями не было. Он знает, что она жива, как и сказал, и, думаю, может понять, насколько она далеко, но не больше. Будь ты проклята, Хватка. Думаешь, тебя и нас, остальных «Мостожогов», опять решили предать только потому, что Паран не говорит с тобой? *Он ни с кем не говорит!* И если бы у тебя в кишках было столько прожжённых дыр, сколько у него, ты сама бы рта не раскрывала! А теперь прекратите, все вы! Посмотрите на себя, и если увидите там стыд – то вы его заслужили!

Хватка остановила взгляд на спине капитана. Он не пошевелился. Не повернулся лицом к своему отряду. Не мог – не сейчас. Молоток всё перевернул. Паран был болен, *а больные не могут думать как следует. Боги, мне в руку вгрызались браслеты, и я теряла контроль. Похоже, я только что прямо в кучу дерьма вляпалась. Да ещё и ругалась, что виноват кто-то другой. Похоже, ожоги Крепи даже не начали заживать. Проклятье. Пожалуйста, пусть Худ наступит на мою гнилую душу, придавит и хорошенько провернёт.*

Паран едва слышал перепалку за своей спиной. Он чувствовал, как на него давит присутствие Серебряной Лисы, чувствовал тёмное желание оказаться намертво раздавленным им, если только это было возможно, – но не поддаться.

Меч между лопаток – *и на этот раз ни один бог не вмешается.* Или последняя, мучительная струя крови в желудок, когда его стенки наконец поддадутся – болезненный вариант, но, тем не менее, такой же смертельный, как любой другой. Или прыжок в толпу вниз, чтобы его разорвали на части, затоптали. Тщета, нащёптывающая о свободе.

Она была очень близко, будто шла по мосту из костей, протянувшемуся от неё до того места, где он сейчас стоял. Нет, не она. Её сила, которая была значительно больше, чем одна Рваная Снасть. Сила, делающая неутомимое желание прорваться сквозь его защиту куда опаснее простой любовной привязанности. Куда больше, чем требование необходимости. *Разве что на Дуджека и Бруда с их армиями напали... а это не так. Боги, я не знаю, откуда я это знаю, но это не так. Я уверен. Это вовсе не Рваная Снасть. Это Ночная Стужа. Беллурдан. Вместе или по отдельности. Что им нужно?*

Внезапно капитана потряс нахлынувший образ, вызвал почти слышимый щелчок в его разуме. Прочь. Куда-то. Сухие каменные плиты в тёмной пещере, глубоко вырезанные борозды на карте из Колоды, резьба на камне, изображение дрожит, словно живое.

Обелиск. Один из Независимых, наклонный монолит... теперь из зелёного камня. Нефрит. Возвышается над иссечёнными ветром волнами – нет, песчаными дюнами. Фигуры в тени монолита. Три, всего три. Оборванные, изломанные, умирающие.

Затем небо за странной картиной *разорвалось.*

И покрытое копыто бога ступило на землю смертных.

Ужас.

Свирепо выдернутый в этот мир – *о, это не твой выбор, да? Кто-то вытащил тебя, и теперь...* – Фэнер был всё равно что мёртв. Бог, заключённый в мире смертных, был словно младенец на алтаре. Всё, что нужно, – нож и злонамеренная рука.

Всё равно что мёртв.

Мрачное знание расцветало в его мозгу, словно белладонна. Но Парану это всё было не нужно. Неимоверно древние силы требовали, чтобы он сделал выбор. Колода Драконов... ею играли Старшие боги... И теперь пожелали играть им.

Такой ли будет роль Господина Колоды, если именно им я стал? Обладатель смертельного знания, а теперь ещё и Худом проклятый посредник? Я вижу, что ты требуешь сделать. Один бог пал, нужно подтолкнуть другого на его место? Смертные поклонялись одному, теперь необходимо, чтобы они поклонились другому? Бездна, неужто нас нужно подталкивать и двигать, словно камешки на доске?

Ярость и негодование раскалились добела в сознании Парана. Затмили боль. Он почувствовал, будто внутренне повернулся, чтобы встретиться лицом к лицу с бесконечным чуждым присутствием, которое преследовало его. Почувствовал, будто раскрылся, взорвался.

Хорошо, ты хотела моего внимания – ты его получила. Слушай внимательно, Ночная Стужа, кем или чем бы ты ни была на самом деле. Возможно, давным-давно были другие Господина Колоды, которых ты могла дёргать и тягать, чтобы они исполняли твою волю.

Худ знает, возможно, это ты, ты и твои Старшие друзья, выбрали меня на сей раз. Но если так – вы ошиблись. Сильно.

Когда-то я был марионеткой бога. Но я обрезал верёвки, если хочешь подробностей – спроси Опоннов. Для этого я вошёл в проклятый меч и даю слово, я сделаю это снова, с куда меньшим милосердием, если я почую попытку управлять мной с вашей стороны.

От такого ответа Паран ощутил холодное торжество, и кровь зверя внутри отозвалась. Шерсть дыбом. Оскаленные клыки. Глубокое, зловещее рычание.

Внезапная тревога.

Да, это правда. На меня не наденешь ошейник, Ночная Стужа. Я говорю это тебе сейчас, и лучше бы тебе прислушаться к моим словам. Я делаю шаг вперёд, становлюсь между тобой и такими же смертными, как я сам. Не знаю, что должен был потерять этот человек, Остряк, чтобы оказаться там, где он был нужен тебе, но я чувствую его раны. Забери тебя Бездна, неужели боль – единственное средство, чтобы заставить нас делать то, чего вы хотите? Похоже, именно так. Тогда знай: пока не найдёшь другое, пока не сможешь показать мне другой путь, отличный от боли и горя, я буду бороться с тобой.

У нас есть свои жизни, у каждого из нас, и они не ваши игрушки. Ни жизнь Хватки, ни Остряка, ни Скаллы.

Ты открыла этот путь, Ночная Стужа, ты соединила нас. Хорошо. Пусть. Дай мне причину – и я пойду по нему. Кровь Пса Тени – знаешь, думаю, если я захочу, то смогу созывать остальных. Всех.

Теперь я кое-что понимаю. Я осознал кое-что, и я понимаю, что это правда. Меч Драгнипур... Две Гончих Тени вернулись на Путь Тьмы. Вернулись, Ночная Стужа. Понимаешь, о чём я? Они вернулись домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.